

Алексей Калинин

ВОЙНА КЛАНОВ

ОХОТНИК 1

16+

Алексей Калинин

Война кланов. Охотник 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42844904

SelfPub; 2019

Аннотация

Скучающие Боги запустили в мир Игру. Три клана, как повелось изначально, и каждый из Богов стремился помочь только своим игрокам. Перевес остался за охотниками, но остальные не смирились со сложившимся порядком... Прошло время, Боги забросили Игру, но не сказали об этом игрокам! В мире всё те же междоусобицы, также льется кровь и звенит металл. Наступило время финальной битвы. Останется один клан, а остальные должны сгинуть навсегда!

Том первый

Попадание в «Войну»

Что-то сегодня жарковато. Меня даже прошибает пот, пока добираюсь до общаги, неся в пакете бутылочку пивка и два «Дошика». Сперва хотел взять нормальных пельменей и устроить себе пир от пуза, но взгляд упал на стеллаж с катриджами видеоигр и...

В общем, теперь я счастливый обладатель катриджа Сеги с завлекательным названием «Война кланов» и возможный обладатель язвы желудка. Хотя, у студента в «топке» всё стораает, поэтому я не особенно переживаю по этому поводу. Зато, сегодня до вечера мне есть чем заняться, а там намечен крестовый поход на «посвящение студентов». А вечером веселье и разгул...

Мимо нашей вахтерши Зинаиды Павловны я прохожу с видом ужасно занятого человека, который вдруг нашел карту с указанием клада и теперь думает – когда же отправиться на поиски? Хорошо ещё, что пакет непроницаем, а то не исключено появление коменданта с нравоучениями по поводу распития спиртных напитков – с неё станется.

– Саша, чего у тебя такое лицо? В туалет хочешь? – слышу я от неё, пока забираю ключи.

– Да нет, погода хорошая. Вот и радуюсь, – я стараюсь сделать улыбку как можно более радостной и искренней.

– А чего домой не уехал?

– Да сегодня же посвящение. Как я уеду?

– Если придешь пьяный, то будешь ночевать на улице, – пригрозила вахтерша.

– Не-не-не, я же вообще не пью, – ответил я, стараясь не сильно отсвечивать пакетом.

– Ну да, рассказывай...

Я захожу в свою комнату на третьем этаже и выдыхаю. Можно приступить к культурному отдыху. Со стола на меня уставился серым буркалом-экраном телевизор, взятый у соседей на выходные. Рядом притулилась игровая приставка, пожертвованная другом Женькой.

«Golden Axe 3» уже пройден. «Mortal Kombat 3» заезжен до такой степени, что Шао Кан уже узнает меня в лицо. «Боевые жабы» с двойными драконами тихо курят в сторонке. Пришло время новой игры!

Морда волка, суровое лицо человека и медвежий оскал настраивают на серьезный лад. Я включаю телевизор с приставкой, открываю бутылочку и бомж-пакет. Надо бы заварить, но так влом ставить чайник – с пивасом и всухомятку сойдет. Всё, я готов к серьезным сражениям и офигительным победам.

Катридж вставлен и, после обязательного значка «SEGA» на экран выплывает картинка с арбалетами, оскаленными

клыми и когтистыми лапами. Арбалет чем-то кажется мне знакомым. Где-то я его видел...

Поверх картинки проявляется надпись «Война кланов». Суровая такая надпись, не чета ругательствам на заборе. Звучит браваурная компьютерная музыка. Вот умеют же композиторы так накладывать звуки, что аж мурашки по коже пробегают. Заставка пропадает и появляется надпись:

Добро пожаловать в ВОЙНУ КЛАНОВ

Выбери игрока

Чуть ниже появляются три перса – человекообразный волк, мужик с арбалетом и медведь с наручными браслетами.

Ну, я приверженец человеческого рода, поэтому без раздумий жму на мужика.

Пиу-у-у!

Тут же пропадают все написи и на экране появляется... Охренеть что появляется...

Снежные хлопья падают и укладываются среди холодных собратьев на лесной поляне. Свинцовые тучи посыпают так, словно хотят стереть с лица земли черные ветви угрюмого леса.

Тоскливый вой проносится над полем. Пока никого, лишь одинокий ворон ерошится на суку и поглядывает одним глазом. Он и сам не знает, что заставило прилететь сюда, почему щемящее чувство необходимости вытащило из дупла?

Что-то должно произойти... Что-то важное...

На краю поляны вздрагивает ветка. Снег срывается и

обнажает сине-зеленые иглы. Из-за деревьев показывается мужчина. Обух топора соскальзывает с ветки, и та кидается обратно, сбрасывая последние комья белой пыли. Герой неторопливо идет по полю, прямо как я на пары.

Ворон приковывает взгляд к одинокому путнику.

Овчинный тулуп распахнут, над человеком слегка зыбится воздух. Скуластое лицо покраснело от ходьбы, на усах и бороде белеют мелкие сосульки. Пар изо рта оседает на околыше меховой шапки. Длинные русые волосы падают за спиной на гладкую черную рукоять. Что это за непонятный отросток и к чему он крепится – птице не удастся разглядеть.

Ворон хрипло каркает. В ватной тишине резкий звук раздается громом среди ясного неба. Мужчина вздрагивает и останавливается. Пронзительный волчий вой звучит ближе.

Пришелец кладет топор, тянет из-за спины рукоять, и она переходит в черную прямоугольную рейку. Человек резко дергает за шнурок, и от рейки расходятся два уса. Сноровисто ложится на ответвления тонкий шнурок и под падающим снегом возникает большой охотничий арбалет. На черном прикладе оружия видны багровые вставки, словно пятна крови на потухшей голове.

Герой натягивает тетиву, аккуратно устраивает болт в ложе и опускается на одно колено. Арбалет смотрит в сторону, откуда донесся волчий вой. Человек замирает, лишь парок дыхания выдает в нём живое существо.

Несколько минут ничего не происходит. Ворон вскидыва-

ется ещё раз, сбрасывая налипший снег. Птица едва не упускает момент, когда из гущи занесенного орешника вылетает черное тело. По полю стелется зверь похожий на человека и волка одновременно. Мощные лапы выкидывают сугробы снега, среди длинных белых зубов мотается алая ленточка языка, золотые глаза прожигают застывшую фигуру.

Ворон вновь хрипло каркает, и мужчина стреляет...

Карканье ворона заставило его вздрогнуть или вид летящего зверя?

Может и то, и другое, но он промахнулся. Болт пронесется рядом с ухом черного существа. Огромный оборотень продолжает мчаться по заснеженному полотну.

Мужчина откидывает в сторону арбалет и сжимает топориче. Фигура человека подается к оборотню, голова втягивается в плечи...

Зверь приближается...

Один взмах лапами, второй...

Бородач прыгает навстречу...

Враги сшибаются в полете и катятся кубарем по снежному полю. Мужчине удастся перекинуть через себя существо, и в ровной простыне поля появляется новая борозда. Несколько алых капель прожигают кипенно-белый снег. Зверь вскакивает на лапы и вскидывает морду к серым тучам. В третий раз тоскливый вой улетает под темнеющие небеса. Мужчина перекидывает топор из одной руки в другую. Черный зверь прижимается к земле...

Громовое рычание раздается на поляне. Человек и зверь оглядываются на новый звук. Огромная ель на краю поляны вздрагивает, словно человек, которому кто-то неожиданно гаркнул над ухом. Лавина срывается с раскидистых ветвей, но не успевает последний ком упасть на землю, как из туманной пелены вырывается ещё одно огромное существо.

Неизвестно, кто сотворил его – человек и медведь слились воедино в этом кошмарном создании. Удлиненные лапы похожи на мохнатые руки, на груди спокойно уляжется годовалый теленок, ярость сверкает в крохотных глазках. Лохматый колосс стоит на задних лапах и сжимает кулачищи, каждый размером с улей диких пчел. Человеко-медведь скалитесь и рычание, напоминающее раскаты обвала в горах, заставляет ворона встрепенуться.

– Вот тебя нам и не хватало! – хрипит мужчина.

Человековолк протяжно воеет в ответ на рычание бурого гостя. Медвежьи лапы приходят в движение, огромное тело со скоростью брошенного копья приближается к двум бойцам.

– Не трожь, он мой! – в рыке оборотня-волка прорезается человеческая речь.

– Ещё увидим! – мужчина прыгает на черного зверя.

Волколак двигается так быстро, что на миг расплывается в темную тень. Слегка уйдя в сторону, огромная лапа цепляет бок человека, и мужчина отлетает в сторону как снежинка, которую ребенок сдувает с рукавички. Поднимается туча

снежной пыли. Правая рука не выпускает топор, хотя другая прижимается к ране на боку. Мужчина вскакивает на ноги и успевает увидеть, как бурый зверь сшибается с черным.

Два огромных монстра схлестываются в воздухе как брошенные навстречу друг другу каменные валуны. Раздаются шлепки ударов, будто пекарь всаживает кулаки в опару. Кладанье клыков бьет по ушам, скрежет когтей заполняет поляну от края до края.

Ворон поворачивает набок голову, внимательно всматриваясь в действия человека. Тот сжимает руками топориче и приседает на колено. Его слова неразборчиво урчат на фоне драки.

Гром раскалывает серое небо. Яркий зигзаг молнии летит в человека, но тот успевает подставить под него оружие. Металл краснеет, небесный пух падает на кельт и поднимается обратно облачками пара. Человек чуть горбится и начинает приближаться к противникам.

Человекомедведь отшвыривает волколака, и тот сбивает мужчину с ног...

Бородач вскакивает первым и заносит над поверженным оборотнем раскаленный топор...

Черный зверь отталкивается лапами от заснеженной земли, и кельт вонзается между мохнатых конечностей...

Огромная пятерня бьет в ответ. Мужчина отлетает на добрый десяток сажений. Топор остается торчать в заледеневшей корке...

Над топорщиком пролетает бурый снаряд, и звери вновь сталкиваются в яростной схватке. Брызги алой крови прожигают дырки в снежном покрывале. Длинные когти впиваются в черную морду, клыки до половины окрашиваются алым. Человековолк не отстает от своего противника, рвет так же отчаянно, стремится не защищаться, а нападать.

Человек достает из-за пазухи несколько острых багровых стержней. Он что-то шепчет, но ворон не в силах разобрать слова за завыванием ветра, рычанием и смачными шлепками. Бородачу не удастся воспользоваться иглами, также, как и топором...

Человекомедведь успевает перехватить удар. Он поднимает человека за руку и несколькими движениями вырывает иглы из окровавленной ладони. Заносит лапу, чтобы снести кучерявую голову, но в этот момент зубы волкодлака впиваются в мускулистую ногу, и огромный зверь взывает, вырвав человека...

Ворон срывается с места и поднимается над полем битвы. Видит, как уклоняется от замаха человек, как машет лапами черный зверь, как приседает и отпрыгивает человекомедведь... Битва продолжается долго, трое бойцов вытаптывают широкий круг, увлажняют его кровью.

Никто не может взять верх. Ворон парит и чувствует, как снег прилипает к крыльям и делает их тяжелее.

Наступает короткий миг передышки, когда бурый зверь отшвыривает в сторону волкодлака и отбрасывает человека.

Трое встают по краям грязно-алого круга – проведи между ними прямые, получится правильный треугольник. Трое смотрят друг на друга. От усталости дрожат руки, ноги, лапы. В глазах сверкает бессильная злость. Они понимают, что не могут одолеть противников.

– Договор! – хрипло выкрикивает человек.

– Договор! – рычит черный зверь.

– Договор! – грохочет человекомедведь.

Трое сходятся посередине круга. Ворон опускается рядом, но не слышит, о чем говорят трое истекающих кровью существ – их словно окружает хрустальный кокон и звуки не проникают за его пределы.

Ворон мелкими прыжками подбирается ближе и в этот момент человек резко выпрямляет руку. Коротко сверкает багровый всполох, и ворон на краткий миг видит летящую в его сторону медную иглу...

Электрический разряд вылетает из экрана телевизора, и я вижу только вспышку, прежде чем наступает темнота...

Что за хрень?

Это была моя первая мысль и я собирался её как следует обдумать. Но сначала надо осмотреться...

Я лежу на полу, пот попадает в глаза. Щиплет. Ещё и воняет пивом, как будто я упал в бочку с солодом.

Я стираю влагу со лба и смотрю на мокрую ладонь. Ни хрена себе, вспотнул. Или это пиво? Бутылка лежит поодаль и печально пялится на меня горлышком. Половина содержи-

мого на полу.

Вот и попил пивка...

Чего это меня так шибануло? И почему в комнате пахнет горелым?

Твою же мать! Телевизор слабо дымится и горестно потрескивает. Вот и поигрался в новую игрушку... Как теперь перед Серегой с Кирюхой оправдываться?

На прикроватной тумбочке стоит фотография в синей пластиковой рамке. С глянцевой поверхности улыбается девушка, которая так неожиданно ворвалась в жизнь первокурсника и так внезапно из неё исчезла... Тихо забрала документы из техникума и исчезла. Эх, Людмила, Людмила.

Всё! Не хватало ещё расплакаться! Соберись, тряпка! Разнюнился...

Свет на ней не сошелся клином, будут в жизни другие встречи и расставания. Сейчас нужно подняться, оценить ущерб, взять мыльно-рыльные принадлежности и привести себя в порядок. С телевизором попробую разобраться позже. А вот с игрой... Крутая заставка, и ведь озвучка

Гляжу на часы и ойкаю.

Вот-вот забежит сокурсник, так что нужно поторапливаться. Хотя, если придем раньше, то рискуем напиться до начала мероприятия, если же придем позже, то вечер грозит пройти на сухую. «Точность – вежливость королей и долг всех добрых людей» – как говаривал Людовик Великий, а дядька, который правил семьдесят два года, вряд ли фигню

какую сморозит.

Всё, почти всё. Оглядываю себя. Вроде ничего. Высокий, плечистый парень с резко очерченными скулами. Светло-русые волосы. Немного кривой нос – память о секции по рукопашному бою. Слегка оттопыренные уши добавляют мальчишеского задора вполне серьезному выражению лица. Не красавец писанный, но и далеко не урод.

Я делаю бедрами известное движение Майкла Джексона – самец готов выйти на охоту. Берегитесь, девчата!

Единственная родственница, тетя Маша, не устает повторять, что я очень похож на отца, только глаза мамины, синевато-желтоватого оттенка утреннего неба. О сходстве я могу судить только по оставшимся фотографиям...

– Ну что, ты готов? – дверь распахивается, и в комнату влетает ураган по имени Женька. – Фу, ну и вонища у тебя тут.

Его приставка как раз и стоит на столе, возле сгоревшего телевизора. Он видит, что я причесываюсь, и пытается изобразить боксера, а мне достается незавидная роль груши.

– Готов, готов, осталось «туалеткой» брызнуться! Это я пытался телек настроить, но там лампа сгорела...

Я уклоняюсь от двух ударов и отвешиваю ему щелбана. В ответ на это огорченный сокурсник исподтишка дает мне пендаля и кидается к столу, где лежит собранная закуска. Хлеб, вареные яйца, зелень и кольцо «Краковской».

– Всё, обожемся и помрем молодыми. Завязывай прихо-

рашиваться, нас батя подкинет. Да и ребята уже ждут. Давай шустрой! – Женька мчится к дверям, я иду следом.

Напоследок окидываю взглядом студенческую комнату общежития, где покоятся три кровати, тумбочки, шкаф и стол с табуретками. Вроде бы всё выключено. Выхожу и закрываю дверь.

В этот момент перед глазами вспыхивает и почти сразу же пропадает надпись:

Твое первое задание:

ВЫЖИТЬ

Пока я хлопаю глазами, надпись благополучно смывается. Трясу головой, но надпись не появляется. Ёкарный бабай, не хватало ещё кукушкой повредиться из-за электрического разряда...

Боевое крещение

– Ты отлично двигаешься! – кричу я в розовое ушко, чуть прижимая горячее тело.

В небольшом зале дискотечного клуба «Ш.П.» по-другому общаться невозможно, а говорить что-то нужно, и так целую минуту топчемся без слов. Скоро песня закончится, и неизвестно – когда ещё наберусь смелости пригласить на танец эту феечку. То, что она из сказок не оставляет никаких сомнений – такая прелестница не может быть обычным человеком. Эльфийкой может, человеком – нет.

Глаза девушки сверкают шоколадной глубиной, когда нежный голосок отвечает:

– Спасибо, ты тоже хорошо ведешь!

Сердце стучит с частотой заводящегося мотора, словно в первый раз, когда увидел её в компании других первокурсниц.

Красавица плыла по коридору легкой походкой, почти не касаясь вытертого линолеума. Проходя мимо нашей группки, улыбнулась именно мне, хотя могло и показаться. Зачесанные светло-русые волосы спускались ниже плеч и показывались при каждом шаге. Красивое лицо, бездонные глаза и сногшибательная фигурка лучились таким внутренним светом, что я невольно замер, не закончив свежий анекдот.

А теперь мы танцуем медленный танец, и я почти счаст-

лив. Почти, потому что где-то внутри ноет червячок и напоминает про Люду...

Лучи стробоскопа раскрашивают танцующие пары, скользят по возвышению ди-джея, облизывают ломаные линии, нарисованные фосфорной краской на стенах, предательски выдают сосущиеся парочки в углах.

Друг и сокурник Евгений Коротаев подмигивает и выставляет большой палец, то ли оценивая девушку, то ли подбадривая. Он обнимает партнершу неподалеку от нас и также топчется на кафельном полу. Рыженькая миловидная девушка что-то увлеченно трещит ему на ухо.

Разговор нужно вести дальше. Однако мыслей так много, а язык словно обложили камнями.

Что говорить, чем заинтересовать?

Наконец, отбрасываю сомнения в сторону, и выбираю привычную линию ненавязчивой болтовни:

– Меня Александр зовут, но чаще всего прихожу незванным. А как называть упавшего с неба прекрасного ангела, что составляет компанию в танце?

Как же банально! Но слово не воробей – выплунешь и неизвестно, когда придется напиться. Мысли мечутся в разгоряченном мозгу.

Блин, опозорился?

– Юля, и не ангел я вовсе, но за комплимент спасибо! – скользнувший по лицу луч стробоскопа заставляет карие глаза вспыхнуть красным, и на миг превращает партнершу в

соблазнительную вампиршу из фильмов ужасов.

Я открываю рот, чтобы продолжить в этом же духе и, возможно, развить небольшой успех, но "вампириша" прикладывает тонкий пальчик к губам:

– Давай дотанцуем, а то разговоры сбивают с ритма!

Я невольно вдыхаю, и аромат духов щекочет ноздри. Пахнет луговыми травами и запахом малины. С удовольствием киваю и кружусь, держа за талию волшебное творение. Держу как бокал из тончайшего хрусталя, боюсь дышать, чтобы не спугнуть мечту, сказку.

Под сводом клуба «Шуйский пролетарий» крутится блестящий шар, мелкие зайчики легонько перепрыгивают с пары на пару. Сладкоголосая певица группы «Nightwish» выводит рулады о прогулках по воздуху. А нас кружат волны музыки, покачивают в такт, и мы сами будто порхаем в облаках.

И никого рядом, лишь огромные карие глаза, лишь несмелые прикосновения рук, лишь чудесно пахнущие волосы. Сплошной романтизм и гон крови по артериям и венам...

Так не хочется прекращать сказочный танец и чувствовать прикосновения жаркого тела, но певице задолбалось гулять в звездных высотах, и песня заканчивается. Юлины руки соскальзывают с плеч, нужно срочно что-то предпринять.

– Благодарю за прекрасный танец, чудесное создание с великолепным именем Юлия! Разрешишь чем-нибудь угостить? – я придерживаю девушку за талию.

Стипендия, полученная накануне «дня посвящения» и не успевшая перейти в съедобное состояние, позволяет задать такой «мажорский» вопрос.

Легкая кофточка сминается от прикосновения руки и приоткрывает полоску светлой кожи. Невольно задерживаю взгляд на подобном откровении, и, ценой титанических усилий, получается перевести взгляд обратно на лицо.

Ди-джей ставит что-то энергичное и популярное, где нет близкого контакта, зато есть ритмичное «дыц-дыц-дыц». Вокруг собираются в кружки студенты, которые разошлись на время медленного танца. Юля окидывает взглядом затемненный зал, и её изящная ручка кому-то машет.

– Разрешаю угостить минералкой, а то здесь очень душно! – Юля улыбается, и у меня екает сердце.

И это я – закаленный в любовных интригах третьекурсник, у кого несколько раз был секс с Людой, и целая куча поцелуев с другими девчонками! Мало? Ну да, я немного скромн.

Эх, Людмила, где же ты сейчас? Но нет, нужно перестать вспоминать прошлое.

Не буду! Она не вернулась и забрала документы, мне ни строчки.

Предала! Но прочь грустные мысли!

Хватит. Я же пришел забыться и повеселиться. Жги, Сашка, рви последнюю тельняшку!

– А может, чего покрепче? Пивка для танцевального рыв-

ка, или винца для улучшения цвета лица?

Юля двигается за спиной, пока я ледоколом рассекаю людскую потеющую массу. И тут из моей руки вырывается её теплая ладошка. Я оглядываюсь. Что такое? В ответ на «невинный» вопрос получаю такой обжигающий взгляд, что уши вспыхивают угольками.

– Нет, только минералку! – в голосе слышен перезвон сосулук. Однако не успеваю мысленно оттащить себя за вихры, как тон меняется на более теплый. – Я не пью спиртное, и не переношу его запах.

– Ну, нет – так нет, и я почти не пью, – сразу отвечаю, пока во рту тщательно перекачивается мятная жвачка. – Хотя за бокалом чего-нибудь слабоалкогольного и разговор льется ручейком.

– Не замечала, что ты конфузишься разговаривать! – в свете ультрафиолета зубки кажутся белее мела.

Облегченно выдыхаю – чуть не испортил впечатление. О чем говорить дальше? Юля не такая, как другие девчонки: этим подкинешь пару банок пива и готовы хохотать над любой глупостью.

А может она цену набивает?

Вряд ли, тут дело серьёзное, и разговор нужно вести осторожно, иначе придется возвращаться одному по холодной промозглой улице. Или шуровать в компании Евгения и рыжевласки. Не особенно радует молчать всю дорогу, поддакивать в нужных местах и слушать переливчатую лапшу.

Сжимая в руке прохладную ладонь, я пробиваюсь сквозь толпу, и мы подходим к дискотечному бару. По крайней мере, неоновая вывеска «Bar» старается всех в этом убедить.

За стеклянной дверью скрывается большая комната с неказистой барной стойкой. За этой перегородкой мрачно возвышается зеркальный шкаф, где красуются бутылки пива и легкие наливки. В центре комнаты доживают век несколько столов с пластмассовыми "тронами", к стенам пугливо жмутся длинные дощатые полки.

Водка запрещена, а нарушающие вето студенты наказывались строгими выговорами, вплоть до исключения из «технаря». Поэтому студиясы стараются «набрать форму» до дискотеки, а в бар ходят догоняться те, у кого в кармане хрустит, а не позванивает или уныло молчит.

Я с друзьями бегал через дорогу, в небольшую пивнушку за сильно разбавленным, но дешевым пивом.

Столики оккупированы посетителями. Мы занимаем место у настенных полок. Синеватая клеенка местами порезана усердными посетителями, словно тут играли в «ножички». Из-за застекленных дверей музыка звучит тише, и можно не напрягать голосовые связки. Гости бара окидывают нас взглядами и возвращаются к бутылкам и пластиковым стаканам. Как в американском салуне – зашел ковбой и хрен с тобой.

– Прошу извинить милостивую сударыню за то, что остав-

ляю в одиночестве, но мне нужно быстренько одолеть вон того волосатого дракона, дабы принести трофейную минералку! – я киваю в сторону барной стойки и изображаю галантный поклон. Были бы сапоги – лихо цокнул каблуками.

– Соизволяю, но прошу недолго! Победите дракона и тут же назад! – в тон моему дурашливому тону отвечает девушка.

Юмор понимает, уже хорошо.

Щуплый бармен болтает с захмелевшей грудастой девчонкой с соседнего отделения бухгалтеров. "Гроза отчетов и зарплат" до невозможности растягивает пухлый ротик, маслянисто-завлекающе поблескивают голубые глазки, грудь третьего размера угрожает порвать тонкую ткань блузки.

– Уважаемый, две минералки, пожалуйста! – я шлепаю стольником по стойке.

Эх, гулять так гулять!

Никакой реакции в ответ. Похоже, длинноволосый бармен чересчур увлекся разведением подруги и никого не замечает, или же делает вид, что настоящий гусар. С раздражением (еще бы – препятствие, задержка на пути к мечте), я повторяю заказ громче.

– Подожди, сейчас отдам заказ и подойду! – отвечает бармен, чей жаркий взгляд почти со чпоком отрывается от груди «бухгалтерши».

Из-под прилавка показывается большой пластиковый стакан, блестящий краник утопает в руке. Тару наполняет ян-

тарная струйка. Тихо растет шапка пены, на пластиковых стенках выступают мелкие капельки. Хмельные глазки «бухгалтерши», неотрывно взирают на процесс, пухлые губки растягиваются в пьяной улыбке.

Я поворачиваюсь к Юле и ободряюще подмигиваю. Девушка кивает в ответ, и, с выражением легкой брезгливости на лице, продолжает осматривать помещение. Отлично её понимаю – мне тоже не нравится здесь.

Замызганные серые стены, напрягающая атмосфера. Хмурые субъекты с татуированными пальцами. Поддаввшие старшекурсницы, которым черт давно уже не брат. У потолка сизым туманом гуляет сигаретный дым, который застилает и рассеивает свет запыленных ламп.

Посреди сумрачного разгула, как ангел среди чертей, выделяется стройная фигурка, светится невинностью милое личико. Появляется легкая улыбка, когда замечает мой взгляд. Не здесь Юля должна быть, ох и не здесь.

И, от осознания этого факта, непонятная злость на окружающих, на обстановку, и на себя закипает в душе, но вместе с тем подрагивают колени, мышцы дергаются, словно от ударов тока. Какая-то странная краснота наползает на очертания предметов, словно гаснет обычный свет и появляется свет из комнаты для проявки фотографий.

И движения других людей замедляются...

Фигня какая-то. Надо встряхнуться, чтобы снять странные ощущения.

– Ну ладно, милый, спасибо за пивасик, ещё увидимся! – «бухгалтерша» хватает стакан, и легкой бабочкой смывается в сторону танцпола.

Только что засыпающая на барной стойке, девушка ступает уверенно и твердо, унося жидкую добычу. Бармен ошале-ло смотрит вслед. Когда же понимает, что его банально раз-вели, зло сплевывает на пол:

– Вот же проשמандовка! Продинамила! Ну, чего тебе?

– Две минералки! – эпизод охлаждает злость и даже весе-лит.

«Бухгалтершам» палец в рот не клади – вся группа из де-вушек. У них «бухучет» поставлен на широкий поток – скру-пулезно учитывают и делятся опытом, где и как можно бух-нуть на халяву. Похоже, бармен устроился недавно, посколь-ку прежние опытные «корчмари» не ведутся на подобные представления.

Подав две запотевших бутылки, бармен швыряет на стой-ку полтинник.

– Э-э, слышь, уважаемый, на такую сумму я могу пять бу-тылей купить, и на жвачку останется!

– Не нравится – ищи дешевле! – бурчит бармен и отво-рачивается к зеркальному шкафу, исподтишка наблюдая за моей реакцией.

Ну да, надо же отбивать «подаренное» пиво.

Спавшая злость вновь захлестывает горячей волной. Да как он смеет отыгрываться на мне? Сам ошибся – нечего на

других срываться! Снова краснота. На этот раз краски становятся гуще, как будто кто-то замазывает кровью стекло кинокамеры.

Однако, меня ждет Юля, и это немного смирят пыл, хотя игривое настроение изрядно подпорчено таким отношением. Взглядом я обещаю бармену увидеться позже, при более удобных обстоятельствах.

Появившуюся красноту я списываю на повышение давления. А на что ещё списать?

Юля рассеяно смотрела в зал сквозь стекла дверей. Три парня со столика в углу открыто кидают на неё сальные взгляды, переговариваются и ржут масляным шуткам. Это тоже мало способствует поднятию настроения. А ведь хотел прийти развеяться...

– Благодарю! – Юля берет запотевшую бутылку из рук и кивает в сторону барной стойки. – Что-то случилось? У тебя грустное лицо.

– Бармена на бокал пива развели, вот и срывается на всех, – я придвигаюсь ближе. – Ой, да и фиг с ним! Давай лучше познакомимся поближе. Я знаю, что ты на первом курсе учишься. А где живешь? Может нам по дороге, и я буду удостоен чести тебя проводить?

– Вообще-то я не одна (сердце подскакивает к горлу), а с подружками (сердце успокоено планирует обратно), но от хорошей компании не откажусь. Живем около Педунивера (ого, через весь город чесать!), не раздумал ещё провожать?

А вот, кстати, и Кристина с Таней подходят! – Юля машет рукой двум симпатичным девушкам, которые возникают в дверном проеме.

Рыженькая девчонка недавно танцевала с Евгением.

Вот же повезло! Мой друг охмурял её подружку!

Вместе веселее будет идти.

– Мы тебя там высматриваем, а ты тут развлекаешься! – стрельнув лукавым взглядом, щебечет рыженькая. – Мы домой собираемся, скучновато стало. Ты с нами? Или с кавалером останешься?

– Конечно, иду! Да и кавалер изъявил желание предоставить защиту и охрану. Пообещал проводить и защитить от маньяков и насильников! – отвечает Юля и незаметно пожимает мою руку.

– Привет, офигительнейшим представительницам человечества! А куда Евгения подевала? – я улыбаюсь, принимая игру в любезность. – Или меня ищет, чтобы препроводить под более надежной охраной прекрасных дам?

– Женька – твой друг? Да ему сейчас самому защита нужна. Он с двумя парнями у туалета разбирается. Кто кого из них толкнул – непонятно, меня Кристинка сразу утащила! – рыженькая Таня кокетливо поправляет безукоризненно лежащую челку.

– Опять?

Я страдальчески закатываю глаза. Мда, насчет удачного стечения обстоятельств я очень и очень сильно погорячил-

ся. Начало происходить то, чего опасался – очередное невеселое завершение дискотеки, то есть "разборка". Минералка не дожидается своего открытия, поэтому я её протягиваю Тане.

– Что, частенько бывает? – хихикает рыжевласка. Юля тоже заинтересованно смотрит.

– Бывает, иногда. Извините, милые дамы, но я вынужден вас покинуть. Сейчас постараюсь мирным образом утрясти возникший философский диспут. А после мы в полной мере обеспечим охрану и защиту от ночных маньяков! – я дурашливо кланяюсь и собираюсь выйти из бара.

Евгений все-таки друг, хотя и редкий раздолбай.

– Мужчины! – грудным голосом говорит Кристина. – Все бы вам разбираться!

– Может не надо? – когда я, поджав губы, мотаю головой, Юля продолжает. – Возвращайся скорее... и аккуратнее там.

От этих слов грудь сама собой выпячивается колесом, а плечи же напротив – отходят назад. Так, походкой уверенного в себе мужчины, я выхожу из бара, а в спину звенит озорной крик Тани:

– И Женьку не забудь!

Забудешь его, как же!

На танцполе царит движение. Упругий сумрак пытаются рассеять лучи стробоскопа и вспышки разноцветных ламп. Топчется и пытит народ, компании образуют небольшие кружки. Девчонки гарцуют перед парнями, изгибаются в меру врожденных приличий. Ребята выкаблучиваются в

ответ, стараясь не сходить с занятого места и не наступить на кучку женских сумочек.

Я по стенке пробираюсь к туалету, где виднеется высокая фигура Евгения. Возле друга вертятся два сухощавых паренька, поглядывают на него снизу вверх. Евгений, на целую голову выше парней и по комплекции как оба вместе взятые, вяло отвечает и хмурится.

Две Моськи прыгают на Слона из басни Крылова, даже забавно. Но шутки шутками, а ребята не внушают доверия.

Тревога шевелится где-то глубоко внутри – обычно парни субтильного телосложения твякнут пару раз и отходят, но эти явно похожи на «зазывал». Подобные индивидуумы появляются на каждой дискотеке: специально напрашиваются на грубость и выводят на улицу обычным предложением: «Пошли, поговорим? Или зассал?». А в темноте поджидает толпа в пять-десять человек, и у всех нестерпимо чешутся кулаки.

Так и есть – один из парней мотает стриженной головой в сторону выхода. Где-то я его видел?

– Здравсте, господа хорошие, и недобрым тоже привет! Что за терки на танцполе? – я стараюсь улыбнуться как можно дружелюбнее, авось удастся уладить мирным путем.

Так не хочется доказывать кому-то, что зубы мне ещё пригодятся.

– Что за чудо вылезло? Не лезь – не с тобой базар ведем, а то тоже огребешь! – коротко стриженный окидывает взгля-

дом мою внушительную фигуру.

– Он здесь был, а вот вы откуда выползли? Дергайте обратно, пока в памяти! – предлагает Евгений.

Если предлагает, значит, не очень сильно достали, хотя крылья носа отчетливо подрагивают и кончики пальцев выстукивают дробь на шершавой стене.

– Ты борзянки обожрался, марамой? Тяни кента и пойдем побазарим, нечего перед мусорами светиться! – отвечает другой парень, похожий на крысу. Вытянутый нос постоянно шмыгает, и вертится по сторонам, словно принохиваясь к чему-то.

В десяти метрах от нас активно кокетничает с двумя молодыми милиционерами заведующая отделением технологов. Женщина бальзаковского возраста то и дело поправляет аккуратно уложенные волосы, стреляет при каждом удобном случае выразительными взглядами. Словно та «бухгалтерша» из бара, но если там «актриса» выиграла пиво, то здесь игра ведется на более крупные ставки.

Может, сегодня хоть ей повезёт?

– Нет, бойцы, давайте на месте перетрем и разбежимся своими дорогами! – я ещё надеялся на мирное урегулирование и скорейшее возвращение к Юле.

– Чё, подружки, боитесь – мы вас в кустиках опустим? – щерится стриженный парень.

Последней фразой он все-таки добивается своего – окончательно выводит из душевного равновесия Евгения, и хоро-

нит недавнюю надежду на мирное урегулирование конфликта. Кулак бьет по стене, и на темно-синей поверхности остается паутинка белых трещинок.

– Пошли, хмыри!!! Нечего впустую гонять!!! – рывкает Евгений.

Возражать и пытаться утихомирить бесполезно – являясь ярим гомофобом, друг очень агрессивно реагирует на подобные оскорбления. Остролицый радостно улыбается и поворачивается к выходу.

– Женька, голимый же развод, чего ты повелся? – спрашиваю я, когда слегка отстаем от идущих впереди парней.

– Мне сиренево. Он должен ответить за свои слова! – лицо Евгения багровеет, в таком состоянии он готов идти против любой толпы.

– Из-за чего хоть разборы-то?

Хотя от ребят и пахнет «смелой» водой, но не настолько же они пьяные, чтобы с бухты-барахты лезть на здоровенного бугая.

– Они шарились по залу, и тот, остроносый, наступил мне на ногу. Я посоветовал гулять аккуратнее, носатый залупился, мол, не раскидывай оглобли. И так слово за слово, членом по столу! – Евгений смотрит на спины, нервно сжимая кулаки.

Кулаки внушительного размера, недаром же Евгений столько лет со спортом «на ты». Вот выдержки и здравомыслия явно не хватает, иначе не выходили сейчас на улицу, а

«утихомирили» бы ребят, и оставили посапывать в отдаленном темном уголке. Но нет же, теперь Евгений хочет крови, и неизвестно – чем эта жажда обернется.

Мы оказываемся на улице. Свежий осенний воздух окатывает прохладой, немного остужает разгоряченные лица, а ветерок ласково сушит пот, оставшийся после душного помещения. За нами выходит молодой сержант и чиркает зажигалкой. Остроносый кивает на рощицу через дорогу.

Из-за рощи выглядывает забор колхозного рынка, справа спят закрытые ларьки и достопамятная пивнушка. Возле последней, с ополовиненными стаканами в руках, переговариваются несколько человек. Слева от рощи медленно текут холодные воды Тезы.

Движения в роще не наблюдается. Под ногами шелестит опавшая листва, мокрые кусты цепляют за одежду, с веток порыжевших лип срываются капли. Свет уличных фонарей достает и сюда, проникает между стволами и рассеивает осеннюю тьму. На небольшой полянке ни души, что не может не радовать. Бутылки из-под пива, жестяные банки, обрывки газет и прочая грязь цивилизованного мира укрывают землю разноцветным ковром.

– Слышь, хорек, так что там насчет «подружек»? – спрашивает Евгений, – Ответишь, или вас сходу размотать?

– Ты с кем бакланишь, мудила? Ещё не всосал тему? – гундосит остроносый.

– Вас сейчас самих закопают, лошары! – так же громко

говорит второй. Суетливый взгляд блуждает за нашими спинами.

Я быстро оглядываюсь.

Ёкарный бабай! Не зря же чучечка кричала, что это зазывалы...

К нам неторопливо подходит группа, замеченная у пивнушки. Люди разного телосложения, но одинаково одетые. На плечах куртки из кожи «дермантозавра», на ногах спортивные штаны. Хулиганы местного разлива. И подходят, судя по лицам, явно не с целью поинтересоваться – сколько сейчас градусов по Фаренгейту. Гоп-компания, всегда наглая и храбрая, уверенная в себе и плюющая на других... с одним маленьким «но» – она такая лишь при количественном перевесе.

– Ну чё, чувырлы, хотели моего братишку щемануть? А? Чё молчите – языки в задницу засунули? – спрашивает один из подошедших, крепыш со шрамом на щеке.

Так вот на кого похож стриженный парень! Кто-то из наших рассказывал, что Жила успел отсидеть небольшой срок за воровство. Теперь набрал команду отмороженных и занимается мелким грабежом и разбоем.

И нам выпала честь познакомиться лично...

– Если он твой брательник, так научи по уму базарить и сам тормознись – не с мелочью трешь! – Евгений тоже узнал Жилу.

Отступать некуда, и остается строить из себя авторитет-

ных людей. При благоприятном исходе – разойдемся по сторонам, или перенесем разговор на более позднее время. Но сегодня точно не мой день.

– Ты чё, щегол, учить меня вздумал? На кого выеживаешься? А? – Жила выплевывает сигарету и делает шаг вперед.

Красный уголек падает на мокрую листву и обиженно пшикает.

– Осади слегонца и не накаляйся. Твой брат неправ, и конкретно, так что прежде чем впрягаться, разберись в теме! Если дело серьезное, то встретимся в неформальной обстановке, и слово за нас скажут солидные люди. Так, с бухты-бархаты, можем и не решить! – вмешиваюсь я.

Жила поднимает бровь, когда смотрит на брата. Остальная компания рассредоточивается по роще, отрезает путь к дороге. Позади Теза.

У левой ноги замечаю бутылку из-под пива. Всё же оружие.

– Да чё с ними разбираться? Эти лошки горбатого лепят, основных из себя строят, а на самом деле промокашки беспонтовые. Все за вас знаем, так что не сучите ногами! – скулит «братишка».

– Так вы чё, пургу прогнали? Мне?! Ну и чем отвечать будете – бабосами или здоровья лишку? – Жила сплевывает в сторону и, разворачиваясь обратно, бьет правой рукой, метя Евгению в челюсть.

Реакция нарабатывалась годами, и удар уходит в пустоту. Но, когда Евгений отшатывается, на него прыгает брат Жилы. Его короткий полет обрывается боковым ударом в живот.

Нога выстреливает сама, причем резко, словно на волю вырвалась сжатая пружина. Сам от себя такого не ожидал. Рефлексы. Стриженный отлетает назад и складывается пополам, руками обхватив живот.

Первый удар сделан, назад дороги нет. Теперь только в прорыв и постараться выйти с наименьшими повреждениями!

– Мочи их!

Подобно быкам на красную тряпку группа бойцов кидается в атаку.

Дальше всё смешивается в непрерывную череду ударов, грязного мата и болезненных вскриков. Мыс Евгением работает кулаками как заведенные. Удары сыплются с разных сторон. Бьют куда попало, не разбирая, не думая, не щадя.

В темноте мелькают перекошенные яростью лица, оскалы зубов, сбитые холки кулаков. С головой захлестывает недавняя злость, и я сам кидаюсь на этих гандонов.

Ярость находит выход. Краснота застилает глаза. Всё расплывается и в то же время становятся четкими движения, которые проплывают мимо.

Сломать! Покалечить!

Жалости и сожаления как не бывало. Не может быть и ре-

чи об отступлении. Сдаваться никто не собирается.

Перехватить ногу и по яйцам! Удар, ещё один. Уклон и в грудь...

Пробиться не удастся. Нас отбрасывают к деревьям, и возникает небольшая пауза. У двоих струится из носа кровь, один зажимает глаз, брат Жилы поднимается с земли.

Во рту металлический привкус крови, под языком показывается нижний резец. Евгений старается перенести вес на левую ногу.

Жила сует руку в карман и криво усмехается:

– Ну всё, падлы, хана вам!

Новая атака, и мы снова кидаемся на прорыв. Перед глазами возникает хмырь в бейсболке, я бью точно под согнутый козырек. «Бейсболка» отлетает на пару метров, катится по палой листве.

Кто-то запрыгивает со спины и обхватывает шею локтевым сгибом, другая рука лезет прокуренными пальцами в глаза. Пока я оттягиваю вонючую ладонь, слева прилетает ещё два удара. Один из них попадает в глаз – слезы брызгают ручьем, темные фигуры мутнеют. Глаз моментально заплывает.

Жесткий пинок под колено, но падаю ничком и перекатываюсь через голову. Заодно сбрасываю прилипшего сзади. Остроносый! Шея освобождается и я, завершив кувырок, локтем врезаю по ненавистному рылу. Оставляю парня лежать на земле и смотреть хорошие сны.

Футбольным ударом меня отбрасывает от поверженного противника. Я врезаюсь боком в старую липу. Влажная ветка громко хрустит под весом, острый сучок пропарывает куртку. Пламя широкой полосой обжигает кожу.

Твари!

Злость перерастает в ненависть к сволочам, что умеют нападать только с явным превосходством, или в темноте, со спины. Ярость подхлестывает лучше любого стимулятора, и я вскакиваю на ноги.

Уничтожить!

Я пытаюсь вдохнуть, и жаркая молния стегает по груди, заставляет согнуться. Похоже, что сломано ребро, но падать нельзя – затопчут.

Ненавижу!

Снова вдох и темнеет в глазах. Удар в правую скулу, и земля рвется навстречу. Пытаюсь не упасть, перебираю ногами, но тело мотает и всё больше относит к холодной Тезе. Очередное дерево останавливает недолгий бег и, придерживая грудь, я выпрямляюсь.

Евгений отбивается от троих нападающих, за их спинами крадется Жила, выбирая момент для нападения, в руке поблескивает перочинный нож. Тела двоих лежат среди мусора. Где же ещё один?

– Женька, у него!..

Я не успеваю закончить фразу.

Слева выныривает окровавленная рожа стриженного пар-

ня, и челюсть вспыхивает от резкой боли. Я пытаюсь ударить в ответ, но очередная острая вспышка боли скручивает тело, на мгновение теряю противника из виду. В следующую секунду я вижу летящий кулак, на пальцах сверкает металлическая полоса.

«Кастет!» – мелькает мысль за миг до того, как в голове взрывается бомба.

Яркая вспышка и тут же непроглядная темнота, ощущение полета в невесомости... Откуда-то слышится громовое рычание и почти сразу же истошные крики...

Жесткое падение на землю. Боль уходит... Накатывает вселенская тьма морозной ночи...

Ненавижу!

Первый навык

– Женька, у него нож! – истошно кричу я и пугаюсь собственного голоса.

Его нет! Ни вопля, ни писка! Ничего... Ти-ши-на.

Я не ощущаю тела. Темнота, сплошной мрак! Где я? Я парализован?

– Эй! – и снова не слышно голоса.

Может потому, что мне нечем кричать? От этой мысли я пугаюсь ещё больше. Я пробую пошевелить хотя бы чем-нибудь, но даже язык не может коснуться зубов. Зубов нет... языка тоже....

Может я умер?

От этих мыслей страх накрывает огромной волной. Я кричу неслышимым голосом, бьюсь несуществующим телом, стучу иллюзорными руками и ногами.

Но я же существую!

В диком ужасе я пропускаю возникновение картинки. Словно кто-то открыл глаза, и я вижу всё его глазами. Словно сижу в огромном кинотеатре, где я всего один зритель. Ощущаю чьё-то тело, слышу чьи-то мысли, чувствую чьи-то эмоции.

Но это всё не моё...

Я пробираюсь по сырой осенней тайге. Угрюмо иду впе-

ред: обхожу замшелые пни, проваливаюсь в заросшие осокой овраги, продираюсь через переплетение кустов.

Это не мои руки!

Запах чувствуется явственнее. Muskus, мокрая псина и железный оттенок крови. Застарелый запах, кислый.

Ненавижу! Как же я ненавижу! Уничтожить тварь!

Эти мысли не мои! Но как похоже на моё недавнее состояние... А запах...

Манящая струйка ведет вглубь, в темноту дикой природы. Все чаще я бухаюсь во влажный мох, но упрямо сжимаю зубы. Иду вперед.

Это чужие ноги!

Спешу дальше, листьями иван-чая оттираю грязные руки. По ногам кузнечным молотом бьет усталость, дрожащие колени пытаются побеждено согнуться, каждый шаг дается с трудом.

– Эй, ты кто? Ты слышишь меня?

Отомстить! Убить!

Левой! Правой!

– Мужик! Ты меня слышишь?

Подготовка помогает в пути, но нервное напряжение выматывает сильнее многокилометрового спринта. Чувствую, что цель неподалеку.

Отомстить! Убить!

Левой! Правой!

Воняющие тухлыми яйцами болота подсовывают коряги и

кочки – наступи на одну и провалишься в бездонную хлябь.

Ненавижу!

Не получается докричаться до хозяина тела и просто наблюдаю его глазами за происходящим. Его глазами? Моими глазами?

Сухие кусты колючими ветвями отчаянно цепляются за притороченный арбалет, стараются не пустить дальше.

Уничтожить!

Огромные комары носятся тучами, готовые высосать досуха зазевавшуюся жертву. Покрытые паутиной лапы елей отчаянно лезут в глаза, в волосах остаются ароматные иголки.

Разрушить!

Обхожу по широкой дуге робких оленей, кожей чувствую внимательные взгляды грустных темных глаз. Проползаю с черепашьей скоростью мимо семейства кабанов, огромный вепрь лишь хрюкнул в сторону необычного холмика.

Убить!

Кто же так его зацепил?

Стараюсь не попадаться на глаза живым существам – кругом враждебная тайга. Я двигаюсь из последних сил и неумолимо приближаюсь к цели.

Остается несколько километров, когда аккуратно натягиваю толстую тетиву. С легким щелчком встает оптический прицел.

Всегда мечтал пострелять из арбалета! Блин, и ведь где-

то я его видел... Вот если бы ещё мог управлять этим телом...

Ненавижу!

К будоражащему запаху добавляются слабые дуновения. Но то не тяжелые ароматы тайги, а дух человеческого обитания – свежие спилы дерева, резковатый дым костра, благоухание сорванной травы.

Отомстить!

Левой! Правой!

Каждые полчаса, намазываясь вонючей смесью, я перебиваю запах и ближе подхожу к объекту. Отчетливее становится амбре врага. Как же я его ненавижу, готов удавить голыми руками, но силы далеко не равны.

Его мысли вращаются вокруг убийства. Может, я стал экстрасенсом и научился читать чужие мысли? От удара по кумполу и не такое случается...

Дальше передвигаюсь со скоростью беременной улитки, подбираюсь на расстояние уверенного выстрела. Стелюсь по сырому перегною, миллиметр за миллиметром подтягиваю тело вперед. Влажная осока царапает щеку, от земли веет холодом.

Можно не торопиться – мишень как на ладони.

Тайга окружает небольшую полянку, к ней ели тянут мохнатые лапы, образуют почти глухую стену из зеленых игл. На краю поляны чернеет вход землянки, на крыше видна свежая трава. На чурбачке перед костром сгорбившийся кряжистый

старик заворожено смотрит на пляшущие изгибы огня.

Тварь!

Меховая накидка обнимает широкие плечи, на мягкую шерсть спускаются седые волосы. Локти упираются в колени, устало перекрестились крепкие руки с мозолистыми ладонями.

Так вот за кем идет охота! А кто это?

Руки медленно извлекают заговоренную стрелу и аккуратно вставляют в изогнутое ложе арбалета.

Всего один выстрел. Промач – крах. Второго шанса не будет.

В оптический прицел видна сеточка морщин на лице старика, хрящеватый орлиный нос и тяжелая складка у рта.

Ненавижу!!!

Палец ложится на спусковой крючок, дыхание замирает. Гаснут звуки. Исчезает пересвист птиц, потрескивание костра, стихает ветер в деревьях. Два стука сердца и всё кончено. Ощущаю гладкость крючка, знакомого, привычного, родного.

Старик неожиданно поднимает голову и смотрит на меня, сквозь оптику прицела. Обескровленные губы дергаются, растягиваются в усталой улыбке и обнажают крупные желтоватые зубы.

Тварь!!!

Морщинистое лицо вытягивается вперед, угловатая челюсть расширяется, и удлиняются зубы, превращаясь в клы-

ки. Из глубины широкой груди раздается угрожающее рычание.

Офигеть! Что же такое происходит? Я попал в фильм ужасов? Или это снова заставка игры «Войны кланов»? Что это за хрень творится?

Руки наливаются свинцом... древний арбалет тянет вниз... становится неподъемным... На глаза падает полупрозрачная пелена, я почти ничего не вижу.

Начинается переход!

Лишь бы успеть.

Сухо щелкает тетива.

Вдалеке раздается многоголосый волчий вой.

Темнота накидывается черной тканью...

Сколько времени я без сознания? Поднимаюсь и бегу прочь из неизвестного места.

А где землянка и старик? Словно из памяти вырвали огромный кусок.

Быстрый, долгий бег, удары веток по лицу. Понемногу проясняется в голове, уходит из тела слабость.

Это игра или реальная жизнь?

Вой приближается.

Ветки хлещут сильнее...

Больше...

Как же больно...

– Навык бега усовершенствован! Теперь он может соревноваться с оборотнями!

От звука голоса я дергаюсь. Кто это?

– **Он сможет, он избранный!** – мужской бас гремит в голове громовым раскатом. – **Очнись, избранный!**

Я избранный? Круто! Прямо как Нео из "Матрицы"...

– Эй, тут ещё один! – резкий голос и жесткие пощечины вырывают меня из темноты забвения. – Походу, он обосрался.

Вырывают откуда? Из игры? Я снова на полу в общаге?

Яркий луч бьет по глазам, ослепляет даже через сомкнутые веки. Чтобы заслониться от густого света, пытаюсь поднять руку. Не могу. Еле-еле удается разодрать липкие ресницы.

– Очухался? – фонарь перемещается в сторону.

Я киваю в ответ и тут же жалею о дурацком поступке – башка гудит, словно рядом ударили в огромный колокол. Земля кружится, деревья устраивают дерзкий хоровод, звездное небо падает вниз. Темная ткань с россыпью серебристых точек поглощает в себя, в бездонную глубину, в сырую прохладу. Опять туда, в чужое тело...

– Э-э-э! Завязывай бухаться в обморок, чай, не кисейная барышня! – снова хлесткие удары по щекам, в ноздри врывается едкий запах нашатыря.

Тошнотворный резкий дух слегка разгоняет марево, и я пытаюсь приподняться. Снова на берегу Тезы. Снова около дискотеки...

Как же всё болит! Хреновый из меня избранный...

– Куда ты? Лежи! Пока не проверим – даже не дергайся! – рука, пахнувшая нашатырем и лекарствами, прижимает к земле.

Глаза понемногу привыкают к темноте. Я оглядываюсь, стараясь излишне не шевелить головой. Рядом глинистый обрыв, покачиваются пожухлые пучки рыжей травы. Слева текут воды Тезы, и блики фонарей гоняются за широким блюдом луны, словно хотят догнать и отмудохать небесное светило.

Возле меня суетятся два врача. Через разбитые губы сами собой вырываются стоны, когда болезненно задевают ребра. Помогает с освещением высокий милиционер. На его поясе беспрестанно бубнит рация, перекликаются озабоченные голоса. Между деревьев мелькают яркие лучи ручных прожекторов.

Откуда столько народа?

– Как там Женька? – разбитые губы еле шевелятся, распухший язык кажется большим сучковатым поленом в печной топке.

– С ним все в порядке, пара фингалов да сломанный нос. Сейчас показания дает, – отвечает молодой врач, чьи стильные очки поблескивают в свете фонаря. – Ты-то как – встать сможешь?

– Попробую.

Четыре руки бережно подхватывают с двух сторон и пытаются приподнять, но судорога разрядом тока хлещет по

груди. Тело выгибается дугой, вырывается из поддерживающих рук. Я с размаха бьюсь головой о твердую глину – происходящее отпрыгивает в зияющую пропасть темноты.

Снова едкий запах нашатыря и трубный крик:

– Носилки сюда! Здесь «тяжелый»!

– Держись, дружище! А то нашатыря не напасемся! – обдает запахом лука пожилой врач.

Куда подевался охотник с арбалетом, старик с землянкой?

Неужели всё привиделось, пока я лежал без сознания? Наверху ждут отморозки или успели убежать?

От обилия вопросов башка болит ещё сильнее.

Легко спрыгнув, к нам присоединяется худошавый мужчина. Серый плащ чуть распахнулся при приземлении. Колочий взгляд мельком царапает мою лежащую тушу, фонарь в руках обшаривает прибрежную бровку. Краем глаза я заметил, как тип снял с раскидистой вербы небольшой клочок и быстро убрал его в нагрудный карман.

Сверху спускают носилки. В шесть рук меня аккуратно кладут на пахнущую формалином ткань. Крепят широкими ремнями, чтобы не упал при переноске.

Или чтобы не сбежал...

– Ох, и здоровый же ты! – пыхтит молодой врач.

– Это я ещё не жрамши, – я с трудом раздвигаю губы в улыбке и осекаюсь – что-то теплое течет по подбородку.

«Уничтожить!» – в голове ещё гремят мысли неизвестно-

го охотника.

– Если шуткуешь, то, значит, жить будешь. В отличие от твоих друзей, – пыхтит врач, забираясь на обрыв.

– Отставить разговоры! – командует «серый плащ».

– Каких друзей? – я поворачиваю голову.

Черепушка откликается ноющей болью, но открывшееся зрелище заставляет о ней забыть.

В мельтешении фонарных лучей выделяются прямоугольники простыней, под ними угадываются очертания человеческих тел, застывших в разных позах. На белых полотнах расплываются красные кляксы. В скудном освещении четыре простынки кажутся нелепыми заплатками на грязной поляне. По территории деловито снуют люди в милицейской форме, мелькают белые халаты.

Две немецких овчарки, как по команде, поворачивают головы в сторону моих носилок. Из распахнутых пастей выплеснулся оглушающий лай. Присутствующие разом поворачиваются к предмету переполоха, двое милиционеров хватаются за кобуры.

Собаки рвутся к моим носилкам, и кинологам с трудом удается удерживать разбушевавшихся зверей. Резь жестко бьет по нервным окончаниям, вызывает судорогу. Ремни потрескивают, но удерживают на месте, пока тело пытается закрутиться узлом.

– Чего это с ними?! – кричит кинолог.

– Не знаю, одурели от крови, наверное! Фу, Граф! Ме-

Худошавый идет рядом с носилками и видит, куда я смотрю.

– Нет, на дискотеке познакомились. А что тут произошло? Неужели мы с Женькой всех уделали? – вырывается у меня вопрос, когда останавливаемся у машины «Скорой помощи».

– Это ещё предстоит выяснить! – цедит «серый плащ» и резко мотает головой по направлению моста.

Теперь я слежу за взглядом стальных глаз и с удивлением вижу потупившуюся Юлю, которая начинает пробираться сквозь толпу, почти волоча за собой подружек.

Носилки погружают в машину. «Серый плащ» залезает следом и усаживается на скамейку у стены, из кармана показывается коричневый блокнот и дешевая авторучка. Я перевожу взгляд на белый потолок. Пахнет формалином.

– Степан, два кубика лидокаина и приготовь дипроспан, – кидает пожилой врач другому, который уже находится внутри «Скорой».

– Рассказывай, что случилось! – цедит холодный голос.

– Да подождите вы допрашивать! – ворчит пожилой врач, набирая в шприц какую-то жидкость. – Сейчас сделаю блокаду, а то по нашим дорогам рискуем не доехать до больницы.

«Серый плащ» недовольно замолкает, я же чувствую, как в ногу входит острое иглы. Двигатель машины добавляет оборотов, и «Скорая» трогается с места.

Два врача в возрасте утирают пот со лба. Негромкий разговор заглушает шум мотора и ревущая сирена. До ушей доносятся обрывки слов «укусы», «порванное горло», «нож».

«Серый плащ» внимательно смотрит на меня. Ручка нервно черкает по листкам блокнота.

Боль понемногу отступает, не дергает неожиданными сокращениями, а переходит в терпимое состояние, как несильное зубное нытье, с которым постепенно свыкаешься.

Откуда же на земле простыни с алыми пятнами?

Пистолет у носа

– Там тела, на поляне... Вы можете рассказать?

– Давай-ка познакомимся. Владимир Александрович Голубев, следователь по особо важным делам. Ты видел их. На вашей полянке погибли четыре человека, ещё трое находятся в реанимации. Что у вас там произошло? – спрашивает следователь вместо пояснения.

Я превращаюсь в один ноющий кусок страдания. Даже блокада отступает после услышанной новости. Взгляд скользит по салону «Скорой», тонким стойкам, пыльным плафонам, хмурым врачам и останавливается на колючих глазах следователя. Скуластое лицо с немного вздернутым носом напрягается в ожидании ответа. Кисло пахнет формалином и спиртом.

– Александр Владимирович Алешин, студент Шуйского индустриального техникума, – я с трудом выдавливаю из себя слова, пока в голове гремит мысль о четырех убитых.

«Уничтожить! Ненавижу!» – возникает отголосок мыслей охотника.

Неужели это сделал я?

– Хорошо, Александр, расскажи, что ты помнишь! – командует следователь.

От моста до больницы пять минут пути, так что я успеваю вкратце рассказать о драке и даже отвечаю на уточня-

ющие вопросы. Врачи прислушиваются и переглядываются. Машина трясется, словно едет по терке. Как всегда осенью затеяли ремонт дороги... Иногда встряхивает так, что прикусываю кончик языка.

По-разбойничьи свистят тормозные колодки, створки дверей распахиваются. Подлетают плечистые санитары. Больничная каталка скрипит, когда дерматиновая поверхность принимает отстегнутое тело. После теплой машины сырой холодок пробегается по коже. Промозглая ночь швыряет в лицо противную изморось.

– Давай, аккуратнее, вот так вот! Ага. Эх, и здоровый же парень. Такому на завод идти, а не пьяными драками заниматься, – бурчит один санитар другому.

– Окончу техникум и после армии устроюсь, – обещаю я мужчине. Тот лишь скептически хмыкает, мол, знаем мы вас, юристов-экономистов.

Серое здание больницы смотрит в небо глазами окон, в половине горит свет. Белая дверь со скрипом распахивается, и на пороге возникает женщина внушительных размеров:

– Ещё один? Какое состояние?

– Лучше, чем у предыдущих, но нужно полное обследование. Сломаны ребра и периодические потери сознания, – рапортует один из врачей, когда меня заносят внутрь.

Следом скользит Голубев. Худощавая фигура двигается с грацией балерины, но от этой «балерины» тянет опасностью. Сбоку постоянно мелькает серый рукав.

За дверью желтый коридор с множеством дверей. К стенам прижимают коричневые стулья. Дерматин на большинстве сидений лопнул, и на свет вылезает желтая губка подкладки. Несколько ламп дневного света периодически мигают, словно пародируют сцену из фильмов ужасов. Длинный полутемный коридор и мигающие лампы. В воздухе царит густой запах – букет немощи, мучений и страха смерти. Дух болезни щедро сдобрен смрадом хлорки.

– Вы кто? – спрашивает врачаха у следователя.

Тот, не глядя, вынимает корочки и раскрывает перед носом врачахи. Женщина кидает взгляд на удостоверение, более пристально смотрит в глаза следователю. Борьба взглядов продолжается около половины минуты. Неизвестно кто победил, но она командирским тоном, не допускающим возражения, заявляет:

– Подождите пока в коридоре, когда закончим – вас позовут.

– Я должен быть с ним! – следователь угрожающе шагает вперед.

На худом лице застывает недовольная гримаса, желтоватая кожа натягивается на скулах. Он всё-таки подозревает меня, боится, что могу скрыться? Мне и дышать-то больно, не то чтобы двигаться.

– Я велела подождать в коридоре! Или буду вынуждена позвонить вашему начальству и сообщить о том, что вы препятствуете оказанию первой медицинской помощи!

Похоже, что у врачихи накопился изрядный опыт общения со служителями закона. Санитары восхищенно переглядываются, они-то опустили головы после возникновения красной книжечки. Они поступили как законопослушные граждане.

Неразборчиво пробурчав под нос, следователь отходит в сторону и садится на скрипучий стул. За каталкой следует немигающий взгляд, я чувствую его кожей. Словно с головой залез в кучу стекловаты, и теперь мельчайшая пыль колется и чешется. Колеса каталки катятся по неровному плиточному полу, надо мной проплывают давно не мытые плафоны. Где одна лампа не горит, где обе.

– Несите в смотровую, я сейчас подойду, – врачиха устремляется вперед и вскоре пропадает из виду.

Каталку завозят в комнату, разделенную пополам голубоватой шторкой, санитары перекладывают меня на кушетку. Рука санитар цепляет ребро, и новая вспышка боли хлещет по нервным окончаниям.

– Слушай, парень, а что у вас там произошло? Чего так много мертвых? – спрашивает санитар, который недавно жаловался на пьяные драки.

– Не знаю, я не помню ничего... Вырубили.

– Ну ладно, отдыхай, завтра расскажешь, – санитар хлопает меня по плечу, и я остаюсь один.

Четверо убитых, трое раненых, у Евгения нашлепка на носу, ещё и сон не выходит из головы. В черепной коробке пу-

таются, толкаются и налезают одна на другую разные мысли. Либо на нашу полянку налетели враги Жилы и порезали его, либо...

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей я решаю открыть шкафчик рядом с кушеткой. Стекланные дверцы изнутри занавешены белой тканью. Интересно, что же там находится?

Едва протягиваю руку, как от двери доносится:

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Не боишься повторить её участь?

В дверях улыбается знакомая врачиха, полная рука по-хозяйски упирается в бок.

– Извините, – бормочу я, – ни разу не лежал в больнице, палаты видел лишь по телевизору. Вот и захотелось самому убедиться – правду там показывают или выдумку сценаристов.

– Ни разу? Интересно. Ну ладно, давай посмотрим, что там у тебя поломалось.

Далее начинается обследование: вопросы и ответы, постукивание и пальпация, свечение в глаза фонариком и другие прелести больничного обихода, с которыми в той или иной мере каждый знаком. К осмотру присоединяются два пожилых врача. Вызывают санитаров и меня помещают под добрые лучи рентгена.

В результате выясняется, что сломаны два ребра, на четырех обнаружены трещины. Находится повреждение грудного позвонка и апофеозом – сотрясение мозга третьей степени.

Синяки, ссадины и ушибы не принимаются во внимание.

Гипсом закрепляют шею, чтобы излишне не тряс головой. Под кожу входит очередная порция обезболивающего. В принципе можно было и не колоть, так как боли почти не ощущал, но плотная врачиха настояла.

В ходе процедур я узнаю, что на наше побоище слетелась толпа бродячих собак. Почуввав запах крови, дворняги впали в бешенство, так как у погибших и у тех, кто в реанимации, на теле обнаружены следы огромных зубов.

Оставшийся невредимым парнишка успел залезть на дерево и слегка спятил от увиденного. Так решили, потому что молодой человек упорно твердит о каком-то большом черном звере, который выпрыгнул из кустов и устроил кровавую резню. Как же много я пропустил, валяясь без сознания!

Хотя увидел что-то другое... непонятное... из того уголка подсознания, где сражаются два оборотня и бородатый человек.

Оборотни? Или что-то другое?

Что за хрень творится?

Взамен грязной и порванной одежды я получаю синий выцветший халат. От него пахнет лекарствами и хлоркой. Затем врачи в очередной раз качают умными головами и зовут санитаря. Каталка выезжает в очередной коридор.

Молодой, словоохотливый парнишка быстро устанавливает, что я ничего не знаю. Он разочарованно вздыхает, а после рекой начинают литься анекдоты. Так мы поднимаемся на

четвертый этаж: санитар треплется, я лежу на каталке и перебираю догадки о происшедшем, рассеянно улыбаюсь, когда наступает пауза, возвещающая о конце анекдота.

– А ты что знаешь о случившемся? – спрашиваю у парня в очередную паузу.

– Да об этом вся больница гудит, докторов из постели вытащили – пытаются троих откатать. Не говори только, что ту кодлу с другом отхреначили. Этак лихо порвать – никакой силы не хватит. Опс, ладно! Вон тебя дожидаются, – парнишка кивает на сидящего следователя.

Рядом с Голубевым маячат два здоровенных милиционера. Вызвали для подкрепления? Для охраны?

Я вновь слышу мысли загадочного охотника: «Ненавижу! Уничтожить!» Может, обезболивающее оказывает такое влияние?

Жесткая каталка прокатывается несколько метров, и санитар толкает бежевую дверь. От щелчка выключателя загорается тусклая лампочка, я почти слышу, как она пожаловалась на потревоженный покой. Комната освещается бледно-желтым цветом

Узкая палата, похожая на школьный деревянный пенал (или гроб?), радушно встречает четырьмя койками, прикроватными тумбочками и умирающим цветком в коричневом горшке. На койке у окна спит черноволосый мужчина. Он недовольно шурится, когда в глаза ударяет электрический свет, и поднимает кудрявую голову.

– Что такое? Я просил никого не подселать! Серега! Вот оторву уши и сложу в биксу, тогда будешь знать, чем старших слушать! – басит мужчина густым и сочным голосом.

– Наталья Павловна велела! А я что? Я ничего, – санитар испуганно пятится, явно струхнув от угрозы. Как за живым щитом, студент прячется за моей каталкой.

Мужчина смотрит на меня, чуть склонив голову на плечо. Так на меня смотрели на призывной комиссии, когда хотели забрать в армию, а учеба в техникуме была тому помехой. Вроде бы и близок локоток, а не укусишь. После оценочно-го взгляда кивает санитару, мол, заводи. Весельчак помогает мне перебраться на кровать, скрипят просевшие пружины.

– Вы можете быть свободны, – чеканит следователь, обращаясь к парню, и того как ветром сдувает. Когда Голубев успел зайти? И ведь так неслышно.

– И что вас сюда привело? – спрашивает потревоженный пациент и садится на кровати.

Ого, какой здоровый – под два метра ростом, плечищи не во всякую дверь пройдут, из-под майки выбивается густой шерстяной покров, волос пореже кудрявится на руках и ногах. Такой может зимой на снегу спать без одеяла, даже насморк не подхватит. Лицо словно вырублено топором из дубового полена, а маленькие глазки похожи на вываленные в красном перце стеклянные шарики.

– Прошу вас выйти на пятнадцать минут, сейчас запишу показания, и вы вернетесь к прерванному отдыху! – говорит

следователь.

Перед носом мужчины распахиваются коралловые корочки. Мужчина пробегает по строчкам взглядом, сравнивает фото с оригиналом и бурчит:

– До утра нельзя подождать?

– Повторяю – прошу вас выйти на пятнадцать минут! – говорит следователь сидящему мужчине и бросает в сторону двери. – Прапорщик! Проводи мужчину!

– Ну ладно, раз дело важное – пойду, прогуляюсь, – дядька сует волосатые ноги в тапки, халат потрескивает на могучих плечах.

Мягко ступая, мужчина выходит из палаты. Мощный, здоровый, словно племенной бык, который поднялся на задние ноги. Он поворачивается я боком, чтобы протиснуться между косяков. Двери явно не рассчитаны на подобных пациентов.

Голубев садится на кровать напротив, осматривает больничную палату, в руках появляется прежний блокнот:

– Никогда не любил больничку, от самого воздуха здесь можно заболеть. А если подумать, сколько на этой кровати умерло человек...

– Что вы ещё хотите узнать? Я вроде бы вам всё рассказал, – спрашиваю я, обрывая ненужные философствования.

Глаза слипаются от обезболивающего, от пережитого накатывает тяжелая усталость. Хочется лечь и заснуть, а наутро вспоминать происшедшее как кошмарный сон. И драку,

и то, что увидел на поляне, и сон этот дурацкий. Но, увы, рядом сидит любопытный мужчина и вряд ли от него легко удастся избавиться.

Голубев жуёт губами. Взгляд стальных глаз ещё раз обегает небольшое помещение, скользит по закрытой двери и уперается в меня:

– Откуда ты знаешь Юлю? И как часто вы встречаетесь?

– Я же говорил – познакомились на дискотеке, раньше в техникуме видел. А какое она имеет отношение к происшедшему? – сказать, что я удивлен, значит, ничего не сказать.

– В принципе никакого, вот только ты не должен с ней видеться, или разговаривать! Надеюсь, понятно объясняю? – следователь приближает ко мне скуластое лицо.

От него пахнет дождем, потом и далекими отголосками одеколona. Ещё чем-то едва уловимым. Мокрой собачьей шерстью, что ли?

– Да что тут такого? Мы познакомились на танцах, угостил минералкой и всё. Даже не успели поговорить толком, когда началась эта канитель. И почему мы не должны с ней встречаться?

Следователь отворачивается. Встает с кровати и подходит к окну. Похоже, что увядший цветок интересует его больше, чем мои слова, но это не так. За малую долю секунды Голубев преодолевает расстояние от окна до кровати и зависает надо мной скальным наростом.

– Потому что я этого не хочу! И если увижу рядом – зако-

паю! Понял? – худое лицо краснеет, на стальных глазах выделяются лопнувшие сосудики.

Руки едва заметно дрожат. Следователь с усилием сдерживает себя, чтобы не заехать мне по роже? Ну здрасте, вот и познакомился с папашкой. Голубев по возрасту Юле в отцы годится, вряд ли они являются любовниками. Хотя, сейчас такое время, что всякое может быть.

– Владимир Александрович, может, увидимся завтра? Я устал и жутко хочется спать! Да и поздно уже, а вы какие-то странные вопросы задаете. Закончим на сегодня, а? Вдруг завтра что-то новое всплывет?

Он резко дергается, из поясной кобуры выскакивает вороненый пистолет. Я невольно вжимаюсь в пружинистую кровать. Она скрипит, словно тоже пугается этого странного человека.

– Не слышал ответа на вопрос! Ты понял, что не должен приближаться к Юле? Или поиграешь в героя? Я могу сделать во лбу аккуратную дырочку, а в отчете напишу – «застрелен при попытке бегства». Дружка разговорим, и он признается, КТОзавалил тех отморожков. Тебе фиолетово будет, а другу вряд ли захочется зону топтать. Так что повторяю в последний раз – ты понял? – от пистолета пахнет порохом и машинным маслом.

Оружие мелко дрожит. Из-под бровей полыхают горящие яростью зрачки. Я испуганно киваю – всё что угодно, лишь бы ушел. В груди появляется странный холодок, а на гла-

за будто накидывают красную вуаль. Окружающие предметы краснеют и ровняются цветом с лицом разозленного следователя.

– Ну, вот и хорошо, сейчас отдыхай. Увидимся позже, Сашок! – Голубев подмигивает и пистолет возвращается в привычное место обитания.

Блокнот ныряет во внутренний карман плаща. Голубев неторопливо отходит к двери и с ухмылкой произносит:

– Так говоришь, они первые напали?

Из пересохшего горла вырывается сдавленный сип, я опять киваю, глядя на странного человека. Владимир Александрович издевательски смеется. Широко распахивается потертая дверь, ручка лязгает о стену, и на пол сыпаются отколотые кусочки краски. Я облегченно откидываюсь на подушку – сегодня не хватало только пистолет понюхать, для полного набора ощущений.

В коридоре Голубев что-то негромко говорит черноволосому дядьке, тот бурчит в ответ. Следует короткая команда и шаги блюстителей порядка затихают вдалеке. Сумрачный сосед тихо зашел в комнату. Лампочка облегчено выдыхает, когда щелкнул выключатель. Мужчина двигается на ощупь, шарканье приближается к соседней койке, жалобно тренькают пружины, проседая под грузным телом.

Он ничего не спрашивает, а я не имею никакого желания отвечать. Свет от фонаря покачивается на потолке, расплывается. Я засыпаю, теряясь в догадках – что же произошло

на злополучной поляне? Столько смертей... но это завтра, а сейчас лишь сон. Лишь сон и ничего кроме сна.

Завтра...

Всё завтра...

И снова ощущение, что я без тела. И снова темнота. И снова неожиданная картинка. Странные сны... таких раньше не было.

Погожее летнее утро. Родители впервые берут в лес за поспевшими ягодами. Роса не успевает полностью высохнуть и я, четырехлетний малыш, трогаю травинки, наблюдаю за мелкими капельками, в которых переливается радуга.

Мама? Папа? Мои родители? Если я их вижу, то ребенок – это я?

Папа и мама ходят по большой солнечной поляне с двухлитровыми банками в руках, собирают тугие ягоды черники и ароматную землянику. Похожие друг на друга статью и осанкой, родители одеты в камуфляжные костюмы. На фоне зелени фигуры исчезают из вида, когда замирают, склоняясь над ягодным местом.

– Эй, мальй! Ты меня слышишь? – я пытаюсь докричаться до себя.

До себя? До малыша! Бесполезно...

Отец похож на киношного Геркулеса, такой же рослый и сильный, а мама на сказочную принцессу со светлыми волосами. Весёлые, улыбаются друг другу и соревнуются, кто больше соберёт.

Корзинка, куда высыпается собранная добыча, находится рядом со мной, поэтому в скором времени ручонки и рот покрываются фиолетовым соком черники. Нет, я честно собираю ягоды, целых пять минут, пока терпение не заканчивается. Ведь ягоды такие маленькие: то выскользывают из ручонки; то давятся, если пытаюсь крепче ухватить. Да и маме надоедает, что зову каждый раз, когда попадается особо крупная ягода.

Но она не понимает, как жизненно необходимо засвидетельствовать существование выросшего чуда. И тот колоссальный подвиг, что я срываю огромную землянику, и ягода теперь катается по стеклянному дну, оставляя красный след.

– Эй, малыши! Эге-гей!!! – вновь никакой реакции...

Сижу сейчас в тени кустов и лопаю добычу родителей. Попутно угощаю божью коровку. Глупое насекомое отказывается кушать землянику! Несколько раз подсовываю к черным усикам, но вредная букашка поджимает ножки, и на пальчик выползает капелька вонючей желтой жидкости. В конце концов, неблагодарному созданию надоедает активное внимание. Красно-черные крылья раскрываются, и насекомое уносится куда-то ввысь, к развесистым кронам сосен, которые тихо перешептываются между собой.

Над кустом кружится большой слепень, но не садится – руки, шея и лицо намазаны какой-то мазью с противным запахом из круглой красной баночки с желтой звездочкой на

крышке. Сквозь трубное жужжание толстеного слепня пробивается далекий протяжный вой, словно кто-то плачет над умершим родственником.

Снова тот вой, я его слышал раньше... в предыдущих видениях. Или это не видения? Тогда что? Снова игровая ставка?

Резко выпрямляется мама, встревожено озирается по сторонам. Наполовину собранная банка падает в буйные заросли черники.

«Бегите!» – кричит отец и срывает с пояса охотничий нож. Жесткое лицо напрягается, у рта прорезаются глубокие морщины.

Мама подбегает и хватает меня на руки. Красивое лицо перекошено от страха. Валится набок корзинка и собранные ягоды рассыпаются по земле, проваливаются в траву и краснеют на прелых листьях.

Мама!!!

Шершавая ткань камуфляжа грубо трёт по лицу. Мама несет меня вглубь леса, туда, где темнеет густой бор. Я слышу, как колотится её сердце...

– Мама!!! – пытаюсь докричаться до неё, но бесполезно, остается только наблюдать.

Поход в лес закончен? Я поднимаю рев, но мама мягкой ладонью закрывает рот и шепчет: «Погоди, малыш, сейчас поиграем в прятки. Ты залезешь в норку, как лисенок... И не будешь вылезать, кто бы тебя ни звал! Не высовывайся

и всё! Там есть куча конфет, тебе лишь нужно проползти... дальше в норку!».

Отцовские вскрики слышны вдалеке, на них отвечают собачьи взвизги и злобное рычание. Мама бежит без оглядки, кусты задевают меня по голове, если бы не ладонь, то заревел в полный голос.

Лес уже не кажется таким приветливым и светлым. Он стал черным и злым, полным страха и кошмарного воя. Мамина нога уходит по колено в яму, скрытую мхом. Она выдергивает её с резким хлопаньем и бежит дальше, штанина окрашивается в тёмно-зелёный цвет. Огибает деревья, перескакивает через кусты и поваленные стволы.

Возгласы отца затихают, лес накрывает тишиной, даже птицы перестают петь. Слышится топот бегущей мамы, её тяжелое дыхание и... шум позади.

Меня тоже захлестнула паника – кто же нас преследует?

Шум следует за нами, звучат выстрелы ломающихся веток. Проливается пронзительный вой. Страшный звук заставляет меня притихнуть. Ужас пробирает до глубины души, страх замораживает любые мысли.

Мама выскакивает на небольшую прогалину и толкает меня под корневища упавшей сосны. Лесная красавица по высоте могла сравниться с десятиэтажным домом, но буйный ветер решил по-своему. Корни толстыми змеями идут от ствола в землю. Мама быстро говорит: «Малыш, ползи до

конца норы, там мы приготовили тебе сладкий подарок. Не вылезай, пожалуйста... Пока не затихнут все звуки, не выходи... Что бы ни кричали и как бы не вызывали – не выполняй!».

Мягкая рука подталкивает к норе. Миндалевидные глаза испуганно шарят по сторонам. Под корнями чернеет отверстие, и я ползу туда, в темноту. За обещанными сладостями. Мамины легкие шаги стремительно удаляются. Я ползу...

– Мальши, быстрее! – знал, что он меня не слышит, но невольно начал болеть за него.

За него?

За меня?

Но я этого эпизода не помню. Видение или прошлое? Чертова игровая заставка или какое-то злое колдовство?

Пахнет сырой землей, песок сыплется за шиворот, щекочет кожу. Рассыпаются под руками сгнившие корневища. Какие-то шнурки скользят по волосам, паутина опутывает лицо, я стряхиваю липучие нити, размазываю по щекам грязь. Вдалеке брезжит свет, и я с удвоенной энергией двигаюсь на светлое пятно. Стенки норы сдавливают с боков, пару раз застреваю, но прорываюсь и ползу вперед. Тихонько хнычу, но ползу.

Ещё немного! Давай, мальши!

Нора расширяется, и я попадаю в маленькую пещерку, в потолке белеет узкое отверстие. Сквозь переплетение корешков с трудом проникает свет. Я кручусь на месте, огля-

дываю пещерку, но сладостей нигде нет, если не считать кучки белеющих в полумраке мелких косточек. Сухая норка. Лисья или барсучья?

Темнеет ещё одно отверстие в стене напротив, но настолько узкое, что голова туда не пролезает. Шарю там рукой, но ничего не нахожу.

Я очень обижаюсь на маму за обман, и громко зову её, чтобы спросить об обещанном угощении. Мамины слова о молчании забываются на фоне горького разочарования.

– Молчи, ребёнок! Молчи!

С потолка осыпается земля, и около отверстия возникает какой-то шум. Кажется, что пришла мама – кричу ещё громче. Мама не отзывается, но в лазе, где синее небо, и покачивается ветка березы, возникает лохматая темно-серая морда с белым пятном на лбу. Вытянутая пасть измазана красным. Собака съела мои ягоды?

Охренеть! Ну и чудище! Морда в два раза больше чем у сенбернара.

– Собачка, приведи сюда папу и мама! – прошу я появившееся животное.

Морда приближается к отверстию и на меня смотрит янтарный глаз с круглым зрачком. Секунду спустя глаз исчезает, а на лицо сыпется земля – могучие лапы собаки расширяют лаз, из пасти речными перекатами раздаётся утробный рык. Я пугаюсь, дикий ужас от сознания того, что сейчас покусуют, сковывает тело.

Уползай, малыш! Уползай!

– Папа! Мама! Помогите!!! – крик вырывается из горла и возвращает телу послушность.

Я пячусь задом к норе.

Он меня услышал?

Волосатая лапища с удлиненными пальцами, гораздо длиннее, чем у обычной собаки, просовывается в отверстие и скребёт по земле. Когтистая конечность мечется по пещерке и хватает за курточку. Черные когти прорывают болоньевую ткань и царапают ребра – страшная лапа сжимается. Завывая и рыча, зверюга упорно подтаскивает меня к распанному отверстию. Мелькают желтоватые глаза и скалятся окровавленные клыки.

Пусти, тварь!!!

– А-а-а!!! – мальчик верещит, что есть мочи.

– А-а-а!!! – кричу я вместе с ним.

– Регенерация усовершенствована, ловкость увеличена!

Сон неожиданно закончился, но тряска продолжалась. До меня не сразу дошло, что трясли в реальности. Распахнув глаза, я увидел склонившееся лицо черноволосого соседа по палате, к губам прижимался палец, корявый как сучок старого дуба. Я быстро кивнул, показывая, что понял.

– Не ори! Слушай меня, малец. Сейчас ты должен бежать, и чем быстрее, тем лучше. Поверь, я не сошел с ума, но нет времени объяснять – кто знает, как долго выдержит Ната-

ля, – мужчина кивнул в сторону двери, за которой раздавались звуки борьбы и знакомое по сну рычание.

– Как бежать, я же весь переломанный!

– Ах да, я и забыл, что ты ничего не знаешь, – с этими словами сосед рванул гипс в разные стороны, зацепив пальцами у самого горла.

Ещё пара рывков и гипсовый корсет с глухим стуком осыпался на смятую простыню. Я невольно вздохнул и вместо ожидаемой резкой боли, ощутил лишь небольшое нытье, как от легкого ушиба.

– Охренеть! Чем же таким меня обкололи?

Ночная погоня

За дверью разливается вой, который пришел за мной следом из игры. Раздается звук сильного удара, и к вою добавляется громкое рычание. Звучные шмяки следуют один за другим, словно огромный пекарь со злостью швыряет тесто на стол.

Скрежет когтей по металлу, лязг клыков и злобный рык.

Я чувствую, как на шее у затылка поднимаются и шевелятся волоски, будто меня шибануло током.

– Малой, некогда объяснять. Шпарь в Медвежье, знаешь такую деревню? – после моего кивка сосед продолжает. – Увидишь на отшибе дом с высоким забором, увидишь ещё дракона на коньке – вот туда тебе и надо. Ныряй в окно, через коридор не выбраться!

– Тут же четвертый этаж, да и темно! Не видно же ни фиги! – я за моргание глаза оказываюсь у окна, за которым царит глубокая осенняя ночь.

Ни грамма боли, словно и не было вчерашнего побоища, даже зуб не шатается. В окне отражается широкоплечий парень в синем халате. Слегка взъерошенные светло-русые волосы, славянские скулы, оттопыренные уши – ничего необычного. Если не считать того, что со мной происходит.

– Ты почти сутки проспал, вот и ночь не кончается. В деревне будут мои ребята, они объяснят, что к чему. Скажешь

от Михаила Ивановича, – одним движением сосед закидывает меня на подоконник.

Меня? Восемьдесят килограммов левой рукой? Богатырь...

Падает и разбивается бурый горшочек, чахлый цветок ломается на середине стебелька. Деревянная рама широко распаивается, а ночь швыряет в лицо пригоршню мелких капель. Где-то далеко внизу ждет мокрая земля.

Ё-моё, как же высоко!

– Передай обалдуям – если будут пить мою настойку, то я их кроссами замордую!

Широкой ладонью меня сносит с облезлого подоконника. Я повизгиваю в свободном падении. Мозг застывает от ужаса, но жизнь не торопится проноситься перед глазами. Вместо неё сверкают окна больницы, а я по-кошачьи изворачиваюсь в воздухе.

Земля больно бьет по ладоням и ступням, притяжение влечет тело дальше, стремясь впечатать в пожухлую траву. Когда нос, почти как в песне у Газманова, «ноздрями землю втянул», руки и ноги заканчивают амортизацию и идут на противоход – меня подбрасывает в воздух.

Легкий перенос тяжести и я всаживаю пятки в мокрую землю.

Ого, как так получилось? Почти как у кошки...

Взгляд на окно – лохматая голова тут же исчезает. Из палаты слышится дикий визг, бухают удары. В больничных ок-

нах встревожено зажигается свет, звуки яростной битвы будят пациентов.

Я не хочу дожидаться финала ревущего концерта. На фиг надо! Я мчусь к выходу с территории больницы.

Желтый фонарь рассеивает мглу над главным входом, мерцающий свет очерчивает проем в арматурном заборе. Где раньше скрипела калитка, теперь красуются ржавые петли на металлическом столбе. Вот за верхний зубчик я и цепляюсь полой халата.

– *Уползай, малыши! Уползай!* – пронзает недавняя мысль.

Затрещавшая ткань дергает обратно. Я разворачиваюсь и вижу, как из окна знакомой палаты вылетает визжащее существо, похожее на огромную собаку. Глухой удар о землю и следом резкий хруст ломаемых сучьев – кусты принимают в объятия необычное создание.

Твою же маму чмокнуть в телеграмму! Это же волкообразный монстр из «Войны кланов»! Я сплю или вижу его наяву? Щипок за ляжку доказывает, что я не сплю. Но могу уснуть вечным сном, если не потороплюсь смыться...

Памятуя о словах соседа, я не рвусь возвращаться на предмет оказания первой помощи вылетевшему оборотню, а припускаю по холодной улице. В вязкой глине остается больничный тапок.

Ай, больно!

В пятку вонзается острый камушек.

Бежать!

После невыносимо долгих четырех секунд я заворачиваю на улицу Генерала Белова, и больница скрывается с глаз.

На улице непроглядная ночь, в пятиэтажках горят редкие огни, а на улице ни души.

Осеннее небо разрезает жуткий вой, на него лаем откликаются все собаки Шуи. Мороз хлещет по коже и вызывает кучу мурашек. Я их не звал – они сами высыпали на кожу и начали гоняться. Я дергаю к мигающему вдалеке светофору, в надежде найти хоть какую-нибудь машину.

Подальше от грозной больницы.

Подальше от собак.

Подальше от странных следователей и непонятных соседей по палате.

Подальше от этой придурочной игры...

Краем глаза замечаю водопад бриллиантов у соседнего дома – огромный доберман выскакивает на балкон и рвет голосовые связки в сторону больницы. Вспыхивает свет в окнах, слышатся крики недовольных людей, которые пытаются утихомирить лающих питомцев.

Ещё один вой взвивается в ночное небо.

На светофоре останавливает красная девятка с желтым плафоном на крыше.

Такси!

Лишь бы успеть.

За спиной громкое рычание, затем слышится шум падения тяжелого тела и скрежет когтей по асфальту.

«Не оборачиваться! Бежать к машине!» – команды в голове мешаются с командами из сна.

Уползай, мальши! Уползай!

Шлепают босые пятки по асфальту – еще один тапок слетает по пути.

Да хрен с ним!

Подобно мушкетерскому плащу развевается халат. Я мчусь по улице, ору и размахиваю руками, изо всех сил привлекая водительское внимание. Не до приличий сейчас, главное – спасти собственную жизнь, потом можно смутиться, прикрыться и покраснеть.

Глаза смуглого таксиста расширяются до размера чайных блюд, забытая сигарета прилипла к нижней губе. Совсем близко раздается хриплое рычание и тяжелый топот огромных лап, когда я распахиваю заднюю дверцу и влетаю в салон с криком:

– Гони!!! Хочешь жить – дави на газ!!!

Крик выводит из ступора водителя, и тот бьет в педаль газа. Я оборачиваюсь на преследователя: сквозь грязное стекло видна зверюга, размером с хорошего быка. Будто самого большого волка увеличили в пять раз.

И в то же время эта тварь очень походит на человека... Короткая серая шерсть покрывает могучее тело, толстые вены вздуваются на мощных лапах. Антрацитовые когти рвут асфальт, в стороны летят огромные корявые куски.

Такого же я видел в заставке «Войны кланов». Такого же

я видел в прицел арбалета. И именно его я видел в земляной дыре, когда он меня тряс и пытался вытащить из норы...

Оттолкнувшись от земли, преследователь взвизгивает в воздух. Задние лапы выдирают в асфальте две ямы, глубокие, словно могилы. Мне и шоферу...

Мелькает пасть с окровавленными клыками, когда зверюга прыгает на машину. Ускорение вдавливают в кресло. «Девятка» дергается с быстротой испуганной лани, но существо из кошмарных снов успевает зацепить багажник.

От мощного удара машину закручивает вокруг оси. Водитель тонко вскрикивает, а неуправляемая гордость «АвтоВАЗа» обнимает фонарный столб. Фонтан осколков лобового стекла брызжет на бетонную опору. Водитель встречается головой с рулевым колесом и затихает, меня же швыряет вниз, к резиновым коврикам. Все волоски на теле встают дыбом...

Я не хочу умирать!!!

Уползай, мальши! Уползай!

В разбитое лобовое окно ныряет оскаленная морда преследователя. Тварь просовывает лапу внутрь салона. Осколки стекла барабнят по торпедо, а незадачливый таксист вылетает наружу. Сухо щелкают по креслу остатки лопнувшего ремня безопасности. С такой же легкостью девчонки на лавочке достают ядрышко семечки подсолнуха...

Над упавшим на асфальт телом склоняется фигура из фильмов ужасов. Раздается утробное рычание и хруст. На

фонарный столб цвиркают струйки дымящейся крови.

Сам не понимаю – как я смог тихим ужом проскользнуть и вжаться в переднее сидение? Хотя за сумасшедшим лаем и визгом, летящим из соседних домов, вряд ли что-то можно расслышать. Мотор урчит, невзирая на жесткий удар, и я рискую переключиться на заднюю передачу. Черная шишечка рукояти переключения скоростей ещё хранит тепло водителя.

Уползай, малыш! Уползай!

Издалека долетает леденящий вой. Существо, оторвавшись от ужасной трапезы, вскидывает голову к небу. Отвечает. Качающийся фонарь кидает свет на окровавленную морду. Низкие мохнатые надбровья, вытянутая пасть, чудовищные клыки.

Результат кошмарного эксперимента?

Ноги выжимают сцепление, газ. Машина со скрежетом подается назад, выруливая влево. Существо поворачивает лохматую башку, и мы встречаемся глазами – тот самый ненавидящий взгляд, что я видел во сне!

Те же вертикальные зрачки, янтарные пуговицы глаз, на лбу выделяется испачканное кровью белое пятно. Существо выходит на дорогу, загораживает проезд. Я сразу же бью по педали и направляю изуродованную машину на серое пятно. Меня передергивает от омерзения и ужаса, словно убиваю нападавшую крысу.

– Умри, тварь! Ненавижу!! Уничтожу!!! – это я кричу?

Создание из фильма ужасов легко поднимает передок машины... Прожигает горящими глазами и злорадно скалится на попытки вырваться. На лапищах вздуваются огромные узлы мускулов, они баскетбольными мячами бугрятся под растрепанной шерстью. Кажется, существо ждет других особей, чей вой раздается ближе и ближе...

За рёвом мотора, грохотом стучащей в висках крови, я разбираю в рыке членораздельное: «Беги!»

Справа валяется изломанная фигура таксиста, которому не посчастливилось оказаться в эту ночь на светофоре. Педаль газа утоплена до судороги в ноге, передние колеса бешено вращаются, отвратительно несет выхлопами от газующей машины, а этому существу всё нипочем. Лишь изредка покачивается вперед-назад, и удерживает «девятку» на месте. От страха чего только не покажется, но снова раздается это рычащее: «Беги!»

Я пытаюсь переключить передачи в попытках вырвать машину из лап монстра. Бесполезно. Ладонь натывается на холодный, ребристый металл.

В морду зверя летит блестящий гаечный ключ. Крутнувшись пару раз в воздухе, он вонзается в правый глаз чудовища.

Тварь выпускает машину из лап. Передняя ось тяжело ухаает на асфальт. Колеса тут же дергают машину вперед, подминают кошмарное существо под себя. По днищу скрежещут когти, но машина спрыгивает с лежащего монстра и резво

уносится прочь.

В зеркало заднего вида я вижу, как тварь поднимается с земли и бросается в погоню. Гаечный ключ в глазнице поблескивает в свете фонарей. Из-за поворота выныривают ещё два создания, похожих на первую тварь.

Я выжимаю из машины все соки, заставляю её вспомнить молодость, когда она, с едва просохшим лаком на бортах, сошла с конвейера и впервые получила номера. Однако твари приближаются... По быстроте бега могут соперничать с гепардом.

Красный сигнал светофора!

Поворот направо занимает выезжающая фура. Каким-то чудом я проскальзываю перед самой кабиной, шаркнув задним крылом по могучему бамперу. В зеркало вижу, как в свете фар проносятся огромные тела. Дальнобойщик испуганно нажимает на клаксон. «КАМАЗ» врывается в невысокое ограждение, сминая и вырывает из земли железный заборчик, словно бумажную обертку. Одного преследователя отбрасывает сильным ударом, но тварь тут же вскакивает и кидается дальше.

Поворот на Советскую улицу!

Если не смогу вырулить, то дорога запетляет и скорость упадёт. Впереди огромной свечой возвышается белая церковь.

Боже помоги!

Креститься некогда – я резко выкручиваю руль вправо.

Машину заносит так, что меня чуть не выкидывает в дверь. Автомобиль шлепается колесами о бордюр, американскими фрисби отлетают дисковые колпаки. Но главное – движение продолжается! Я топлю педаль и, не разбирая ям и лежащих полицейских, мчу дальше.

«Уползай, малыш! Уползай!» – кричат все клеточки тела.

Взгляд в зеркало – три твари по инерции пронеслись дальше и теперь скребут лапами по асфальту. Комья вылетают из-под лап, их заносит. Небольшой заминки хватает, чтобы немного оторваться от них и включить все лошадиные силы. Мимо проносятся фонари, деревья, двухэтажные здания, а потом и невысокие дома частного сектора. Машину трясет как в лихорадке, отрывается и отлетает покореженный капот. Я даже закрываю на миг глаза – кажется, что он сейчас влетит вовнутрь.

Впереди показывает неторопливо едущая машина.

Объехать!

Водитель испуганно виляет в сторону.

Отъехав на приличное расстояние, я вижу, как одна из тварей прыгает на серебристую «девятку» и проламывает тонкую крышу. Несчастливая легковушка теряет управление и ныряет в канаву.

Ещё одному водителю сегодня не повезло!

Машина вырывается из Шуи и несется по асфальту, окруженному с двух сторон лесными посадками. Твари пропадают в темноте, но я знаю, что они мчатся следом, жму и жму

на педаль газа.

Ветер задувает в разбитое окно, бросает в лицо пригоршни мелкого дождя. От резких потоков выступают слезы на глазах. Одной фары едва хватает, чтобы читать надписи на обозначениях деревень и сел. Вторая болтается на проводах и изредка выныривает на кочках, пока совсем не отрывается на очередном ухабе.

Пронесятся небольшие деревушки и села. Я молюсь всем богам без разбору: чтобы никто не вышел в эту пору на улицу. Молюсь, чтобы не догнали. Молюсь впервые в жизни так отчаянно...

Вот и Палех. «Не задавить бы кого!» – проносится запоздалая мысль. Уличные фонари не горят, а окружающая темень – словно в чулане пасмурной ночью. Я включаю мерцающий дальний свет и непрерывно сигналию. «Девятка» пролетает по поселку, на резком повороте едва не уходит в канаву. Собаки поднимают вслед разноголосый хай.

Немного осталось – только бы дотянуть!

Уж потерпи, машинка, потерпи, родная. Преследующих тварей давно не видно. Они где-то позади, но останавливаться и дожидаться не хочу, хоть тресни.

– Так, хорошо, пока всё идет нормально! – кричу я и поражаюсь – насколько тонким стал мой голос.

Выщербленный асфальт залетает под стонущие колеса, перемежается выбоинами и крупными щелями. Густой лес изредка меняется на широкие поля.

Мелькает табличка с надписью «Медвежье» и машина вылетает с асфальта на щебенку.

Какой там дом? С высоким забором и на отшибе?

Тормоз не работает!

Педадь проваливается и легко возвращается на прежнее место. На лбу моментально выступает холодный пот.

Тварь что-то сделала под днищем! Ещё и дорога уходит под откос!

Уползай, малыш! Уползай!

«Ё-моё» – проносится в голове, когда навстречу выпрыгивает забор. Машина пикирующим соколом влетает в дощатые ворота. Показывается голубоватый сарай, в лицо устремляются щепки, доски. Я инстинктивно закрываюсь.

Машина врезается капотом в большой столб. Меня выплевывает через лобовое стекло, и я влетаю в пахучий стог сена. «Девятка» прет юзом и, проламывая боком стенку из горбыля, шпарит на меня.

Не хватало ещё после всего пережитого быть раздавленным машиной! Подскочив на месте, я устремляюсь по скирде вверх. Успеваю за миг до столкновения. «Девятка» упирается в сено и останавливается, столкнув меня с вершины стога.

Я плюхаюсь на холодную крышу, под левую лопатку попадает плафон с черными шашечками. Перекатившись по прогнувшемуся металлу, падаю на колени среди кучи прелых досок, пахнущих маслом больших шестеренок.

Жив!

Осторожно ступая босыми ногами по созданной свалке, я в темноте пробираюсь к разрушенной стенке. Попутно ощупываю себя, но вроде все в порядке, а синяки и ссадины заживут. В левую ступню впивается-таки острая щепка, и дальше прыгаю на одной ноге.

Живой!

По деревне раздается лай разбуженных шумом собак. В домах зажигаются огни, слышатся громкие окрики, после чего собаки обиженно замолкают. Хлопают двери домов, обеспокоенные люди высовывают носы и, не обнаружив ничего на своем дворе, тут же прячутся обратно.

Куда же я попал?

Плотнее запахиваю халат.

На небольшом надворье царит хаос и разрушение. На земле валяется мощный створ ворот, другой болтается на оставшейся петле, его круто завалило внутрь. Машина влетела в сарай с сеном, над ней просела крыша, каким-то чудом удерживаясь на сломанной опоре. Хорошо еще, что машина залетела с сенник, а не в стоявший рядом дровяник, иначе вряд ли так легко бы отделался. Да уж, разрушений я натворил достаточно.

Зато я живой!

Как же теперь перед хозяевами извиняться за причиненное безобразие? На меня с высоты конька бесстрастно пялится большой деревянный дракон...

Дракон!

Вот он-то мне и нужен! Словно сошедший с китайских рисунков, такой же причудливо изогнутый, ящер горделиво цепляется за конек крыши. Я засматриваюсь на него и пропускаю момент, когда распаивается дверь дома, и на крыльце появляется хозяин дома. Загоревшийся уличный свет бьет по глазам, и я невольно прищуриваюсь.

– Эх, и ни хрена ж себе! Ты, чтоль, всё это натворил? – сипит бритоголовый крепыш.

Круглая голова укоризненно покачивается, осматривая царящий разгром. Молодой парень, широкий в плечах, с небольшим животом, нависающим над полосатыми трусами, словно не замечает падающего с неба дождя. Нос картошкой, по белизне зубов может соперничать с драконом, борцовские уши, громкий голос и спиртовое амбре довершает картину. Хозяин вряд ли обрадовался моему появлению.

– У машины отказали тормоза, ты извини, что так получилось, – бормочу я, когда широкоплечий переводит взгляд на меня.

– Ты сам-то как? Живой? Ну, сейчас я это исправлю.

Я не замечаю, когда крепыш выбрасывает кулак. Тело само подается назад, и у кончика носа свистит локоть, шедший вслед за пролетевшей кувалдой. В следующий миг я резко присаживаюсь – над головой пролетел ещё один маховик. Я больше не собираюсь рисковать и перекувыркиваюсь через голову назад. Мокрый халат облепливают разбросанные

щепки.

– Не уворачивайся, пожалуйста! Ты мне мешаешь! – гаркает крепыш и снова двигается ко мне.

– Я от Михал Иваныча! Он сказал, что мне здесь помогут!

Ноги разъезжаются в скользкой грязи, и я со всего маху сажусь на пятую точку. Из-под больничного халата хлещет веер брызг.

– От Иваныча? – останавливается крепыш и снова осматривается кругом. – А не судьба тихонько постучать в калитку?

– Так я же сказал...

– Ой, ладно – не оправдывайся, потом всё уберешь и сарайку починишь. Заходи в избу, или ждешь, пока я заболею да помру? – крепыш машет рукой, приглашая следовать за собой.

Раз приглашают, значит надо идти, и я с опаской захожу в открытую дверь. Просторные сени встречают легким ароматом смолы и березовым духом банных веников. Витает в воздухе и другой запах, куда менее приятный. Куча проводочных клетушек уходит к противоположной стене, выстроившись в ряд одна на другой. Внутри взволнованно шуршат ушастые кролики, поблёскивают бусинки глаз.

Ни одна половица не скрипит, пока мы подходим к двери в жилую часть дома. Вязанные из цветных тряпочек половички-дорожки выдают места, где я ступаю.

– Ты хотя бы ноги вытер, прежде чем в дом-то переться.

И вообще, скидывай халат! Чтобы мудями не тряс, сейчас какую-нибудь одёжу подберу, – ворчит крепыш, и ныряет в небольшой чуланчик.

Спустя несколько секунд появляются тренировочные штаны с вытянутыми коленями. Я натягиваю, и хмыкаю – "дольчики" коротки по длине, зато уж по ширине... Приходится подпоясываться веревкой и, в таком гламурном виде (с отвисшим задом и почти обнаженными коленками), я вхожу в дом.

За легкими занавесками скрывается большая горница с рядом узких окон. Её освещает необычная люстра – словно раскидистую ветку выдолбили изнутри и пустили по ней провода, заставив две лампы висеть как груши на суку. Свет плещется по двум металлическим кроватям, по шторам на окнах, по темно-коричневому серванту, по черной тумбочке с мерцающим телевизором и останавливается на боку печи.

Под экзотической люстрой возвышается тяжелый деревянный стол, на нем нехитрая закуска, банка с компотом и голова спящего. Молодой человек, поменьше первого в размерах, со спортивной фигурой, умиротворенно положил голову на руки. Его-то и пытается разбудить крепыш.

– Эй, Федор Владимирович, у нас гости! От Михал Иваныча! Представляешь – смог от моей двоечки увернуться! – крепыш трясет друга за плечи.

– Чего? Смог? Да ладно? А дай-ка я попробую! – до конца не проснувшись, Федор Владимирович поднимает голову от

стола.

– Э-э-э! Хорошо экспериментировать! – я отхожу на всякий случай в угол, к негромко работающему телевизору. – Обязательно поспаррингуем... Потом... Если захочешь. Сейчас же реально нужна помощь. За мной гонятся собаки-переростки, еле оторвался от них. Как...

– Не-не-не, погоди! Вот сейчас быстренько попробую, и потом расскажешь, – крутолобый, с впавшими глазами и худощавым лицом, Федор Владимирович не оставляет попыток выбраться из-за стола.

Я кидаю взгляд на плотную штору – если что успею накинуть на полусонного человека и выскочу в окно.

Широкая ладонь провожатого не дает подняться Федору Владимировичу, каждый раз усаживает на место. Крепыш улыбается, глядя на барахтающегося друга.

– Вячеслав Михайлович, не мешай! Сам попробовал, дай другим рискнуть! Ик!

– Собаки-переростки говоришь? Но это не повод, чтобы нам сенник сносить! Как считаешь? Да сиди ты, он от Иваныча к нам, – Вячеслав садится рядом с Федором и приобнимает того за плечи, вперив поблёскивающие глазки в меня. – Давай, рассказывай!

– Как сенник? И кто будет разгребать? Ты чё, придурок, не мог просто постучать в калитку? – Федор поднимает бровь.

Я перевожу взгляд с одного на другого и силюсь понять, чем эти полупьяные ребята могут помочь. Чего я здесь за-

был? Им бы не мешало проспаться хорошенько, а мне оказаться отсюда как можно дальше.

Уползай, малыш! Уползай!

Вряд ли твари отказались от преследования и, судя по скорости передвижения, должны вот-вот появиться. Тогда нас даже ядерный перегар не спасет.

Подвал

– Ну, чего застыл? На вот, хлебни немного, отпустит, – бурчит Федор и плещет в стакан вишневую жидкость.

Резкий сивушный запах говорит, что я ошибся по поводу компота.

– Нет, спасибо, пока не хочется.

Федор пожимает плечами, наливает другой стакан и протягивает Вячеславу. Короткий звон и звучное бульканье на миг заглушают бормотание телевизора. А там снова политики вещают, как хорошо люди будут жить в стране под их управлением... только не уточняют, какие именно люди будут жить хорошо.

– Михал Иванович передавал, чтобы не увлекались настойками, и что-то ещё о кроссах говорил, – я не могу удержаться от подколки.

– Вячеслав Михайлович, а может все-таки сунуть ему слегонца, чтобы не разглагольствовал?

Вячеслав мотает головой, кривится, и смех прокатывается по комнате. Федин громкий хохот напоминает пушечные выстрелы. Понятно, ребята отдыхают – им явно не до моих проблем, и я разворачиваюсь к двери. Куда угодно, лишь бы подальше от ночных преследователей.

Куда угодно... А куда?

– Стой! Иваныч зря посылать не будет, расскажи – в чем

дело? – Вячеслав накалывает на вилку блестящий от масла грибок.

Сколько времени у меня есть в запасе?

Неизвестно. Кратко рассказываю им о происшедшем. Внутренне же сам недоумеваю – откуда на меня посыпались такие прелести жизни?

Жил, не тужил, никого особенно не трогал, и за один вечер жизнь переменилась: побит-переломан, а на другой день здоров как бык; беги куда подальше, а там встретят неизвестно кто.

Как в страшной сказке.

Во время рассказа даже ущипнул себя украдкой – нет, не сплю.

Ребята будто после репетиции одновременно выкидывают сжатые кулаки.

Раз-два-три!

У Федора выпадают «ножницы», а у Вячеслава «камень». Проигравший идет к дверям, слегка покачиваясь, как моряк при качке.

– Пойдем, поможешь убраться во дворе! – командует Вячеслав и следует за вышедшим Федором. – Да не дергайся ты так, время ещё есть!

За стеной слышится шум ревущего мотора и треск дерева.

Что это? Федор пытается убрать машину?

Пока мы укрываемся дождевиками и надеваем галоши, шум мотора и визг металла немного отдаляется. Федор смог

вывезти «девятку» из разрушенного сарая! Или у него золотые руки, или «девятка» ещё может себя показать.

Вячеслав прихватывает по пути мой больничный халат и ящик с инструментами. Мы выходим под морозящий дождь. Вячеслав сует в руки фонарь, более похожий на прожектор. Я тут же щелкаю переключателем, и большой круг света вырывает из тьмы острые щепки, куски шифера, блестящие осколки стекла.

– Уличный свет включать не будем, чтобы соседям глаза не мозолить. Ты по окнам не шарь лучом, а то можем привлечь вертушек раньше времени, – бурчит Вячеслав.

Кого привлечь? Вертушки? Вертолеты, что ли?

Я послушно упираю луч в землю.

Крыша сарая облокотилась углом в землю и по ней стекает струйка дождевой воды. Раздолбанная в пух и прах «девятка» всё-таки выехала на улицу, теперь красуется клоками сена в окнах и торчащими из дверей обломками досок. Бедная, она будто дрожит под дождем, на бортах живого места нет. Машине самое место на автомобильном кладбище, на постаменте с табличкой: «Она спасла человека!»

– Ничего себе, она ещё и ездит!

– Федоруза, дуй в Ковров, или куда тебя там тянет. В общем, чем дальше – тем лучше! Обрато на попутках доберешься. Мы пока приберемся! – Вячеслав повышает голос и закидывает больничный халат на заднее сиденье.

Федор в ответ машет рукой и давит на газ. О полы наших

дождевиков стучит фонтан грязи из-под колес, покрывает с головы до ног. «Жигули» виляют задом и начинают набирать скорость на мокрой дороге.

– Вот же засранец, не может без понтов! – произносит Вячеслав вслед машине. – Ну, чего встал? Давай забор поднимать.

– Так на машине нет тормозов, он справится?

– Федя родился с рулем вместо погремушки, да и по жизни не тормозит, так что не переживай. И раз-два, взяли!

Вячеслав умело прибывает ворот на место. Мы быстроправляем второй створ, меняем брус на воротах. Я старательно убираю зону надворья, насколько возможно очищаю от щепок.

– За Федора не волнуйся, у него на машину рука набита! – выдыхает Вячеслав и улыбается. – Осталось только рожу набить.

После уборки крепыш выносит плотный пакет и вдоль калитки стружкой течет красный порошок, размываемый мелким дождиком. Как будто молотый кирпич рассыпает.

– Что это такое?

– Наша охранка, от тебя след отобьет. Сгреби мусор под сарай, чтобы не бросался в глаза, – Вячеслав продолжает сыпать. Старательно, чтобы не пропустить ни одного участка.

За нашими передвижениями сверху внимательно следит деревянный дракон. Дождь нимало не смущает земноводное.

Радужный хозяин высыпает весь пакет, и, по его указа-

нию, я связываю валяющуюся на земле веревку. С толстой тесьмы, идущей по всему забору, уныло свисают красные мешочки. Они болтаются, словно ленточки на груди у людей с октябрьской демонстрации. Грязная тесьма выскользывает из рук, концы ни в какую не хотят соединиться. Приходится пару раз перекрестить концы и связать бантиком.

– И это вся охранка?

– Да, она. Теперь живо в дом!

Дождевики занимают привычные места на вбитых в стену крючьях. У Вячеслава с лица не сходит угрюмая озабоченность. Кивнув мне на стол, юноша берется за другой край, и вместе мы еле-еле сдвигаем эту махину в сторону.

Внизу под половичком-дорожкой, усыпанной крошками и рыбной чешуей, оказывается небольшой люк. Дверца сливается с полом, и я бы ни за что не нашел, если бы Вячеслав не потянул за неприметный рычажок. Четыре половицы беззвучно скользят в сторону, и перед нами открывается черный зев. За четырьмя ступеньками темнота...

– Давай лезь, и сиди тихо. Вертушки уже рядом, – Вячеслав кивает в темноту подпола.

– Какие... – мои слова прерывает долетевший издали знакомый вой.

– Вот такие. Давай! – Вячеслав гостеприимно хлопает по плечу.

Я рыбкой ныряю в темноту, едва успев зацепиться на лету за ступеньку.

Уползай, малыш! Уползай!

В пятки ударяет ледяной пол. Я теряю равновесие, и ступени бросаются к многострадальной пятой точке. Под руку попадают клубни картошки, рядом стеклянно звякает. Люк тихо встает на место, я остаюсь в полной темноте. Зато живой... пока.

Шуршит дорожка, обиженно грохает стол, и в сторону двери тянутся тяжёлые шаги. Вячеслав что-то урчит себе под нос, из подпола не разобрать слов. Или это не слова? Снова вспоминается рычащее: «Беги!»

Тишина как в космосе: доносится шорох от кроликов, слышится тонкое жужжание последних комаров, урчит голодный желудок. Но что там происходит наверху? Я ерзаю на болящем копчике и томлюсь в неизвестности, пока не слышу близкий вой, приглушенный стенами и землей.

Я невольно дергаюсь, под рукой хрустит и лопается банка. Кожу обжигает боль, и я зажимаю царапину другой ладонью. К руке прилипает что-то скользкое, слегка пахнущее уксусом.

Маринованный грибок!

Я осторожно слизываю. Восхитительно холодный, в меру перченый и ароматный, он проваливается в голодное нутро, как в жерло ненасытного вулкана. Желудок урчит громче, протестует такому обилию пищи: за последние двое суток я завтракал в общаге, да закусывал перед дискотеккой. Кишки тихонько постукивают друг о друга. Осторожно цепляю пару

грибков из лопнувшей банки и обращаюсь в слух.

На улице слышится угрожающее рычание, будто стая псов замерла перед прыжком на беззащитную жертву. «Преследователи» подходят к дому вплотную.

Что против них сможет Вячеслав?

Сейчас перемахнут через красную полосу, мешочки на заборе и аппетитно позавтракают гостеприимным хозяином. А там и меня найдут, рядом с разбитой банкой. И основное блюдо, и гарнир...

Страшно, даже поджилки потряхивает, но вместе с тем накрывает какая-то веселая злость – не дамся так просто, отдам жизнь подороже. Надо бы ещё грибок уцепить, если помирать, так хоть не голодным. Но что это?

Вячеслав подает голос. Из подвала не слышно, о чем говорит, но тон спокойный и уравновешенный – так разговаривают психологи со своими пациентами. «Больные» же отвечают рычанием, сквозь которое можно разобрать членораздельные звуки.

Так эти твари ещё и разумны? И слово: «Беги!» мне не послышалось?

Уползай, малыши!

Информация об оборотнях, почерпнутая из книг и видеофильмов, падает лавиной, погребает под завалами знаний. Умные и почти неуязвимые, и очень сильные и т.д. и т.п. Из игры? Или это лишь совпадение?

Воспоминание мелькает вспышкой – игра! Троекратный

договор!

Эх, много бы я отдал, чтобы услышать разговор. Напрягаюсь, поворачиваюсь в сторону разговаривающих и...

– Да, он заезжал сюда. Даже сломал ворота – видите царапины? Но потом сдал назад и уехал в сторону Коврова. Так что спешите – может, ещё успеете догнать. А-а-а-э-э-эх, – Вячеслав зеваёт так смачно, что у меня самого челюсть тянется вниз.

Ого, да я как «Большой Ух» из мультика – звуки раздаются четко и ясно. Даже прерывистое дыхание трех особей слышится так, будто они находятся на расстоянии вытянутой руки. Вот тут, рядышком, протяни руку и упруешься ладонью в мокрую шерсть...

– Ты врешь! Запах врага витает тут! Капли крови ещё не смыты дождём! – фразы выплевываются как лай, короткие, отрывистые, смазанные рычанием.

– Говорю же вам – он уехал. Ко мне какие претензии? Мы ещё поболтаем или вы всё-таки побежите догонять? А что запах здесь, так я встретил чувака фирменной двоечкой за разбитый забор, вот кровь и осталась.

Хвастун! Но пусть. Ложь иногда бывает во благо.

– Мы хотим проверить, убери охранку!

– Не я охранку ставил! Чего тупите, будто сами не знаете, что не могу её убрать. Давайте жожака, вот тогда и поговорим. Пусть он смотрит, рвет охранку и потом отвечает за ваш беспредел. Но пока вы носитесь туда-обратно – ваша жертва

уйдет ещё дальше.

– Вы постоянно нам мешаете! Ну, ничего – скоро это прекратится. Приходит наше время!

– Поясни-ка? Что ты хочешь этим сказать? – спокойный голос «психотерапевта» не повышается ни на децибел.

– Скоро узнаешь. Прощай, берулька! Но если обманул нас, тогда до скорой встречи! – рычит «пациент».

Судя по чавканью лап по мокрой земле, оборотни пускаются следом за уехавшей машиной. Вячеслав стоит на улице, что-то бормочет под нос, затем в сердцах произносит: «Тьфу на вас, вертушки неадекватные!»

После такого выплеска молодой человек пробует приподнять крышу сарая. Трещит ломающееся дерево, скрежещут выдираемые гвозди, натужно кричит Вячеслав. Через несколько секунд раздаётся глухой удар о землю и шаги к дому, сопровождаемые недовольным ворчанием:

– Ну вот, опору снес, теперь надо в лес тащиться да сухостоину искать. Эх, принесла же его нелегкая, и вертушки обнаглели вконец. Не дают спокойно отдохнуть, да за жизнь поговорить. А потом ведь так натурально удивляются: и чойто я такой нервный стал? То Иваныч гоняет, то ремонт сарая на голову свалился. Поневоле нервным станешь, прям аж глаз дергается.

Мне стало стыдно от созданных неудобств, но кто же знал, что зверюга испортит тормоза? Если бы мог предвидеть, чем всё обернется, то не пошел бы на эту злосчастную дискотеку.

Лежал себе в общаге, видел бы сны про этих оборотней и знал, что утром проснусь, и всё будет относительно хорошо.

Над головой слышатся тяжелые шаги, и в сторону отъезжает люк. Небольшая полоска света вырывает из тьмы контуры картофельной клетки.

– Не дыши ещё полчаса. Похоже, они не до конца поверили, – шепчет Вячеслав.

Полоска света пропадает, когда крышка скользит на привычное место. Жалобно стонет кровать, когда принимает на себя тушку Вячеслава.

Ну что же, придется ждать. Надеюсь, недолго, а то игра в партизана-подпольщика утомляет. Несколько пахучих грибков в рот. Может, если тут пошуровать, то ещё что-нибудь съестное найдется? Да не видно ни зги – непроницаемая темнота. Половые доски настолько плотно подогнаны друг к другу, что не остается ни щелочки.

Через пять или десять минут сверху раздается храп. Замечательно! Лучшей маскировки и придумать нельзя! Пока тут сижу, как испуганная мышь в норке, Вячеслав спокойно дрыхнет. Храп набирает обороты, можно только позавидовать такому хладнокровию. Рядом бродят оборотни-людоеды, а он и в ус не дует.

Молодец!

Хоть бы кроликов покормить не забыл, они-то ни в чём не виноваты.

Так, есть время обдумать. Что я имею на данный момент?

Врагов в виде оборотней – это минус, помощников в лице двух пьяных парней и здорового мужика – сомнительный, но всё же плюс. Обратни почему-то преследуют меня – очевидный минус, но я ещё живой и это огромный плюс. И мысли из недавних снов, с ними непонятно: то ли плюс, то ли минус. Что это за сны?

Стараюсь рассуждать логически и рационально, чтобы не заорать от всего навалившегося. Шевелю конечностями: от переломов и ушибов нет и следа. Тоже фигня какая-то произошла – почему я так быстро восстановился?

Что же нужно оборотням от меня? Невольный свидетель существования созданий из легенд и сказок? Вряд ли кто-то поверит моему рассказу. Скорее мои слова отнесут к бредням и посоветуют чаще закусывать. Что-то ценное? Кроме халата да потерянных тапок и нет ничего.

И ещё этот Голубев со своей непонятной ревностью. И Юля... Увидимся ли мы еще?

Океанским прибоем наверху заливаются Вячеслав Михайлович. Мне бы так, а ещё лучше взять и проснуться в общаге. Вынырнуть бы из объятий Морфея на своей продавленной кровати, улыбнуться таракану на будильнике и прошлепать тапками до туалета, чтобы смыть остатки дурного сна. Так же, как делал до этого много раз. Увы, сейчас в крошечной темноте слушаю переливы громкого храпа и думаю – как быть дальше.

Да ещё и этот сон. И почему мне мать с отцом в такой

ситуации приснились?

Родители погибли в автокатастрофе, как рассказывала тетя Маша. Она всегда твердила, что отец являлся примером для подражания, а от матери никто не слышал плохого слова. И что я должен быть таким же, а не лазить по соседским огородам и не ругаться с мальчишками в голос.

Тетя Маша рассказывала, как наша машина слетела с дороги и перевернулась в овраге. От удара закоротило проводку, и машина загорелась. Отец с матерью не успели выбраться, а меня нашли неподалеку, израненного и лежащего без сознания. Я этого не помнил почему-то, словно ластиком стерли из памяти целый кусок. Как в «Джентльменах удачи» – здесь помню, здесь не помню.

Причем здесь оборотни? И тот, с белым пятном – во сне и наяву. Казалось, что голова лопнет от количества накопившихся вопросов.

Так, в полной темноте, слушая храп, доносящийся сверху, и думая как дальше быть, я провожу неизвестно сколько времени. Может час, а может быть и пять. Пока не слышу, как в оконное стекло дзинькает камушек.

Наезд

В темноте полностью теряется ощущение времени. Минуты превращаются в часы. Секунды ползут так медленно, словно время, которое пролетает при солнечном свете, в темноте отыгрывается за столь пренебрежительное отношение.

В детстве мы играли в космонавтов и запирали одного из друзей в подвале дома на полчаса – проходили «испытание космосом». Я помню своё испытание. Помню, как выключился свет, и в темноте исчезло переплетение сырых труб. Серые стены с упавшими кусками штукатурки, закопченный потолок – всё ушло в безграничное «нигде» и бескрайнее «никуда».

Я осознавал, что рядом распределитель, лишь протяни руку и нащупаешь ржавый вентиль холодной воды. Осознавал, но казалось, что сидишь один посреди невысказанной вселенной. И нет ничего, ни стен, ни потолка, лишь один уходящий в бесконечность бетонный пол. Многие из ребят не выдерживали испытания, с криками бились в железную дверь, требуя освобождения.

Ну, что в этом такого?

Посиди полчаса, помурлыкай под нос песенки и всё – выходи на солнышко и щурься, пока не привыкнешь. Нет, фигушки, в темноте разыгрывалась фантазия, и ночные кошмары выползали наружу.

Страхи, бледнеющие днем, в крошечной тьме наливались реальной осязаемостью. И боишься протягивать руку, чтобы нащупать вентиль. Страшно. Вдруг наткнешься на когтистую лапу, или положишь ладонь на острые клыки? Страшно идти по стенке – чтобы не встретиться с холодным скользким телом, которое сразу заключит в липкие объятия. Далеким кусочком разума я понимал, что это лишь воображение, и ничего нет, но справиться со страхами очень трудно.

Такие мысли приходят и сейчас, но теперь чудища реальны, и они ищут именно меня.

За несколько часов зрение адаптируется, и я могу различать отдельные предметы в крошечной темноте. Длинный ряд банок подпирает стену, сваленная горой картошка издает пряный запах, в соседнем углу белеют кочаны капусты. Четыре бадейки с клюквой и несколько пузатых банок с жидкостью дополняют картину. В целом – хороший и добротный подвал.

В стекло ещё пару раз тренькает, потом гудит Федин басок и дребезжит женский голос.

– Григорьевна, да отвяжи ты эту веревку!

– Чогой-то я её отвязывать-то буду? Не я завязывала, не мне и развязывать.

– Да мы со Славой поспорили, что я смогу войти, не касаясь веревки. А о том, что её может потрогать кто-то другой – договора не было.

– Ой, мальчишки, все игры у вас какие-то дурные. По-

ра ужо детишек нянчить, а вы всё с верёвочками играетесь. Вон, глянь-ка, как Маринка с соседнего дома глаз на тебя положила. Так и прыгает к окну, когда на мотоциклетке проезжаешь. Ты чего мокрый какой?

– Да знаю я, Григорьевна, про Маринку. Вот просплюсь и сразу же сватов пошлю. Сейчас же отвяжи веревку, жалко, что ли? Вспотел я сильно, пока с тобой разговаривал, оттого и мокрый. Вот.

Вячеслав громко выводит рулады, и не обращает внимание на разговор за окном. После нескольких минут препираний калитка бренчит пружиной.

Когда слышатся шаги, храп Вячеслава несколько стихает, словно он что-то почувствовал. Шаги уверенно приближаются ко входу, раздаётся легкий шелест отрываемой двери. Я замираю, когда Фёдор останавливается надо мной.

Слышится бульканье и жадные глотки.

– Эй, Вячеслав Михайлович, а где наш гость? – раздаётся голос Федора.

Я выдыхаю с облегчением – не забыли.

Храп Вячеслава прерывается на миг, но после продолжает греметь с удвоенной силой. Шаги скользят к кровати, и, судя по заскрипевшим пружинам, Федор принимается трясти товарища.

– Ну, чего еще? – раздется недовольный голос Вячеслава.

– Вячеслав Михайлович, где парень? Куда его засунул?

– Ну, где он ещё может быть? В подполе конечно. Вертуш-

ки прибежали, вот я спрятал его от греха подальше. Ты сам-то как? – босые ноги шлепают по полу.

– В норме.

В мое убежище падает белая полоска, и в свете открывшегося люка показывается ухмыляющаяся рожа Вячеслава:

– Ты уж извини, что задержал так долго – нужно было, чтобы вертушки подальше умчались. Вылазь, и это... огурчиков захвати!

Так и хочется запулить в него трехлитровой банкой. Я сдерживаюсь, хотя в такую широкую луну невозможно промазать. Ноги затекли и кажутся толстыми ватными рулонами. Пару раз щипаю кожу на бедре – боль не чувствуется. М-да, скоро в атаку кинутся злые мурашки, будут втыкаться раскаленными иголками, и я вознесусь на вершину блаженства.

С кряхтением выбираюсь на поверхность, щурюсь от яркого света из окон. Вячеслав возвращается из кухни с алюминиевыми плосками и буханкой хлеба.

– Ого, да у тебя даже роговицу не видно, один сплошной зрачок. Поморгай чаще и привыкнешь, – Федор усаживает меня на поцарапанный табурет.

Я так и делаю. За окном весело сияет солнце, а на будильнике, что гордо красуется на телевизоре, стрелки показывают три часа. Нормально посидел в холодке – хватило времени подумать. Правда путного так ничего и не придумал, остается ждать объяснений от ребят.

И вдруг как молнией бьет по позвоночнику. Я даже оглядываюсь – нет ли позади меня какого-нибудь ненормального электрика. Нет, электрика с оголенным проводом нет, зато остается новое ощущение.

Меня тянет в Шую. Ни с того, ни с сего. Сильно тянет, будто невидимая рука тащит за шкурку, как кошка переносит котенка на безопасное место.

Я чувствую такую сильную тоску по этому городу, что не передать словами. Убегал ночью, а днём очень сильно хочется вернуться.

Я ещё раз себя щипаю. Нет, не сплю. Меня тянет в Шую. Взять, подняться и двигаться в ту сторону, пешком ли, на велосипеде или другом транспорте – неважно. Мне хочется вернуться...

Вячеслав убирает со стола следы вчерашних посиделок, а из кухни торжественно выносятся кастрюля с ароматными щами. От такого я не могу отказаться и справляюсь со странной тягой. Федор же тем временем начинает рассказ, не забывая опрокидывать ложку.

– Выехал, как полагается на скорости, будто с намазанной горчицей жопой. А ты, братуха (взгляд на меня), по простоте душевной забыл сказать про тормоза? Вернее, про их полное отсутствие. Ну, так вот, пролетел я по бугоркам на хромой кобылке, словно задницей по терке, до самой Южи. Чуть танк не снес на Советской, а потом уж рванул до Талиц. Все равно не доехал бы до Коврова на таком запасе бензина, да

и обратно надо как-то добираться. Вот я и доехал до Мугрево-Никольского, и в Святом озере сделал погребальное ложе для бедной «девятки». Иначе не мог остановиться, я же не из тех, кто сносит чужие сараи. (Вячеслав коротко хохотнул) Всё мокрое отжал, и, рискуя простудиться, заболеть и помереть молодым, натянул на себя. Ощутил масштаб трагедии? Потом с Талицким автобусом доехал обратно до Южи. Видел мелькнувшие спины перевертней, но я умчался далеко, запах не смогли бы прочитать.

Щи сначала обжигают гортань, затем я привык немного, и душистое варево начинает свободно проскальзывать внутрь. По рукам и ногам льется жизненная сила, журчит по венам кровь, улучшается настроение.

«Мне нужно в Шую!» – ярким метеором проносится в голове глупая мысль.

– Ну, молоток! Сюда они тоже прибежали, порычали, понюхали, да потом за тобой рванули. Протявкали, что скоро закончится наше время, я так и не разобрал до конца, – Вячеслав тянется за хлебом, и я невольно обращаю внимание на мощные запястья.

Руки сами по себе не маленькие, но запястья выделяются, как предвершия булавы. Я вряд ли смог бы обхватить пальцами, только если двумя руками. Крепыш перехватывает взгляд.

– Любуешься? Даже потрогать можешь, это они у меня от занятий такие стали. Иваныч спуска не дает, не забалуешь, –

Вячеслав вертит сжатым кулаком в разные стороны, глядя, как тот гуляет над запястьем.

– Ребята, а кто такой Иваныч? Почему вы наравне разговариваете с оборотнями? И вообще – что тут происходит?

Говорить, говорить, говорить – отталкивать от себя глупое желание лезть обратно в пасть. Ехать обратно в Шую.

– Так ты не посвященный? – удивляется Федор, даже ложку забывает поднести ко рту. Так и зависает в воздухе алюминиевый черпачок, роняя на столешницу жирные капли.

– Во что?

– Ну, в нашу Игру «Война кланов»? В наши разборки...

– Какие игры, ребята? У меня и своих дел хватает. Подумаешь, сыгранул разок в приставку... Учусь, никого не трогаю, а тут какие-то зверюги нападают, да и вообще всё идет не так. Или всё это из-за игры? Да такого не может быть! Откуда они взялись? Почему охотятся на меня? Кто вы такие? – я не взревел, все-таки смог удержаться, хотя нервы дрожали, как струны на виолончели во время концерта Шостаковича.

– Иваныч сможет объяснить лучше нас. Мы же пока только учимся у него, – отвечает Федор.

– Чему вы учитесь?

– Отпору перевертням и берендеям. Помощи охотникам.

– Так вы против них? – я откусываю от краюхи хлеба.

– Нет, мы не против, но и не за. Мы иная сторона – посвященные в тайны оборотней и сдерживающая сила для них же, – медленно говорит Вячеслав

– То есть вы вроде сторожей?

– Скорее мы «смотрящие», если говорить языком понятий. Между оборотнями и людьми нейтралитет держим, да споры решаем, – Вячеслав вытирает остатками хлеба свою миску. – Про берендеев не слышал?

– Берендеи? А это ещё кто?

– Тоже оборотни, но перекидываются в медведей. «Смотрящие» давно учатся у обеих сторон бороться против других, являются третейским судом, и в то же время не позволяют склонить на свою сторону. Иначе фигня какая-то получится – наберут оборотни армии, схлестнутся в чистом поле, и никого на Земле не останется! – Федор тоже заканчивает обед. – А тут мы – решаем судьбы оборотней и посылаем против них охотников.

Табуретка отодвигается от стола, и худощавый парень ослабляет ремень на две лишние дырочки. Солнечные лучи тихо крадутся по половицам, об оконное стекло бьются две неугомонные мухи. Я медленно перевариваю информацию.

– Но ведь оборотнями становятся после укуса? Почему бы им не обратить кучу народа, а дальше в геометрической прогрессии понесется и покатится? – задаю я зудящий вопрос.

– Не обязательно после укуса, становятся и по праву рождения, хотя в таких случаях отец должен умереть. Договор у оборотней – не должно быть более пяти тысяч особей с каждой стороны. Нового оборотня можно инициировать лишь при смерти старого. Вот за соблюдением договора и следят

«смотрящие», не вмешиваясь в междоусобные дела. Ну а также, чтобы не происходило лишнего убийства людей, – последнее предложение Вячеслав заканчивает более тихим голосом.

– То есть им... разрешено нас убивать? – мое потрясение не знает границ.

– Они же часть своей жизни проводят в животном виде. А какому дикому зверю нравится человек? Да и за что людей любить, если сами себя убивают почему зря? Одним больше, одним меньше – никто, кроме родных и не заметит. Торговля оружием является самой прибыльной, это отличный показатель того, что именно нужно людям! – кривится Федор.

– Но если какой-либо оборотень взбесится, то пострадают сотни людей. А вы просто будете стоять рядом и наблюдать?

«Ах, как хочется вернуться, ах, как хочется ворваться в городок» – в голове крутится попсовая песня. Меня срывает с места – так хочется в Шую. Чуть ли не сносит с табурета.

– Сашок, не заводись! Да, у них есть право на неосознанное убийство. Оно дается при становлении их взрослыми особями, но ограничивается десятью людьми. После превышения лимита оборотень ликвидируется, – как-то заученно бормочет Вячеслав, – если его укусы не удастся вылечить.

– А как же лечатся укусы?

– Ты не поверишь, но за все время существования рядом с людьми выведена формула против укусов. Не нужно даже курс уколов проходить – хлебнул настой и вывел слюну обо-

ротня из крови. Меня уже пять раз кусали, Федора восемь. Так что укушенный выздоравливает, и потом ему промывают мозг, чтобы он все забыл.

Я помотал головой и в этот момент перед глазами выплыло текстовое сообщение:

Первое задание выполнено

Получена награда – неполное знание об оборотнях

Твоё второе задание:

Обуздай приобретенную силу

Что? Какое задание?

Ребята сидят на своих местах, как будто ничего не видели. А может и в самом деле ничего не видели. Может, это сообщение пролетает только у меня перед глазами?

И всё-таки я не могу поверить, что это из-за какой-то игры. Не может быть такого. Такое существует только в сказках. И убивать меня из-за какого-то нелепого катриджа. Только потому, что я выбрал фракцию «охотник»?

– Ну а я-то, зачем им понадобился? От меня что хотят?

– Да хрен его знает, – зевает сытый и подобревший Федор. – Наверно, вожаку на хвост наступил, а ему не понравилось.

– Ты высказывал оборотням про вожака, что, мол, запустишь их только в его присутствии, – обращаюсь я к Вячеславу.

– Да-да-да, про него... – после этих слов круглолицый застывает с миской в руке, которую собирался унести. – А от-

куда?... Ты все слышал из подпола?

– Да, сперва какое-то бурчание, а потом словно вы оказались рядом. Вы же особо не скрывались. Чего же тут удивительного?

Федор тоже застывает соляным столбом, а глаза увеличиваются до размера пятирублевой монеты.

– Я не сказал, что наш подпол звуконепроницаемый? Он специально строился как убежище от оборотней, то есть ни звука не должно проникнуть туда... и не раздаваться оттуда. Может быть... Охотник... хотя вряд ли... да фиг его знает. Лучше Иваныча дожидаться, – Вячеслав ставит миску на стол и, сгорбившись, садится обратно на табурет. – Повтори ещё раз – как тебя зовут?

– Александр Алешин, а что? И что ты говорил про охотника? Я вроде бы выбрал такое в игре.

Словно тяжелые тучи собираются, чтобы пролиться холодным дождем – так темнеет высокий лоб Вячеслава. Он силится что-то сказать, краснеет. Потом сплевывает на пол и машет рукой, как будто передумал сообщать важное известие. Федор тоже молчит, хотя я вижу, как под кожей щек гуляют желваки.

– Ребят, ну а мне-то как быть? Я так и буду в этом растянутом трико дефилировать? Может нам сгонять до Шуи? Там все-таки и документы мои остались, и вещей взять не мешает.

Слова вырываются сами, я пытаюсь их проглотить, но без-

результатно. Мозг кричит о невозможности возвращения и в тоже время подталкивает вернуться. Так вот ты какая – шизофрения...

– Ну, ты же... а скажи-ка такую вещь, ты вот говорил, что ночью поломали, а на другой день всё в полном ажуре? Не давишь на жалость, а на самом деле так и было? – спрашивает Вячеслав.

– Да, я же говорил. Сам поверить не могу – всю руку исципал, чтобы проснуться. А оказывается, это явь. Ну, так как, поможете мне до Шуи доехать и там документы забрать? Да и к Женьке надо бы заскочить, все-таки очевидец тех событий. Расскажет, что да как, – я поворачиваюсь к Федору.

Как буксир тянет огромный корабль, так и меня тянет в «маленький городок». Даже передергивает от накатываемых чувств ностальгии.

Федор задумчиво чешет нос:

– Парень, тебе бы сейчас сидеть в нашем подвале и не вылезать до прихода Иваныча. Что-то не то творится, а ты куда-то рвешься. Всё равно твой адрес пробьют, а так – самому в зубы лезть... Нет, не дело это, да и Иваныч по головке не погладит, а если и погладит, то против шерсти.

Я поднимаюсь на ноги, прохожу взад-вперед, думая как быть дальше. Ребята украдкой наблюдают за моими перемещениями. Возвращаться от окна труднее, чем подходить к нему – в той стороне Шуя. Словно иду по грудь в воде...

– А что со мной не так? То, что я быстро оправился? Ну,

может, защитные функции включились, я и раньше быстро выздоравливал. Услышал ваши голоса? Так от шока, наверное. Пока до вас добрался, я столько всего перенес, что поневоле обострились ощущения. Я же правильно понял, что оборотни целенаправленно охотятся на меня?

Парни дружно кивают в ответ.

– У меня тётка в Юже осталась, единственное родное существо на планете. Ребята, может, съездим до Шуи? Заберем документы, чтобы они не узнали моего старого адреса, а?

Действительно, в паспорте остается прежняя прописка, по которой оборотни, перекинувшиеся днем в людей, могут найти тётю Машу. Старовата она для подобных приключений... да и мне надо в Шую.

Не надо!

Надо!

Нет!

Да!

Я не знаю, как ещё ребят уговорить.

– А, может, и в самом деле рванем? Пока на улице солнце, вертушки не будут перекидываться. Мы их и в человеческом обличии поборем, так что можно рискнуть. Смотаемся туда и обратно, а Иванычу не скажем. Слышь, так это, мы сами можем забрать документы. Напиши записку парням из комнаты, они отдадут что нужно, – предложил Вячеслав.

– В каком обличье вы их поборете?

– То есть перевертни будут в человеческом обличье, – по-

чему-то смущается Вячеслав.

Ой, ребята, что-то вы темните! Если бы так сильно не тянуло в Шую, то попытался бы вытащить больше информации, а то в разговоре прокол за проколом. Всё шито белыми нитками.

– У нас карантин, многие разъехались, как и соседи. В общагу вахтеры не пустят, они раньше надзирателями в детдоме работали, так теперь мимо них лишь муравьи и могут проползти. Нет, парни, пока сидел в подвале, успел и об этом поразмыслить – лишь я и смогу забрать документы. Да мы быстро, по-суворовски, налетим, похватаем и обратно.

– То есть придем, увидим, наследим? – уголками губ улыбается Вячеслав. – А давай прокатимся! Чем черт не шутит, авось и пронесет! Ты точно уверен, что хочешь лезть обратно в задницу, из которой с таким трудом выкарабкался?

Конечно же – не хочу!!! До трясущихся поджилок, до дрожащих коленей, до обмирания внутри. Больше всего мечтаю оказаться как можно дальше отсюда! И в то же время тянет каким-то чудовищным магнитом.

– Уверен! Поехали! В паспорте есть адрес тетки, если её найдут – я же себе этого никогда не прощу! Ребят, мы быстро, – я старательно растягиваю губы в ответ.

Уползай, мальши, уползай!

– Ага, так пронесет, что потом замучаешься отмываться, – ворчит Федор. – Не дело это, Вячеслав Михайлович! Давай лучше Иваныча дождемся, а он уж скажет, как дальше быть.

– Не бзди, Федор Владимирович! – Вячеслав так хлопает Федора по плечу, что тот едва не слетает с табурета, а в серванте звякают чашки. – Мы быстренько смотаемся! А ты покемарь пока. Устал, наверное?

– Эх, рискованное дело затеваете, ну да ладно, если что – поехали в магазин. Хлеба купите по дороге, – Федор машет на нас рукой, мол, делайте, что хотите.

– Вот и ладушки! Мы на твоём драндулете прокатимся? – спрашивает Вячеслав у бредущего к постели Федора.

– Будешь так называть – на своем ногоходе почешешь. Берите, я как раз позавчера полный бак залил. Вернетесь – не будите, соберетесь пить – толкните. Не кантовать и при пожаре выносить первым! – после подробных указаний Федор поворачивается к нам спиной и с головой укрывается одеялом.

Я смотрю на самого невозмутимого человека в мире – чуть не убился, миновал пасти оборотней и спокойно улегся спать. Мне бы так, а то я сделал то же самое, но внутри дребезжит от ужаса, мурашки носятся по спине, как стадо диких мустангов по прерии... И тянет в Шую необыкновенно, так ребёнок тащит за поводок упирающегося щенка. Когда четыре лапы расставляются в разные стороны, но неумолимый ремешок оказывается сильнее и прет по земле полузадушенное животное.

– Пошли, пока он добрый, – Вячеслав направляется к выходу.

В сених для меня находится дырявый свитер, старый плащ и стоптанные кирзачи. Пока я облачаюсь в эти «хипстерские» вещи, Вячеслав накидывает дутую куртку, кроссовки, пальцы втискивает в обрезанные перчатки – этакий фирмач на моем убогом фоне. Принц и нищий, но выбирать не приходится.

– Скажешь в общаге, что срочно вызвали домой на картошку, вот с поля и заскочил за вещами, – гогочет Вячеслав, когда ловит мой хмурый взгляд.

– Тебе лишь бы поугорать, может, тронемся уже? Кстати, где транспортное средство?

– Сейчас открывай ворота, и аккуратнее с веревкой, как вывезу – свяжешь точно также, как ночью! – приказывает Вячеслав.

Я снимаю веревку с мешочками с загнутых гвоздей и открываю ворота. Те жалуются скрипом металла по дереву, но упавшая створка держится, как и товарка – прочно и надежно.

Из сарая, рядом с поваленным сенником, Вячеслав выводит на улицу древний мотоцикл «Урал». Модель-то старая, но в таком отличном состоянии, что не стыдно поставить рядом с хромированным «Харлеем». Видно, что над мотоциклом поработала опытная рука. Перебранный, с кучей замененных деталей и более мощным движком, разрисованный темно-коричневой краской, то тут, то там пластиковые вставки, подходящие по смыслу к общей стилистике.

Особенно выделяется руль – в виде оскаленной медвежьей головы, страшной и почти живой. Из развернутой пасти выглядывает фара. Коричневый пластик идет в разные стороны, заменяя разводы шерсти, в нем искусно прячется руль. Передняя вилка в форме лап держит вынесенное вперед колесо, заканчиваясь подобием блестящих когтей. Задние «лапы» словно отталкиваются от дороги.

Хромированные детали блестят, сверкают на солнце, кажется, что зверю оскорбительно долго находиться на одном месте. На таком можно рвануть куда угодно, не опасаясь, что отвалятся «лишние» детали и придется куковать в чистом поле.

На таком можно ехать в Шую!

– Что, нравится игрушка? – Вячеслав хлопает рукой по увеличенному бензобаку. – Мы с Федорузой переделали под себя. Так, хобби, а приятно, когда на тебя заглядываются по дороге. Вот если бы ты промазал, и въехал в дровяник, то Федя начал бы кататься на тебе. И не отпустил бы, пока не проехал пару тысяч без дозаправки.

– А вы специально в таком стиле сделали? Как бегущего медведя? Чтобы перевертней поддразнить? – интересуюсь я, переводя тему и восхищенно рассматривая мотоцикл.

– Догадливы-ы-ый, – протягивает Вячеслав, пока залезает в седло. – Давай прыгай и поехали.

Я водружаю на чернокожее сиденье свою пятую точку, приходится потесниться из-за могучей спины Вячеслава. Во-

датель легко дергает педаль и мотоцикл отзывается довольным урчанием. Пока водитель устраивается на сидении, мотор ровно и тягуче набирает обороты. "Зверь" мелко трясется, предвкушая скорую гонку.

В окне желтого соседского дома и вправду мелькает чья-то рука, шевелятся занавески-паутинки.

– Пассия Федина, сохнет по нему, а он все никак не решится. Держи! – Вячеслав протягивает шлем, более похожий на немецкую каску времен Великой Отечественной войны. – Надевай! А то нам ещё с гаишниками проблем не хватало. Они и так за каждую мелочь цепляют.

Вячеслав поддает газа, и мотоцикл легко срывается с места. «Медведь» вырывается на дорогу, и, наращивая скорость, летит навстречу свежему воздуху.

Ветер свистит в ушах, напевая песню свободы, протяжно подвывает на поворотах, меняет тональность на спусках и подъемах. По обеим сторонам проносятся налитые багрянцем березы, желтеющие травы. Кусты вербы и сирени роняют листву в сливные овраги.

Мы обгоняем машины, я вижу вскинутые брови людей, оглядывающих причудливый мотоцикл. Вячеслав едет аккуратно, но быстро. То и дело прыгаем на «встречку», для обхода машин. Мотор утробно ревет, словно грозно рычит на четырехколесных тихоходов. Я испытываю неясное облегчение по мере приближения к Шуе.

Впереди возникает черный джип "Чероки", хромирован-

ные дуги «кенгурятников» и порогов дразнят солнечными зайчиками. Чем-то угрожающим веет от машины. Возникает тоскливо-щемящее чувство, как в тот момент, когда я заглядывал в дуло пистолета.

Вячеслав пару раз пытается обойти лоснящегося «бегемота», но водитель, невидимый за тонированными стеклами, поддает газу. Мотоциклист тихо матерится сквозь сжатые зубы.

Так продолжается до тех пор, пока нервы Вячеслава не сдают и пока он резко не выворачивает руль влево. Рычит мотор. Мы рвем на обгон. Джип фырчит в унисон и моргает пару раз левым сигналом поворота. Мотается влево и едва не цепляет переднее колесо, за вытянутые медвежьи лапы.

– Да он издевается! – рывкает Вячеслав, когда пристраивается обратно за джипом глотать выхлопные газы.

– Пацаны, а покатайте на мотоцикле! – высовывается из заднего окна размалеванная девица.

– Пусть тебя олень катает, который за рулем сидит! – орет в ответ Вячеслав.

Зря, ой зря.

У джипа загораются стоп-огни, мощная машина затормаживает, оставляя следы на асфальте. Мы едва не въезжаем в лакированный багажник и с большим трудом останавливаемся. Вячеслав ещё раз тихо матюкается, когда машина выпускает на свободу одинаковые фигуры угрюмых пассажиров.

Рядом проносятся иные машины. Никто не хочет вступать в наш разговор. Судя по двум вынутым битам – беседа грозит стать увлекательной. Вот этого нам только не хватало!

– Ты не лезь, я справлюсь сам! – цедит Вячеслав.

– Уверен?

– К гадалке не ходи, – Вячеслав сплевывает на дорогу.

Вышедшие из машины будто являются однойцевыми близнецами – накачанные шеи, короткие стрижки, перстни на волосатых пальцах. Даже жующие челюсти двигаются в одном ритме, различия лишь в одежде и формах ушей. У водителя курносая физиономия напоминала кирпич, у двух других головы округлые, похожие на шары для боулинга.

– Ребят, а что, девяностые возвращаются? – склоняет голову Вячеслав.

Он слегка подрагивает, как натянутая тетива. Со стороны кажется, что вот-вот расплчется, но я ему почему-то не верю.

– Юморист? Они и не уходили никуда. Может в Москве и рулят менты, а у нас же по-прежнему в фаворе "понятки" и уважение к старшим. Ты кого, гнида, оленем назвал? – водитель почесывает скулу утолщением биты.

– Как тебя ещё назвать, если беспределишь на дороге? Места мало, или стыдно быть обогнанным?

Пассажиры тем временем обходят мотоцикл, осматривают «зверя» и прищелкивают языком. Оглядывают по-хозяйски, уже ощущают себя летящими по дороге, в кожаной ко-

сухе и с сисястой подругой за спиной. А вот и подруга вылезает. Худая как трость, размалёвана ярче клоуна, на вид тридцать лет, но если умыть и переодеть – то больше двадцати не дашь.

– Ну, долго вы там? Брусок, покатаешь меня на мотоцикле? Пацанчики отказываются, – плаксивым голосом протягивает девчонка.

– Да, байк зачетный! Как раз за «оленя» и отдашь! Хы! Чтобы белыми зубками дальше солнышку скалиться! Чугун, прыгай за баранку, мы с Марго следом двинем. С ветерком прокатимся, родная! – водитель джипа шлепает девицу по плоской заднице.

Марго с радостным визгом запрыгивает на мотоцикл, сверкнув трусиками. Парни довольно ржут. Похоже, вопрос с мотоциклом решен и дальше нам или топать ножками, или возвращаться пред Федины ясные очи. Вряд ли нас так просто отпустят...

Тревожное чувство держит в напряжении, что-то настораживает в машине, а не в этих ребятах. Отголосок слабости опять накатывает дурным валом, но тут же пропадает. Зрачок пистолета никуда не делся, всё также ощущается смертоносный взгляд. Я ежусь. Не так страшны эти трое, как что-то неведомое в джипе.

Что там?

– Мужчины, может, вы возьмете деньгами? Я не знаю, но этой суммы должно хватить в качестве извинения за неволь-

ное дурное слово. Александр, помоги девушке спуститься, – Вячеслав достает из внутреннего кармана кожаное портмоне.

Мужчины заинтересованно подходят к открытому кошельку, заглядывая внутрь. Я протягиваю руку девушке, чьи яркие губки удивлённо распахиваются. Сзади дробью рассыпаются звуки ударов. Спустя две долгие секунды на землю падают три мешка с говном, по крайней мере, звуки очень похожи.

– Брусок, ребята! – девица кидается к лежащим без сознания дорожным хулиганам, потом поворачивается к нам. – Да знаете, что с вами будет, козлы?

– А ведь и правда, Сань! Они же мстить будут, страшно и жестоко! Давай всех четверых закопаем? – Вячеслав делает кровожадную рожу.

– Мальчики, что вы. Я пошутила, не убивайте, пожалуйста! – девчонка выставляет перед собой руки, защищаясь от нависающих фигур.

Побледневшая, с блеснувшими слезинками в уголках глаз, она больше не кажется такой нахальной и распущенной. Обычная девчонка, лишь запуталась немного.

– Дура! Не тронем мы тебя! Вышла бы замуж, да детишек растила, а не под этих гоблинов стелилась, – Вячеслав точно прочитал мои мысли.

– Учитель хренов, вали, давай! Учить ещё будет! Брусок меня любит – жениться обещал! Вот встретимся лет через

пять и поговорим. Тогда и дети будут, и муж деловой! А пока молодая, могу и погулять, – у девчонки расплывается дешевая тушь, превращает лицо в маску зловещего клоуна-маньяка.

– Ну-ну, гуляй, дурочка! Вряд ли кому потом нужна будешь. Не того кандидата рассматриваешь! – Вячеслав удобнее устраивается на сидении.

– Да идите вы на... – последние слова тонут в реве заводящегося мотора.

Мотоцикл прыгает с места, увозя нас от неудавшихся бандитов. Парни в различных позах лежат на обочине, словно мультипликационные казаки на привале. Над ними суетится причитающая девчонка. То ещё зрелище.

– Тоже почувствовал? – спрашивает Вячеслав, перекрикая вой ветра.

– Да, в джипе кто-то остался!

– Тогда поспешим!

Мотор ревет, и вой ветра усиливается в разы, мотоцикл уносится прочь от стоящего джипа. Чувствуется чей-то колючий взгляд, ненавидящий, злой. Между лопатками зудит, словно кто-то царапает острой веточкой. Я оглядываюсь на джип, в тонированных стеклах мелькает что-то белое, но из машины никто не выходит. На дороге остаются лежащие парни, суетливая девушка... и ощущение чего-то лютого, враждебного.

Следователь

Выныривает круговая развязка у Шуи. За кругом с четырьмя лучами расположился старый город, заложен в 1539 году, если верить указателю на въезде.

Вплоть до самого въезда спину сверлит чей-то жгучий взгляд. Не только я, но и Вячеслав оглядывается по сторонам, выискивая причину тревоги. Багряно-зелены посадки, желтые поля до горизонта, высокие кусты – ничего не выдает владельца неприятного взора. На развязке тягостное ощущение исчезает, словно неизвестный снайпер отвернулся или отстал.

Вместе со взглядом пропадает тянущая жажда попасть в город. Как бабушка отшептала – только что готов был подталкивать мотоцикл, а теперь с радостью попросил бы Вячеслава развернуться. Меня останавливают возможные насмешки со стороны парней, ведь почти приехали – не ехать же обратно.

Мне очень нравился привольно раскинувшийся город, с тенистыми липовыми аллеями, тихими улочками, старыми церквями, полурботающими фабриками и отзывчивыми людьми. Раньше нравился, пока не возникли кошмарные и очень опасные создания, пожелавшие отобрать последнее у бедного студента – его жизнь. Пока не увидел простынки на земле – неужели Женька видел то же, что и я? Или он видел

больше? Надо бы и к нему заскочить.

– Слав! Нам бы ещё до друга доехать! – я стараюсь пере-
кричать свист ветра.

– Если время останется, то заедем! – кричит он в ответ.

Вячеслав лихо въезжает в город, но после первого «лежа-
чего полицейского» сбавляет скорость. Да уж, подпрыгнули
мы знатно, зубы клацнули так, что я невольно провел по ним
языком – все ли на месте. Вроде бы ничего не изменилось.

– Будешь отвлекать, вообще никуда не поедем! – рычит
водитель мотоцикла.

Я молчу, уставившись на дорогу. В овраге, куда после
прыжка оборотня сорвался невезучий автомобиль, поблес-
кивают осколки стекла, валяются рваные куски белого пла-
стика. Вероятнее всего машину вытащили и отправили на
ремонт, а может и водитель выжил, оправившись от удара
сверху. Выбрался, перекрестился и поехал обратно, под за-
щиту дверных засовов и спасательных одеял.

Мы проезжаем мимо беззаботных в своем незнании лю-
дей. Прохожие спешат по делам и заботам: кому накормить
ребенка или супруга, кому самому поесть и бежать на гулянку,
кому покопаться в огороде или просто бухнуться спать.

Люди смотрели на оборотней в фильмах, ужасались
кровожадности существ и переживали за героев, что ценой
больших усилий уничтожали это зло. Смотрели и не дога-
дывались, что сосед по лестничной клетке запросто может
обернуться свирепым чудовищем и легко расправиться с ни-

ми.

Оборотням можно уничтожить десять человек... В голове не укладывается.

Подъезжая к светофору на Ленина, я замечаю черные следы от покрышек. Знакомый колпак валяется на клумбе, среди грязно-желтой травы. Календула уже успела просунуть коробочку, больше похожую на маленького серого осьминога, в отколотое отверстие. Совсем недавно я здесь проносился, холодел от ужаса и молил лишь об одном – чтобы машина не подвела.

В сердце словно втыкают иглу. Я чувствую, как влажнеют ладони, и судорожно сглатываю холодный воздух. По пешеходной дорожке, сминая опавшие листья, неторопливо идет знакомая фигурка. Воздушные волосы спускаются на курточку, джинсы обтягивают стройные ноги. Двое парней оборачиваются ей вслед.

– Стой!!! – кричу я Вячеславу.

Вячеслав от неожиданности дергает руль и, стараясь удержать управление, выставляет ногу. Кроссовок скользит по асфальту и рвется как раз под язычком. Вячеслав матерясь, но справляется с управлением и выравнивает мотоцикл. Он соскакивает с «медведя», сдергивает шлем. Взбешенные глаза метают молнии, чувствую, как затлела макушка.

– Ты чё? Офонарел?! – крикнул Вячеслав.

Потом добавляет пару крепких матюков, но я уже не обращаю внимания. Быстро спрыгиваю с мотоцикла и перебегаю

через улицу, по пути удачно уворачиваюсь от проезжающей «Нивы». Губы владельца шевелятся, похоже, он упоминает мою маму. Неважно. Ведь впереди идет она...

– Юля!!!

Девушка и так обернулась, услышав пронзительный визг покрышек. Внутри колыхнулось то чувство, которое я испытал в баре – чувство необходимости человеку. Какой жалкой и несчастной кажется её фигурка на фоне опадающей листвы. В груди сжимается теплый комочек.

– Санёк, нам нужно ехать! – кричит Вячеслав.

Он озирается по сторонам, чувствует себя неуютно посреди города, где хозяйничают перевертни. Я понимаю его, но ничего не могу сделать. Я должен с ней поговорить.

Опять прорезается в голове мысль: «Уползай, малыш! Уползай!»

– Сейчас, погоди минуту! – кричу я в ответ и снова поворачиваюсь к Юле. – Привет, как ты?

Ничего глупее на ум не пришло, но в тот момент было как-то не до логических размышлений. Я вижу собственное отражение в больших солнцезащитных очках. Слегка припухшее девичье лицо подсказывает, что она не так давно плакала. Из-под зеркальных стёкол краешком вылезает большой кровоподтек. Косметика не может скрыть её до конца. Юля опускает голову и теребит ручку серой сумочки. Может, я ничего не понимаю в моде, но этот цвет очень подходит к темно-пепельным туфелькам.

– Привет! Я нормально, а как ты себя чувствуешь? – спрашивает Юля. – Видела, как тебя увозили на «Скорой». Но когда пришла в больницу, меня не пустили – сказали, что ты спишь. А вчера и вовсе куда-то исчез. Что с тобой случилось?

– Неприятности появились, пока разбираюсь с ними. Со мной все в порядке, – я глажу её по плечу.

Юля испуганно отшатывается в сторону, словно я её ударил. Почему она так сделала? Конечно, я не в шмотках от Кардена, но так отшатываться... Чем дальше в лес, тем интереснее. Что с ней творится?

– Прости. Последнее время стала нервной. Говорят, что на больницу напала стая бродячих собак, и ты пропал. Куда ты исчез? – в ласковом голосе слышится всхлип, и моё горло перехватывает тёплая судорога, мешающая сглотнуть.

Так хочется обнять её, пожалеть, дать понять, что я рядом и ничего плохого не случится. Рядом шуршат шины автомобилей, урчат моторы, угрюмые люди огибают нас. Игривый ветер закручивает поземки желто-багровых листьев.

– Я пока у друзей, но обещаю, что скоро все закончится, и мы наверстаем упущенное, – я ободряюще улыбаюсь и тут вспоминаю про дуло пистолета. – Скажи, а вот тот следователь, Голубев, он кем тебе приходится?

Девушка снова вздрагивает и оглядывается по сторонам. Да что же ты такая зашуганная? Что же происходит?

– Владимир Александрович плохой человек. Он дав-

ным-давно помог моему отцу, а теперь постоянно контролирует мои передвижения, – Юля прерывисто вздыхает, как ребёнок, что успокаивается после плача и продолжает всхлипывать. – Отгоняет всех ребят, которые пытаются познакомиться. Вроде как папе обещал, что будет меня охранять от неприятностей, а хочу я этого или нет... Он не дает мне прохода!

– Так ты из-за него? Да-а, с ним нелегко договориться. Не переживай, Юля, как-нибудь поладим. Будет ещё на нашей улице праздник. Поговорим с ним, объясним – что и как. Я думаю, что найдем общий язык.

Я пытаюсь говорить уверенным тоном, не знаю – получилось или нет. По крайней мере, Юля несмело улыбается и отнимает ладонь от сумки, гладит меня по руке. Теплое прикосновение вызывает отклик по всему телу, мурашки толпами кидаются по коже и каждый волосок на предплечье электризуется.

– Ты хороший, но не надо. Я как-нибудь сама, – Юля смотрит на меня сквозь зеркальные стекла.

– Это он сделал? – я киваю на видневшуюся из-под очков гематому.

В стеклах очков отражаюсь я – не испуганный беглец, который не так давно мчался, сломя голову, по ночной трассе, и почти не дышал в подполе. А «Я» – с большой буквы, тот, кто может спасти и защитить от свалившегося несчастья. Рыцарь без страха и упрёка.

Рыцарь, блин. Самому бы выкрутиться и понять, что творится. Однако требуется ободрить девушку, показать, что за моей спиной – как за каменной стеной. Так я давал понять Людмиле в свое время, пока она...

Хватит! Не до Людмилы сейчас!

Хотел приподнять очки, но Юля перехватила движение. В груди шевельнулся отголосок знакомого чувства ярости. Как было в баре или на поляне... Вместе с тем ещё возникло легкое головокружение, как будто десять раз крутнулся на месте вокруг своей оси. Два чувства смешались в равных пропорциях.

Мягкая ладошка удерживает руку. По ней словно пускают маленькие разряды тока.

– Не надо, – чуть слышно шепчут земляничные губы.

– Не переживай, все будет хорошо. И не смей плакать, а то тушь опять потечёт, – я глазу по нежной коже и слегка отвожу воздушную прядь волос.

Девушка удивленно вздергивает брови и тут же лезет в сумку за зеркальцем. Женщины! Всегда заботятся о своей внешности.

Мимо проезжает знакомый джип. Я вижу, как напрягся Вячеслав. Но джип не остановился, пролетел черным пушечным ядром. Похоже, что ребята пришли в сознание и поспешили по своим делам. Странно, но того самого ненавидящего взгляда я не ощутил, и недавние бандиты не остановились. Вячеслав облегченно выдыхает, я тоже выпускаю набранный

воздух. Когда только успел задержать дыхание?

– Видела вчера твоего друга в техникуме. Он выглядел потерянным. Рассказывал Тане, что из кустов выпрыгнула какая-то огромная собака и накинулась на дерущихся ребят. Потом возникла ещё одна и сцепилась с первой. Толком поговорить им не удалось – раздался звонок. А после первой пары он ушел с двумя милиционерами. У нас весь техникум гудит от догадок. Ты точно ничего не помнишь?

Уж не знаю, какие эмоции отразились на моем лице, но бровки снова удивленно взметнулись вверх. Мимо, шелестя палыми листьями, скользят редкие прохожие. Слегка посмеивались, глядя на нашу пару – колхозник и принцесса беседуют посреди тротуара. Один старичок даже ободряюще подмигивает, мол, не теряйся, не упусти свой шанс.

– Нет, не помню. В тот момент я валялся без сознания.

Вру, конечно, но что я ещё мог сказать? Что кроме нашего мира есть ещё один? Кроваво-кошмарный? Живущий параллельно, по своим звериным законам?

Юля бы тогда испугалась ещё больше, или подумала, что это побочный эффект сотрясения мозга. Не хотелось представлять в милых глазах свихнувшимся дурачком. Очень не хотелось.

– Ну, долго ты там? Потом навлюбляетесь! Некогда нам! – кричит Вячеслав.

Он горделиво восседает на сидении, мотор подвывает, когда рукоятка газа приспускается вниз. Как вовремя – не при-

шлось отвечать на другие вопросы и врать ещё больше.

– Да, Юленька, мне пора, но мы ещё встретимся! Держи хвост пистолетом! – я улыбаюсь и бегу к мотоциклу.

– Саша, не пропадай больше! – кричит мне вслед Юля.

Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть лучезарную улыбку. Внутри набухает огромный теплый шар нежности, проблемы отодвигаются на задний план. Уходит неприятное ощущение страха перед неизвестностью. Улыбка... Да за нее я готов сражаться с кем угодно, а не только с ревнивым следователем. Палая листва шуршит под ногами, ещё два листка пролетают мимо лица.

Я с виноватой улыбкой подбегаю к мотоциклу.

– Наворковались? – ухмыляется Вячеслав и протягивает сброшенный шлем.

– Есть немного. Юля сказала, что менты взяли моего друга прямо в техникуме... – я не успеваю договорить, как Вячеслав начинает разворачивать мотоцикл назад.

– Стой! Куда ты? – я хватаюсь за металлический руль.

– Ты в детстве часто бился головой? – глядя на мою руку, интересуется Вячеслав. Когда же я помотал головой, он продолжил. – А мне кажется, что это являлось единственным твоим развлечением, вместо игрушек. Неужели ты не понимаешь, что они тебя тоже ищут? А в общаге наиболее удобное место для засады. Если тебя закроют, то как мне перед Иванычем отчитываться?

– Так я же ничего не делал!

– Какой же ты наивный! Тюрьмы полны теми, кто ничего не делал. Ты будто вчера из мамки вылез и не знаешь такой банальщины.

– Слава, я не за документами. Вернее за ними, но не только. Там ещё осталась одна вещь от отца, не хочу, чтобы она попала. Ты можешь ехать, а я все равно пойду!

– Дурррак! Тебе это нужно?

– Нужно, я тебя не заставляю, – я хочу, чтобы он меня отговорил, чтобы мы уехали прочь из города, но Вячеслав неожиданно сдаётся.

– Ой, дурак! Ну, поехали! Как же тебя одного оставишь, непутевого?

Вячеслав крутит ручку газа, и мотоцикл оглушительно ревет, полностью выражая настроение хозяина. Я усаживаюсь на теплое сиденье и машу рукой Юле. Она отвечает тем же, провожает черными стеклами очков, пока мы не скрываемся за поворотом.

Перед внутренним взором светилось милое лицо, я погружался в бездонные карие глаза. Таял от нежности, тело раздирало от чувств и эмоций. Губы сами собой шептали её имя, благо в свисте ветра и реве мотора не слышно звуков...

Глаза вычленяют из окружающей обстановки помятую ограду у светофора, сверкают стекляшки разбитой фары. Мозг моментально вспыхивает воспоминаниями прошлой ночи, они вытесняют Юлин образ. Расслабляться рано, где-то рядом бродят опасные зверюды, для которых жизнь че-

ловека ничего не стоит.

Мотоцикл тем временем заворачивает на Вихрева и через полминуты замолкает у обветшалого серого здания. Трехэтажная общага отдыхает в тени старых развесистых лип. Каждое лето деревья наполняют комнаты медовым запахом цветения, и от него снятся такие чудесные сны... Сейчас же липы красуются в багряно-желтом оформлении и, как опытная стриптизерша скидывает одежду, ветви понемногу сбрасывают листву.

– Ну, давай, рисковый, мчи за вещами! – Вячеслав с хрустом потягивается на сидении.

– Сейчас, я быстро! Одна нога здесь, другая пока тоже здесь, – я делаю вид, что пошутил.

Вячеслав делает вид, что улыбнулся.

Синяя дверь со знакомым скрипом открывается, и обширный холл приветствует въевшимся запахом хлорки, иронично улыбается с пьедестала бюст Ленина. Справа, с неприступным видом, восседает наша «ночная фея» Зинаида Павловна. Грозная и строгая, она не давала молодежи шуметь по ночам – не единожды приезжал наряд на веселые крики сверху. После пары-тройки ночевок в КПЗ студенты немного приутихли. Любви старушка не требовала, но порядок блюла скрупулезно.

– Здравствуйте, Зинаида Павловна! Вы как всегда прекрасно выглядите! Можно ключик от комнаты? – я стараюсь обворожительно улыбнуться.

– Постой, тут тебя второй день ждут! – отвечает вахтерша, глядя за мою спину.

Я резко оборачиваюсь и вижу подходящих милиционеров. Во главе троицы идет насупленный следователь.

С детства нас пугали милицией: «Не кричи, иначе придет милиционер и заберет тебя с собой!», «Не шали, или дядя милиционер тебя накажет!». Так постепенно прививался образ карающего и жестокого человека, который придет и накажет. В любое время и в любом месте. Дневная серая Бабайка.

Если с милицией не сталкиваться напрямую, лоб в лоб, то такой образ проходит после вступления в ту пору, когда сам черт не брат. Но где-то в глубине закоулков мозга страх остается на всю жизнь, и, как от прокаженного, невольно отводишь взгляд от фигуры в мундире, когда он проходит рядом.

Замечено, что если в детсад или школу заходит человек в форме, то вечно кричащие дети притихают и обходят его стороной, гадают – за кем из шалунов пришли. Дети милиционеров понимают, что это обычные люди, работа которых состоит в том, чтобы очищать общество от грязи. По крайней мере, так поставлена задача, для остальных же милиция – суровая рука закона.

Три подобные «руки» приближаются ко мне. Крепкие «руки», мускулистые. Милиционеры, в куртках из свиной кожи, которые слабо поскрипывают при движении, внима-

тельно осматривают меня. Следовательно, презрительно скалится, на правом глазу застыла черной нашлепкой «кутузовская» повязка.

Да нет, не может быть! И снова волна ярости накрывает меня, захлестывает мгновенным помутнением.

Убить! Уничтожить!

Я резко выдыхаю, сбрасывая охватившее напряжение. В груди начинает возиться морозец, от его ледяных прикосновений застывают печень, легкие, селезенка. В зеркальной стене, за спиной вахтерши, отражаются три неспешных машины возмездия и наказания. Один из милиционеров скрестил руки у двери, а по окнам первого этажа традиционно живились кованые решетки. Отступать некуда...

Уползай, мальш.

– Она всё-таки вызвала тебя, – улыбается Голубев.

– Простите, что?

– Да я так, о своём, не обращай внимания, – отвечает следователь.

Стальной взор скользит по одежде, по лицу, я ощущаю себя как под рентгеном. Возникло чувство, что следователь осмотрел каждую кость, прикинул на вес печень, понаблюдал за сокращениями сердца. Даже оценил качество мяса в тех шах, что я ел у ребят.

– Что ты натворил? – шипит в спину Зинаида Павловна.

– Да! Хороший вопрос – что же я натворил? – задаю тот же вопрос.

Отступать некуда, так хоть постараться сохранить достоинство. Милиционеры переглядываются, предвкушение игры отражается на угрюмых лицах. Как же порой власть дурманит разум...

– Ничего такого серьезного, но вам нужно проехать с нами для дачи показаний. Вы неожиданно покинули больницу, вот мы и подумали подождать здесь. Надеюсь, у вас найдется время для ответов на вопросы? – Голубев сама вежливость, хотя кривая улыбка (скорее оскал) выдает с головой.

Для Зинаиды Павловны играл?

Вахтерша наострила уши и жадно ловила каждое слово. На блестящей плоскости коричневого стола застыла авторучка. Эх, какая прекрасная тема для обсуждения с подругами на лавочке: студента забирает наряд. Сколько версий возникнет, сколько предположений – куда там очередной серии «Богатые тоже плачут».

Здоровый глаз следователя пытается прожечь во мне дырку, но после встречи с оборотнями он уже не кажется страшным и опасным. Так, обычный человек, который пытается сделать свою работу проще, и следит, чтобы к знакомой девушке не приближались шалопутные парни.

Или он не человек? Заглянуть бы под повязку...

– Конечно же, я всегда рад сотрудничать с нашими доблестными правоохранительными органами! Можно мне забрать свои документы из комнаты?

Не нужно злить понапрасну стражей правопорядка. Я вы-

тираю потные ладони о карманы плаща, а по телу пробегает озноб. Вспотел и замерз одновременно...

– Прапорщик, проводите молодого человека. Возможно, он не полностью оправился от ранений! Хотя, выглядит отлично, – Голубев усмехается, оценив костюм а-ля «на картошку».

Второй из быкообразных верзил издевательски согнулся в легком поклоне и застыл в приглашающей позе, как заправский дворецкий. Тот, что застыл у двери, хохотнул грубым голосом. Как же мало нужно для счастья...

Голубев отошел к вахтерше и заговорил с ней о погоде. Ну-у, я к ним сам собирался за Женькой, так что это даже к лучшему. Вроде как явка с повинной... только я ни в чем не виноват! Глупо, конечно, но я ещё верил в «хороших и добрых милиционеров». И вскоре я разуверился в этом...

Мы с прапорщиком поднимаемся на третий этаж. Настоящий громила, таких я видел по телевизору, когда показывали санитаров психбольниц или боксеров-супертяжей. На широкой лестнице грохочут тяжелые шаги, а дыхание опалает шею. Идущая от него неприязнь почти физически толкает в спину. Интересно, а если бы он и в самом деле толкнул меня, то на каком бы этаже я сумел бы остановиться? Проверять эту идею нет никакого желания.

Большие окна холла третьего этажа плещут светом в рукава синих коридоров, потрепанный линолеум щерится прорехами на полу. Поцарапанные двери скрывают за собой ве-

сельные дни и страстные ночи. Студенческая общага видела разное, страсти порой превосходили шекспировские.

Вот и моя комната, в замке поворачивается ключ. Я толкаю дверь, и на звук из соседней комнаты высовывается голова сокурника. Увидев меня, сосед хотел что-то спросить, но тут взгляд натывается на скалу в серой форме. Рот автоматически захлопнулся. Я приветливо подмигиваю, и однокурсник тут же испаряется. Милиционер остается у двери, кидает взгляд на нашу комнату и презрительно морщит нос.

Родная комната встречает давно некрашеным полом, плакатами рок-групп и кислым запахом пепельниц. На стенах красуются созданные мелком «Машенька» огромные надписи: «Янки, гоу хоум!». Для русских тараканов и написано по-русски. Слегка ободранные стены, потрепанная мебель, крошки на столе – обычное убранство студенческой комнаты парней. Ещё вчера я вышел из неё. Недавно, а кажется, что прошла целая вечность.

Сейчас бы ущипнуть себя и проснуться на кровати у окна. Даже после сна с оборотнями и их странным договором. Нет, я давно убедился, что это не сон.

Подхожу к своей этажерке и вытаскиваю книжечку в малиновой обертке. Из-под подушки на свет показывается медальон – память об отце, я специально снял его с шеи до похода на дискотеку – из боязни потерять. Округлая бляшка приветственно холодит ладонь.

Помню, как мы сидели зимним вечером и лепили фигур-

ки из мягкого пластилина, когда папа попросил меня сделать маленький арбалет: в память о фильме про вольных лесных стрелков и жадных стражников. Получился какой-то непонятный крест, и почему-то зеленый. Позвав маму, отец с гордостью продемонстрировал мое творение. Та грустно улыбнулась и сказала, что такому красивому оружию место на полке, рядом с моими рисунками.

Как тогда в груди плескала жаркая радость от похвалы, как прыгал на месте и восторженно хлопал в ладоши... Пока мы с мамой водружали на полку мягкую лепнину, папа что-то делал с другими кусками пластилина, помогал себе маленьким резачком. Когда я подбежал поближе, то отец показал черный арбалетик, сделанный грубо и резко, но гораздо лучше моего.

Я залюбовался маленькой фигуркой. Величиной с большого кузнечика, оружие одновременно и угрожало, и успокаивало. Кончик маленькой стрелы желтел капелькой на острие, по длине черного ложа шли красные вкрапления. Я восхищенно повертел в руках и торжественно водрузил папино произведение на полку, рядом со своим творением. Мама почему-то укоризненно покачала головой и печально посмотрела на отца. Я не мог понять почему – ведь получилось же красиво!

Через пару дней отец принес медную бляшку с петелькой-ушком: на желто-бордовой окружности мастерски вырезан маленький арбалетик; задняя гладкая поверхность отпо-

лирована до блеска; сантиметров пять в диаметре, похожая на старинную монету. Изображение менялось в зависимости оттого, как на "монету" падал свет. То одна натянутая струна исчезала, то другая. Мама продела в ушко тонкий шнурок и...

...И только сейчас я понимаю, что такой же арбалет был у мужчины из заставки «Войны кланов»!

– Ну что ты там застыл? Рубль нашел? – хмыкает в дверях милиционер.

– Да иду я, иду! – я тяжело вырываюсь из воспоминаний и не сразу понимаю, чего от меня хотят.

Быстренько переодеваюсь в запасную одежду: джинсы, футболка, синий свитер, старые кроссовки. Надоело красоваться стильным Сусаниным. Вещи Вячеслава сложил в пакет, чтобы отдать на выходе. Холодок из груди так и не вышел до конца – что будет дальше?

– Давай шустрой, нас заждались! – командует милиционер и пропустил вперед.

– Может, чайку? – я слегка играю на нервах у мордатого.

– Может, по почкам? – милиционер почти ласково интересуется в ответ.

Ни одна дверь больше не открывалась, коридор провожал полным молчанием, в крайней комнате приутихли звуки телевизора. Скрипнул линолеум на полу, словно благословил в дальнейший путь, и мы вновь оказались на широкой лестнице.

– Вы что так долго – ремонтом занимались? – зло сплевывает Голубев.

В его руке отрывисто бурчит рация. Костяшки белеют – ещё чуть-чуть и ворчащая коробочка брызнет черными осколками по плиточному полу. Лицо бледнеет, на открытом лбу дрожат бисеринки пота. Кажется, что немного подтолкни, и он кинется на меня. Второй милиционер придерживает следователя за локоть. Зинаида Павловна вжимается в кресло и смотрит то на следователя, то на меня.

С чего бы такая разительная перемена? Не ждал, конечно, любви и обожания, но и подобная резкая перемена обескураживает. Какая вожа ему под хвост попала?

– Долго не мог вспомнить – куда положил паспорт. Сами знаете, у студентов всегда творческий беспорядок.

Владимир Александрович зло мотает головой в сторону двери:

– На выход! И не делай глупостей!

– До свидания, Зинаида Павловна! – я делаю вид, что не заметил грубости.

– Угу! – звучит вслед.

Голубев выходит первым, за ним я, а следом два милиционера с добрыми и сердечными лицами.

В таком составе нас и встречает Вячеслав. Я готов вернуться обратно и опять выйти, чтобы увидеть, как у него открылся рот. Челюсть чуть не падает на землю, но парень справляется с собой, и кроссовки приминают разноцветные

широкие листья. С решительным видом он перегораживает дорогу. С таким же видом Вячеслав слез с мотоциклами перед неудачливыми «бандитами».

Из-за угла резко выруливает бело-голубой «Уазик».

– Куда вы его? – бросил Вячеслав Голубеву.

– Не твое дело. Вали отсюда!

– Я поеду с ним.

– Ты у него вместо няньки? Дергай отсюда, Арина Родионовна, – хмыкает один из сопровождающих.

«Уазик» подкатывает к выходу и из недр вылезает ещё один представитель власти. Где же берут таких здоровых – на какой ферме выращивают? Шофер не уступал по комплекции остальным милиционерам.

– Я еду с ним! Вы не имеете права! Я же соберу всех наших! – лицо Вячеслава наливается жаркой кровью.

О каких наших говорит? О «смотрящих» за оборотнями?

– Собирай кого хочешь! Увидитесь после допроса! – почти выкрикивает Голубев, и жесткая рука впивается в мое плечо.

Три милиционера подбираются, как тигры перед броском, и медленно двигают к Вячеславу. Тот не отступает, опускает голову и слегка поднимает плечи. Кончики пальцев подрагивают, словно молодые листочки под порывами свежего ветра.

Если три бандюгана на дороге не готовились к встрече с крупными кулаками, то три милиционера наоборот – следят

за каждым движением Вячеслава.

– Эй, ребята, хорош! Ну что вы, в самом деле! Славян, мы вместе съездим в отделение. Ты там сможешь подождать? – не хватало ещё драки с милицией перед общагой.

Прохожие озираются на нас, с неодобрением покачивают головами – сразу осудили и вынесли вердикт: студенты набедокурили и теперь их забирают в отделение.

– Лезь в машину! Без тебя разберемся! – Голубев сильно толкает, почти бьет.

Я едва не падаю. Пробегаю несколько шагов по палой листве и оборачиваюсь. Внутри бурлит злость, будто потревоженное шампанское готовится вытолкнуть пробку из полуоткрытой бутылки. Кругом краснеет, исчезает багрянец деверьев, синь неба, желтизна увядшей травы. Остается красная пелена и очертания предметов, темнее или светлее, приходится пару раз моргнуть, чтобы скинуть наваждение.

Что-то часто нападает непонятное состояние – раньше за собой такого не замечал.

Следователь улыбается, глядя на меня. С вызовом кивает, приглашая действовать. Его рука уже отстегнула ремешок кобуры. Я с огромным трудом гашу жгучий порыв кинуться вперед. Он презрительно хмыкает, рука медленно тянет за рукоять.

Три быкообразных представителя власти также неспешно подходят к Вячеславу. Тот понемногу смещается в сторону, не давая зайти за спину. Вот-вот и кто-то сделает первый

удар.

Второе задание

– Остановитесь! – грохочет знакомый бас.

Голубев вздрагивает, будто сквозь него пропускают две-сти вольт, и оборачивается на зычный голос. К нам приближается Михаил Иванович, сосед по больничной палате. В движениях, обманчивых в своей неторопливости, сквозит скрытая мощь. Так двигался наш инструктор по рукопашному бою. Он, как горячий нож сквозь масло, проходил через любую толпу. Люди расступались, подсознательно чувствуя грозную силу. Вот и сейчас большой человек гонит перед собой волну уверенности и твердости.

Милиционеры оглядываются на следователя. Вячеслав облегченно выдыхает, круглое лицо немного светлеет:

– Михаил Иванович, тут они...

– Я все знаю, Слава. Так надо! – говорит Михаил Иванович и поворачивается к Голубеву. – Сколько вам нужно времени для допроса?

– Он будет заключен под стражу до окончания расследования. Пока не выяснится, что на самом деле случилось. Уйми своего крепыша или он тоже отправится с нами, – процедил следователь.

Вячеслав тут же вскидывается. Лицо красное, на висках капли пота.

– Я согласен! Поехали вместе! Чё ты головой мотаешь, од-

ноглазый? Зарядить в нюхальник одному из напарников? – он мотает круглой головой в направлении угрюмых милиционеров.

– Слава, успокойся. Ты сейчас поедешь со мной. Молча! Так нужно – поверь мне! – в конце фразы Михаил Иванович повышает голос.

Милиционеры открыто ухмыляются Вячеславу в лицо. Один сплюнул на землю, почти попал на кроссовок. Вячеслав сдерживается, хотя желваки ходят ходуном. Оба здоровяка разочарованно поворачиваются к машине.

Я ловлю взгляд Иваныча, но «сосед» смотрит в сторону и отходит к мотоциклу. Я кладу пакет с одеждой на землю.

– Слав, спасибо за помощь.

– Садись! – следователь открывает дверь «Узика».

Вячеслав пытается дернуться за мной, но широкая ладонь Иваныча легко останавливает подопечного. Они перекидываются парой слов, к сожалению, я не могу расслышать сказанное – сажусь в машину. Мужчины отворачиваются, тускло блестят надеваемые каски.

Ладонь следователя толкает в спину ещё раз. Нагретое нутро машины швыряет в нос запах затхлости, табака и какой-то непонятной кислятины, словно в кабине кого-то стошнило и рвоту отчистили не до конца. Двое залезают вперед, а с левой стороны садится Голубев. Здоровенный сержант примостился справа. Я оказываюсь зажат между твердыми телами, как орех в зубах Щелкунчика.

Вон, на мотоцикле – ребята, которые могут помочь, а я сижу среди враждебно настроенных людей. От бессилия ногти впиваются в ладони.

– Ну чё, парень, добегался? Пора остановиться и подумать о жизни! Саныч, это его видели у рынка с твоей девчонкой, – оборачивается к нам водитель.

Прокуренные зубы расплываются в довольной улыбке. Картофельный нос морщится гармошкой, когда уголки губ разъезжаются в стороны. Ощущение власти явно доставляет ему удовольствие.

Голубев смотрит на меня так, словно опускает меня в серную кислоту. С размаха хлопает дверь, машину покачивает.

За стеклом ревет мотор "медведя", двое странных знакомцев уносятся прочь по тенистой улице Вихрева. Я провожаю их взглядом – помощи ждать неоткуда, страх мокрой тряпкой облепляет грудь.

Поворачивается в замке ключ зажигания, под ногами несколько раз вздрагивает пол. Звуки лязгающего железа заполняют салон, мотор никак не хочет заводиться. Машина чихает и трясется как курильщик с многолетним стажем..

– Я что говорил тебе по поводу Юли? – глядя перед собой, спрашивает Голубев.

Я счел за лучшее промолчать, и так ясно, что риторический вопрос не требует ответа.

Голубев огорченно вздыхает и коротко бьет локтем в солнечное сплетение. Твою маму, как же больно! Перехватыва-

ет дыхание, жаркий взрыв в груди заставляет согнуться.

Я ударяюсь о подголовник, успеваю увидеть в серой обшивке круглую дырочку с обгорелыми краями – память от неаккуратно курившего пассажира. Крепкая рука сержанта тянет за шиворот назад. Тело разгибается, я жадно хватаю сопревший воздух салона. В этот момент машина заводится и трогается с места. Воздух заходит кусками, как горячий пирог, я почти руками запихиваю его в себя.

– Я предупреждаю всего один раз. Ты не послушал умного совета, теперь же пеняй на себя. Даже твои друзья покинули тебя! Корефан признался, что это ты порешил тех отморожков. Мне немного жаль тебя. Очень немного. Хэк! – локоть без размаха въезжает в нижнюю челюсть.

Зубы клацают со звуком ружейного затвора. Я чуть не прикусываю язык, голова откидывается назад. Во рту появляется металлический привкус крови, от боли возникает знакомый гнев. Что говорить? Как выкручиваться?

Голубев прекрасно знает: эти убийства не моих рук дело, но, чтобы убрать с дороги соперника, постарается свалить всё на меня. А я ещё сам к ним собирался! Правильно Вячеслав сказал – дурак и есть.

Когда же это закончится? Непонятные смерти, непонятные люди, непонятные оборотни, непонятный следователь и причем же тут я?

Широкая ладонь сержанта держит за шею. Он придерживает меня, когда от следователя прилетело ещё два удара в

грудь, потом тоже присоединяется к веселью. Задние тонированные стекла закрывают нас от глаз прохожих, поэтому удары сыплются без оглядки на посторонних.

Я закрываю голову и грудь, но тычки попадают по спине, ногам. Хорошо ещё, что из-за тесноты мужчины не могут сильно размахнуться. В лобовом стекле мелькают проплывающие дома, деревья, люди. Выскочил бы наружу, но с двух сторон вращаются вихри из кулаков и локтей.

Не дать им понять, что мне страшно. Держаться, не показывать... Им не сломать меня. По носу...

Блин!!! Как же больно.

Очередной удар, попавший в челюсть, обрывает что-то внутри. Меня захлестывает волна бешенства, кровь ударяет в лицо, пылают щеки. Гандоны! Я открыто смотрю в лицо Голубева.

В здоровом глазу следователя возникает интерес. Жесткие костяшки врезаются в мою челюсть, хлещут по носу, срывают кожу со скул. Но я не чувствую боли, лишь ярость взрывает мозг изнутри. Ноздри бешено раздуваются и у него, и у меня. Руки сами собой начинают блокировать удары. У него, кроме интереса, показывается ещё и изумление. Сержант роется в кармане куртки.

– О-о-о, терпила ещё и рыпается! Дайте-ка, я ему тоже навезу! – поворачивается милиционер спереди.

– Не лезь! – хрипит Голубев.

Сжатые кулаки трещат от нахлынувшего гнева. Тело на-

прягается, превращается в сплошной комок мышц. Удары не чувствуются. Мутная красная пелена завешивает взгляд. Звук урчащего мотора, глухие хлопки по телу, отдаленный разговор милиционеров – все сливается в одну сплошную волну шума, который удаляется и в то же время присутствует рядом.

Внутри горит ярким пламенем клубок огня. Капли раскаленной лавы распространяются по всему телу. Что-то рвется наружу, ломает тонкие преграды сознания. Что-то незнакомое, гневное и разрушительное. Руки наполняются силой, ноги превращаются в стальные столбы, позвоночник сгибается дугой.

Ненавижу! Убить! Уничтожить!

На миг я ясно вижу себя внутри машины, милиционеров по краям и впереди. Люди застывают, как будто кто-то нажал на видеопроигрывателе кнопку «пауза». Я же выпархиваю из своего тела и зависаю в салоне невидимым духом.

Очень необычно видеть себя со стороны – будто умер и теперь витаю над недвижимым телом. И время замедлилось до такой степени, что я вижу, как медленно падает капелька пота с носа Голубева. Дым неторопливо вытекает изо рта водителя, закрывается в моргании глаз милиционера на переднем сидении, летит к моему лицу кулак следователя.

И змеится молния шокера в руке сержанта!

Так вот что он искал в кармане! А я как раз повернулся к Голубеву и руками закрываю голову. Молния тянется к моей

шее, должна ужалить в то место, где заканчивается стрижка. Я чуть потянул руку на себя и шокер чуть отделился в сторону.

Прикольно!

В этот момент я понимаю, что могу сделать с ними всё, что захочу. Могу выдавить глаза и оборвать уши, могу перебить сонные артерии и сломать гортани. Могу пробить виски, чтобы в следующую секунду в машине оказалось четыре трупа. Могу вытащить из кобуры пистолеты и нашпиговать свинцом каждого мента.

Я всемогущий. Я могу это сделать!

Но чем тогда я буду отличаться от этих уродов?

Да и Женька у них, а он вряд ли обладает такой приобретенной способностью.

Нет. Пока что нужно затаиться. Не надо показывать, что я могу – нужно узнать, что готовится дальше. Я решаю вернуться обратно.

Как только я подумал об этом, так тут же появилась надпись:

Второе задание выполнено:

Ты обуздал свои силы и приобрел новый навык "противостояние Зову"

Надпись моргает и пропадает. Неудержимая сила влечет обратно. Снова появляется ощущение тела. Я изворачиваюсь, вжимаюсь в пыльное сидение, и мимо моего носа пролетает рука с зажатой молнией. Как по расписанию электри-

ческий разряд встречается с кулаком Голубева.

Короткая вспышка.

Появляется запах горелой плоти, как будто опалили забитую свинью! Фу, ну и вонища!

Следователь выпрямляется на сидении, бьется головой о потолок салона и всей массой заваливается на меня. Голубева колотит от бешеных судорог. Накатившее исступление спадает, ноют ушибленные ребра.

– Стой! Тормози, Илюха! – тут же орет накосячивший мент.

Водитель бьет по тормозам, всех бросает вперед и расслабленное тело падает с меня. Я упираюсь рукой в спинку правого сидения – не могу отказать себе в удовольствии подставить локоть под нос следователю. Впереди раздается мат – милиционер приложился лбом о торпеду.

– Что у вас там? – оборачивается водитель, пока милиционер рядом потирает лоб.

– Херня получилась. Хорош рыло тереть, помоги Саныча вынести! – командует сержант, виновато осматривая расслабленное тело следователя.

– Ему терпила так зарядил? Хана тебе, пацанчик! – рывкает прапорщик и выскакивает наружу.

– Остынь, ему и так досталось. Не болтай, берись за плечи! – «шокерист» распахивает дверь, из которой вываливается следователь.

Суховатое тело следователя выносят наружу. Я помогаю

из сострадания – все-таки не слабо получить разряд, особенно когда не ожидаешь. Хотя, если бы мог, то приложил шокер и не отпускал бы до тех пор, пока тело не перестанет трястись.

Ненавижу!

Следователя кладут на тент, который вытащил и раскинул на траве водитель. Голубев слабо подергивается. Сержант оттирает бледное лицо мокрым платком, слушает пульс на запястье. Водила с другим милиционером курят в сторонке.

Я смог оглядеться. Ого! Оказывается, мы выехали за город и встали за Китово. Вечер опустился на землю, покрыл деревья и кусты оранжевым светом.

По сторонам дороги высится лес, весь в теплых красках, манящий и родной. Зеленые ели переплетаются с багряно-золотыми березами и желтыми кустами. Под лучами вечернего солнца деревья словно выступают на модном показе.

Изнутри леса кричит свобода, воздух влажно пахнет грибами и мхом. Лес манит и завораживает, а из темной глубины идет необъяснимый зов. Перед глазами пролетает образ мохнатой лапы, сдирающей дерн с земли. Опять возникает ощущение взгляда, как из тонированных стекол черного джипа. Но на сей раз не злобный и ненавидящий, а наоборот, манящий и увлекающий, будто зовущий к ужину крик мамы. Меня снова тянет невидимая веревочка. Тащит в лес, как до этого тянуло в Шую...

Но в этот раз я могу спокойно делать шаг назад. Второй

и третий...

– Эй, ты куда направился? А ну залезь в машину! – прапорщик щелчком откидывает в сторону окурок.

Бычок пролетает по широкой дуге и падает в придорожную канаву, коротко пшикнув напоследок. Я и не заметил, как отошел к другому краю дороги. Хрипло каркает в стороне угольно-черный ворон. Его блестящие глазки оглядывали группу людей, костистые ноги нервно переступают по рыхлой земле.

– Надень на пацана браслеты, пусть в машине покукует. О, смотри, и Саныч очухивается. Крепкий он все же мужик, если после такого разряда уже приходит в норму, – сержант ещё раз смачивает платок из пластиковой бутылки и оттирает лицо следователя.

– Я после шокера раньше включаюсь, так что не такой уж он и крепкий, – замечает прапорщик и вытаскивает из-за пояса наручники.

Холодные тонкие браслеты туго стягивают мои запястья. Мелькает шальная мысль – смогут ли милиционеры надеть эти игрушки на ручищи Вячеслава? Зов из леса стихает.

– Ага, от обычных шокеров, но у меня тесть – инженер-электронщик. Вот он и прибавил моей игрушке немного мощности. С червонца килоджоулей поднял до сороковника – на полчаса гарантировано расслабление и пускание слюней. Толковый он мужик, если бы не бухал ещё, – сплевывает сержант.

Голубев открывает здоровый глаз и ошалело оглядывается по сторонам. Милиционер заталкивает меня в «Уазик». Водитель тоже залезает со своей стороны, посматривает в зеркало заднего вида.

– Куда же ты полез, молодой? По-хорошему же предупредили. Девок тебе мало, что ли? – сочувственно говорит он, кивая на обочину, где поднимают следователя.

– Так получилось. Куда мы теперь? – спрашиваю я, разбитые губы не очень располагают к беседе.

– В СИЗО, куда же ещё. Посидишь там, пока все не прояснится, или пока последний гопник не выйдет из комы, – произносит водитель и вытаскивает из пачки сигарету. – Не куришь?

Я отрицательно мотаю головой. Смотрю на следователя, как тот сидит на грязном тенте и материт неосторожного сержанта за «сюрприз».

– Почему последний? Их же трое в реанимации, – говорю я пониженным тоном, чтобы не услышали на улице.

– Кто-то отключил им в больнице аппарат искусственного дыхания. Списали на неаккуратность персонала, кажется, кого-то уволили. А этого смогли откачать, но сейчас находится в коме. Наши ребята дежурят у палаты, как возле мавзолея на Красной площади.

– Ничего себе. Ну и дела.

– Ладно, тихо тебе – вон Саныча ведут.

Распахивается дверца и, на сидение рядом сажают блед-

ного следователя. Тот кидает на меня злой взгляд, но молчит. Я тоже не пытаюсь завязать разговор.

Ещё двое умерли, осталась последняя надежда на выжившего отморозка. Евгений не мог на меня всё повесить – не верю, это всё вранье следователя!

Полчаса монотонной езды и мы приехали в Иваново. Никогда не любил областной центр – хмурый он какой-то, тревожный, хотя ему и присвоено красивое звание «города невест».

Непонятное волнение возникало всегда, даже когда большой компанией гуляли по серым улицам. Вроде бы и веселились, и смеялись, но гнетущее чувство тревоги не оставляло во время прогулки ни на миг. Какая-то опасность таилась в большом городе, заставляла беспокойно оглядываться назад, противно чесались лопатки, словно предчувствуя удар в спину.

Машина проезжает по городу, мы подкатываем к серому высокому забору, поверху которого змеилась колючая проволока. Слева от коричнево-грязных ворот вылезает небольшое кирпичное строение КПП. Из-за забора выглядывает побеленное четырехэтажное здание с гостеприимными решетками на окнах. Два человека с автоматами курят у железных ворот. Водитель останавливается, извлекает из бардачка сверток и выходит из машины. Он скрывается за железной дверью пропускного пункта.

– Саныч, когда пойдем оформлять клиента?

– Прапорщик, сиди на месте, там всё договорено.

Вскоре возвращается водитель. Без свертка в руках. Как-то обычно, обыденно, словно не в первый раз. И почему я не удивился? Сходил, отдал, вернулся – будто за хлебушком до магазина сносился.

– Все нормально, можете заводить.

– Пошли, – рычит Голубев, и дергает меня за руку.

Осенний вечер разливает по небу темную синеву. Территория вокруг освещается мощными фонарями, наверно, так светло не бывает и днем. Курящие охранники прячутся на нас безразличными взглядами, приветствуют Голубева. Вряд ли он был здесь редким гостем.

– Подожди в машине, дальше я сам! – командует следователь сержанту и кивает одному из охранников.

Тот внимательно осматривает меня и открывает скрипучую железную дверь. За ней оказывается ещё одна. Писк электронного замка и мы внутри. Запах хлорки мешается с застарелым табачным дымом. Как же тут неуютно и мрачно. Серые стены, широкие щиты с инструкциями и приказами, затертая плитка на полу. Тягостное зрелище, удручающее и давящее. Слева комната за толстым стеклом, там маячит одутловатое лицо дежурного.

– Привет, Серега, мы к Васильичу.

– С этим? – дежурный лениво кивает на меня.

– Я же сказал – мы. Хотя, пускай он тут у тебя постоит немного.

Я молчу. Дежурный нажимает на кнопку, и ещё одна решетчатая дверь открывается, проглотив следователя.

– За что тебя? – дежурный явно скучает.

– А это так важно?

Жестоко ломит тело, кровь из рассеченной брови свернулась коркой и мешает моргать. Заведенные за спину руки немеют от наручников. Впереди маячит мрачная неизвестность, известная лишь через призму кинофильмов, да услышанная из рассказов отсидевших знакомых. Нет никакого желания общаться.

– Ну не хочешь – не говори, но редко кто из привезенных Голубевым в нормальное место попадал. А уж на волю и во все никто не возвращался, – дежурный явно обиделся на меня.

– Недавно в Шуе схлестнулись с местной гопотой. Четверых из них кто-то положил, пока в отключке валялся. Вот и приняли, а я ни сном, ни духом. Да и друга тоже взяли, хотя врачи хором заявляют, что напали собаки.

Я-то успел понять, что это за собаки, оставалось узнать – почему уничтожалась вся наша «компания»? За что умерли те ребята из банды Жилы? Жив ли ещё Евгений? Но у кого спросить? Иваныч знает наверняка, но где он сейчас?

– Ну да, слышал-слышал, знатный махач сотворили, а теперь невинного из себя строишь. Не бойсь, у нас тут много невинных сидит, – хохочет дежурный. – Но редко кто из пассажиров соскакивает с поезда.

– Понятно.

– Не бзди, может и образуется.

– Как долго у вас тут держат?

– Кого как. Бывает, что выпускают через неделю. Случается, что суд выносит приговор, а бродяга отсидел у нас даже больше положенного срока.

Неприятно оказаться в подобной ситуации. Сидишь и ждешь. Наблюдаешь, как день за днем проходит жизнь, а какие-то бюрократы думают, что с тобой делать. Им ведь абсолютно безразлично, что за человек скрывается под картонным листом с надписью «Дело №...».

Вдалеке раздаются шаги, дежурный тут же смолкает.

– Открывай, Серега! Начальник пришел! – за решетчатой дверью показывается красное лицо пожилого человека.

Писк замка и в небольшое помещение wpłyвает «начальник»: хорошо за сорок, раздался на сидячей работе, круглая голова и рыбы глаза навывкате, невысокий, пухленький, довольно медлителен в движениях и заторможен в речи. За ним входит следователь. Две противоположности одной системы, по фигурам схожи как Дон Кихот и Санчо Панса.

– Васильич, вот этот ухарь и натворил кучу проблем.

– Да-а, глядя на тебя можно сказать, что и доставили его с великим трудом, – «начальник» оглядывается на бледное лицо следователя.

Действительно, сержанту хорошо переделали шокер, судороги до сих пор навешают суховатое тело следователя.

Скуластое лицо хмурится.

– Мутит с утра, скорее всего отравился чем-то, – отвечает Голубев.

– А с глазом что? Соринка бревнышком залетела? – кривая ухмылка касается потрескавшихся губ.

– Ага, расчесал ногтями на ноге. Хочешь, и тебе почешу? – вспыхнувший следователь тут же одергивает себя. – Шучу-шучу, воспаление какое-то.

– Ладно, поправляйся тогда. Пассажира я определю куда нужно, но ты не затягивай с делом, а то у нас проверка скоро намечается, – Васильевич пожимает руку Голубеву и кивает дежурному. – Документы заberi, а то завалятся куда ещё. А завтра с утраца отдашь мне.

– Его бы на пару дней под крепкий схрон, чтобы и воздух только после проверки проходил! – говорит следователь.

Начальник отмахивается, мол, и без тебя знаю. Следователь обжигает меня взглядом, не сулившим ничего хорошего, недобро усмехается, и дверь выпускает его сухощавую фигуру.

– Ну что, пассажир, пошли знакомиться! Михеев! – «начальник» бросает в открытую дверь, и откуда выныривает двухметровый амбал. – Давай этого красавца ко мне в кабинет, а я пока выйду на пару минут. Серега! Не спи!

– Не сплю, Сергей Васильевич! Бдю! – дежурный вытягивается в струнку, если такое возможно сидя на стуле и снова нажимаетна кнопку открытия двери.

Начальник выходит вслед за Голубевым.

– Вперед! – рывкает Михеев, и железная хватка стискивает локоть.

Да-а, здравствуй мир незнакомый и пугающий.

Мы выходим с другой стороны КПП под музыкальное сопровождение электронного замка. Слева и справа до серого здания протягивается проволочный коридор с острыми шипами по потолку. По этому проспекту я и иду, напутствуемый окриками немногословного надзирателя. Судя по звездочкам – он дослужился до лейтенанта, а судя по лицу – можно сказать, что сотрудники зоопарка явно утаили побег одной из горилл.

Лицо не обезображенное интеллектом, с надбровными дугами, нависающими утесами над запавшими глазками, прямо-таки лучится добротой и пониманием. Сейчас это лицо кажется застывшей маской маньяка из фильма ужасов. Узкие губы и выделяющиеся скулы добавляют необходимые штрихи к общему портрету.

– Иди, не оглядывайся! – всего три подобных команды я слышу за наш недолгий путь.

Очень содержательная беседа, зато нашлось время подумать и взвесить сложившуюся ситуацию. Проанализировал, поразмыслил и понял, что все хреново. Однако я жив, хотя и побит, и это не может не радовать. Как в анекдоте про падающего с сотого этажа человека, что пролетал мимо пятидесятого и подумал: «Пока всё идет хорошо».

Войдя в здание, мы ожидаем, пока откроет решетку очередной дежурный и проходим в левую дверь. За ней убегает вверх серенькая лестница, ступени провожают скрипом песка на второй этаж.

– Стой! – мы останавливаемся перед коричневой дверью с золотистой табличкой «Бологов Сергей Васильевич. Директор следственного изолятора». – Лицом к стене!

Около десяти минут я обзираю поверхность стены, изучаю трещинки и выемки, потом появляется начальник. Он идет, о чем-то задумавшись, а увидев нас, даже оторопел на миг:

– Вы чего здесь? Ах да, совсем этот следак мне голову забил. Михеев, не нужно его ко мне. Пустите по процедуре и в 47-ю. Ох, и устал я с вами. Все, до завтра.

Директор щелкает ключом в скважине и скрывается за дверью с табличкой.

– Вперед! – красноречивый и обаятельный Михеев провожает на выход.

Дальше мы спускаемся на первый этаж, и начинается «пускание по процедуре».

Однотонные коридоры ловят каждый шаг, за железными дверями слышатся шорохи и обрывки слов. Решетчатые преграждения со скучающими надзирателями за ними. Мы подходим, нам открывают. Все молча, лишь подаются команды при приближении к дверям. Серо, кафельно, убого.

«Стой, лицом к стене, вперед!» – похоже, что на этом лек-

сикон Михеева заканчивался.

Наконец мы достигаем серой двери и, после нескольких минут ожидания, с подошедшим охранником входим внутрь. В центре уныло доживает свой век длинный широкий стол, по бокам возвышаются деревянные стеллажи с подписанными коробками и обмотанными бечевкой вещами.

– Куда?

– В 47-ю.

– Да ладно?

– Приказ!

– Насколько?

– Пока не выпустят.

Охранник, чем-то похожий на Михеева, обыскивает меня с головы до ног, записывает данные.

– Валите, – бурчит охранник, разглядывая отцовский медальон.

– От отца осталось, не забирайте, пожалуйста, – я протягиваю руку, пропадет ещё, и потом ищи-свищи.

– Не положено!

– Да это же обычный медальон, он у меня вместо крестика.

– Сказано же – не положено. У нас тут вера одна, и символов, кроме наколок, не должно быть никаких. Если захочешь, то эту игрушку потом на груди наколют, – неторопливо объясняет охранник, сжимая медальон в руке.

– Отдай ты ему, все равно отберут, да ещё и по шее насту-

чат, если сам не пожертвует, – вмешивается Михеев, что-то человеческое в нем все-таки осталось.

Охранник отшвыривает предмет спора и начинает собирать вещи в коробку, забыв о моем существовании.

Снова короткая команда и мы двигаемся дальше. Ещё одна комната, в которой охранник с заспанным лицом выдает свернутые в рулон постельные принадлежности. Мы опять отправляемся в путешествие и останавливаемся около железной двери с небольшим окошком, за которой находились заключенные. По спине противно бегают мурашки.

Танковый бой

С пробирающим до зубов противным скрежетом открывается тяжелая дверь. Ударом бича хлещет короткая команда, и я вступаю за порог, в неизвестность.

Неизвестность воняет запахом человеческого пота, грязных носков и застарелым дымом сигарет. Сразу же вонзается взгляд пяти пар глаз, словно лазерные прицелы сходятся на моей груди. За столом смолкает разговор.

На меня смотрят обыкновенные люди – такие ходят по улицам, копаются в машинах, жарят на природе шашлыки. Вовсе не те выразительные типы телевизионных криминальных боевиков с морщинистыми брылами и злыми острыми глазками. На столешнице поблескивают побитыми боками алюминиевые кружки, поодаль валяются конфетные обертки – словно зашел в гараж к закодированным от пьянства мужикам.

Тусклая лампочка освещает восемь кроватей у стен. Поставлены в два яруса, как в поездном «плацкарте», и на каждой лежит свой «пассажир». Камера по размерам и виду больше напоминает кладовку, чем место для содержания людей.

– Принимайте соседа! – за спиной хлопает дверь, поворачивается ключ.

Я молчу. Пауза продолжается полминуты, а кажется, что

целую вечность. На верхней кровати, что ближе к окну, садится улыбающийся человек, вниз свешиваются босые ноги с выколотыми неразборчивыми надписями.

– А кто у нас тут нарисовался? Какой славный мальчуган! Хоть и покоцанный, зато живой. На ментовской произвол надо отвечать организованным беспределом. На зло только злом. А как ты думаешь – добром на добро надо отвечать? – севший человек прищуривается масляными глазками.

Я молчу, не зная, что отвечать. Люди осматривают, прощупывают, исследуют реакцию. Я молчу.

– Чё губы зажал? Или тебе честным сидельцам ответить заподло? Так может ты и за добро дерьмом кидаешь? Или грех какой за собой чуешь? Ты откройся, не держи в себе, иначе как ползет – не остановишь! Можешь и нас зацепить случаем, – сыплется скороговоркой речь, голос набирает обороты и привлекает внимание остальных.

С тощих подушек поднимаются всклокоченные головы, высовываются распухшие ото сна лица. На меня смотрит вся камера. Я молчу, думая, как ответить, чтобы потом не спросили ещё чего-нибудь. Неуверенность завладевает мозгом, тысячи мыслей проносятся за мгновение – ударить, поздороваться, улыбнуться, плюнуть?

Кто-то из знакомых рассказывал о своем опыте, о кинutom под ноги полотенце, но сейчас ничего такого нет и в помине. Неосознанно дергаются желваки, ноет ушибленная челюсть.

Лазерные прицелы глаз ощупывают каждый сантиметр, оценивают каждое движение.

Человек спрыгивает с верхней кровати и подходит ко мне, слегка раскачиваясь при ходьбе, как моряк, что сошел на берег после долгого плавания.

– Чё молчишь? Или ты утка засланная, ушкарь зачморенный? Тогда расстилайся у параша, места хватит! Чё вылутился, пассажирка? – кричит зачинщик разговора.

– Ослабь, Жмырь! Не видишь – первоходка прилип! – цедит человек у окна и отдергивает шторку кровати.

Человек тоже садится на кровати, весь в наколках от шеи и до пояса. Из-под коротких шорт на свет выглядывают очередные наколки. Короткий ежик волос, лохматые брови, набрякшие мешки под колючими глазами, синева выбритых щек. Ему тут же протягивают кружку, мужчина отпивает.

– Представляться не учили? – он снова отхлебывает темно-коричневой жидкости.

– Александр Алешин, здравствуйте, – хоть что-то прояснилось.

– Садись за дубок, Александр Алешин, если ты греха за собой не чуешь. Не притащил за пазухой грязи?

– Нет, ничего такого серьезного, а что вы понимаете под словом «грех»? – я подхожу к столу.

– Я имею ввиду шпили-вили с мужиками, заявы к ментам и многое из того, что идет против совести. Так было у тебя такое? Отвечай правдиво, все равно узнаем, как есть на са-

мом деле! – продолжает допытываться татуированный.

– Нет, ничего такого я не делал. Сам попал сюда из-за ревности следователя, перешел ему дорогу с жен...

Взмахом руки татуированный человек останавливает мою речь.

– Не нужно рассказывать о себе то, что не интересно другим. Ты сказал, что не был замечен в разной пакости – это проверится. Сейчас же кидай скатку вон на ту шконку. Киргиз, подвинься! – человек с раскосыми глазами подтягивает ноги, и я кладу сверток на край кровати. – Садись с нами столоваться. Чифиришь?

– Нет, не пробовал. За приглашение спасибо, но есть не хочется.

Есть и в самом деле не хочется, щи Вячеслава ещё булты-хаются внутри, а ещё нервы, побои. Я пробую двигать челюстью – не скоро смогу откусить горбушку...

– Не говори «спасибо», говори «благодарю». Вникай, но старайся не повторять ошибок, если тебя поправят. Смотрю, менты тебя здорово попрессовали, вон там можешь умыться, – мужчина кивает на умывальник в углу.

В осколок зеркала на стене отражает моё помятое лицо, кровоподтеки, запекшаяся кровь под носом. Я поворачиваю ржавый вентиль крана, и тонкой струйкой вырывается желтоватая влага. Страшно воняющая хлоркой ледяная вода немного освежает зудящую кожу.

– Спят у нас в хате посменно, кто-то массу давит, другой

на глазах стоит. Ты будешь меняться с Киргизом. Уборка у нас по дням недели. Петухов не держим – крутись сам. Не косячь, не терпим этого здесь. Если что непонятно – спрашивай, я смотрящий на этой хате, зовут Черный, – человек снова отхлебывает из кружки. – Пока осваивайся, осматривайся! Походу ты здесь надолго, если тебя Голубок привез. Жмырь, пусти коня, узнаем за пассажира.

«Ласково» встретивший человек достает кусочек бумаги, огрызком карандаша черкает несколько слов. Жмырь аккуратно складывает произведение и залезает на свою койку. Поколдовав немного с веревочкой, уходящей за форточку, он начинает тянуть к себе, а бумажка уносится вдаль.

Мужчины за столом достают спрятанные карты и возобновляют прерванную игру. Киргиз без интереса оглядывает с ног до головы и отворачивается к стене. Черный подзывает «обласкавшего» человека и о чем-то начинает в полголоса с ним переговариваться. Ещё один «смотрящий»...

Интересно – куда подевались Иваныч с Вячеславом?

Не рискнув заговорить с играющими, я подхожу к Киргизу:

– Извини, не спишь?

Плосколицей человек поворачивается на шконке, упирается неподвижным взглядом в мою переносицу. Тяжелые веки глыбами нависают над лихорадочно поблескивающими глазами. Тонкие губы под мясистым носом нервно дергаются:

– Нет, чего тебе?

– Можешь немного рассказать, что тут да как?

– Три об этом с Черным, он в законах лучше разбирается.

И вообще – поменьше спрашивай, побольше смотри, живее будешь. Через пару часов поменяемся, так что пока не тревожь, – и Киргиз закрывает глаза.

«Пока все идет хорошо!» – я вспоминаю фразу из анекдота и присаживаюсь обратно.

Игроки косятся на меня и продолжают раскидывать карты. Играют как-то лениво, ставка (спички) периодически перемещается с одного края стола на другой. Негромкий разговор у кровати Черного, шелест карт и редкий кашель составляют весь звуковой фон.

Я задумываюсь над тем, как легко могут посадить невинного. В России сейчас такое сплошь и рядом. Перебежал дорогу человеку, который обладает даже небольшой властью, и вот ты, в окружении подобных «счастливчиков», лобуешься через решетку на проходящую мимо жизнь. Я не могу сказать, что тут одни невинные, но и «подставленных под удар» хватает.

Зато те, у кого есть деньги, творят, что хотят, и я слышал, что человеческая жизнь уже имеет определенную таксу. Задавили машиной мужчину – тот скончался. Подошли к скорбящим родственникам и предложили солидную сумму за ущерб: человека не вернуть, а зачем же «оступившемуся» молодость портить? Взяли одни, глядя на них, взяли другие

– жизнь приобрела свою цену. Вроде бы сейчас не война, когда жизнь оценивается в стоимость патрона...

Тихое дребезжание выводит меня из тягостных размышлений. Черный мотает головой, и Жмырь коршуном взлетает на верхнюю койку. Заслоняет спиной форточку и начинает тянуть веревочку с усердием рыбака, что вытаскивает донку с уловом. «Почтальон» доставляет письмо адресату Черному. Тот неторопливо разворачивает бумажку. Прочитав пару раз написанные строки, он смотрит на меня.

– Сидельцы из основных желают всем доброго здоровья и скорейшего освобождения. За вновь прибывшего не говорят худого, но и хорошего тоже сказать не могут. Какие-то непонятки с мокротой в Шуе, но люди показывают на собак. Попал сюда по ментовскому беспределу, так что будет как все, а там посмотрим. Киргиз, хорош массу давить, видишь – человека дорога измотала, – Черный криво усмехается, глядя, как я потираю ноющую скулу.

Киргиз с побряхтыванием садится на кровати, почесывает лохматую голову, о чем-то тяжело вздыхает:

– Кидай скатку поверх моей, всё же помягче. Да и клопам стремно будет – они у меня высоты боятся.

Люди у стола дружным хохотом оценивают высказывание. Я так и делаю. На жесткой койке лежать неудобно, но тем не менее глаза закрываются.

– Носки сними. И так дышать нечем, – последнее, что я слышу перед провалом в сон.

И ведь только что был в камере, а теперь смотрю в железную пластину. Внутри металлической коробки такая жара...

Коробки? Где я опять?

– Портянки сними, Андрюха, и так дышать нечем!!! – приглушив голос, поворачивается лейтенант.

– Ага, я фашистам я буду босыми ногами пендали отвешивать? Засмеют ведь!!! – я отвечаю на шутку, немного снять напряжение перед боем не помешает.

Где я теперь? Я осмотрелся по сторонам. Ё-мое, я же в танке! В самом настоящем танке!

– Вот-вот, пошли гады, – Павел кивает на дорогу.

По дороге, стреляют глушителями и поднимают пыль мотоциклы с колясками. Один, два, три черных снаряда пролетают недалеко от нас. Разведка, пусть едет. Хотя подмышает пальнуть по этим ухмыляющимся рожам. Фрицы здоровенные как на подбор, рукава засучены, автоматы в лапшах смотрятся, словно детские игрушки. Едут, не скрываются, по-хозяйски оглядывают мою родную землю. Мою землю!

Хозяева, блин, ну посмотрим – какие вы хозяева!

– Эй, дяденька, может, ты меня услышишь? – крикнул я человеку, внутри которого находился.

– Андрюха, не отрывайся, когда достигнут ориентира – встречай блинами! – у Зиновия белеют костяшки на кулаках, так сжимает рукояти перископа.

К дамбе приближается многократный рев танков. Вдале-

ке от нас слышатся взрывы, земля ощутимо дрожит от приближения армады.

Опять меня не ощущают... Судя по гимнастеркам и шлемофонам я вижу Великую Отечественную... Офигеть...

– Шпилин вызывает, – рапортует Павел, и Колобанов подаётся к нему.

Командир коротко отчитывается на полуматюки по поводу молчания танка и зло бросает аппарат обратно.

– Был приказ стоять насмерть, вот и будем держаться до последнего вздоха. Чего коробить перед боем? И так нервы как струны! – резко выдыхает командир и снова приникает к перископу.

Напряжение нарастает, гул идущих танков усиливается. На дорогу выкатывается колонна. Прут вперед как огромные жуки, поблескивают хитиновой броней. До ориентира, двух берез, остаётся совсем немного.

Было бы у меня тело, давно бы тучами носились мурашки, а тому, чьими глазами смотрю хоть бы хны. Или это дело привычки? Или самоотдача такая?

Сколько же их? Цепочка танков тянется по дамбе, у некоторых подняты люки и люди загорают на броне. Видать жарковато фрицам, ну ничего, сейчас будет ещё жарче. Ага, вот вылезает последний жук, за ним поднятая пыль оседает на ковыляющую пехоту.

– Всем готовность номер один! Не подкачай, Андрюха! – через полминуты рявкает лейтенант.

– Не подкачаю!

– Ориентир первый, по головному, прямой выстрел под крест, бронбойным – огонь!! – гремит хриплый голос.

И вот приходит то ощущение азарта, куража и бесшабашной удачи. Вместе с ним накрывает каким-то ледяным спокойствием. Два чувства перехлестываются друг с другом, создают взрыв сверхновой – твёрдую решимость биться до конца и унести с собой как можно больше этих гадов. Оттянутая ручка ползуна сама вылетает из рук.

Грохот выстрела, пороховые газы и...

– *Е-Е-ЕСССТЬ!!!* – *я кричу вместе с бойцом.*

ПОПАДАНИЕ!!!

Да ещё какое попадание – монстр с крестом на боку загорается и разворачивается, блокирует проезд остальным. Николай тут же перезаряжает оружие и я, слегка подкорректировав пушку, выпускаю ползун из рук.

Попадание!!

Второй танк повторяет участь первого, и весь ряд захватчиков стекается к затору. Они не могут разобраться, что творится впереди.

– Перенеси огонь на хвост, Андрей! Закроем их здесь! – кричит Зиновий, не отрываясь от перископа.

Роденков опять на высоте – сбрасывает отработанную гильзу и четкими, выверенными движениями заряжает оружие «морской гранатой».

Меж тем фашисты прыгают в танки и захлопывают люки.

Догадались, стало быть. Молодцы какие!

Вот и последний танк, выстрел!!!

Пороховой дым рассеивается – недолёт. Ещё бы чуть-чуть влево.

– Давай, Николай!!!

Николай даёт, ещё как даёт...

Выстрел – попадание, но едет, зараза.

Выстрел – замирает, дымится.

Траки ещё пытаются сдвинуться с места, когда люди, как крысы с бегущего корабля, лезут из люков. А тем временем и фрицы подают голос... но в другую сторону.

Занимаются огнём снопы необранного сена. Они палят по стоящим стогам – думают, что мы прячемся там? Перезарядка и выстрел. Предпоследний загорается. Уф!

– Уф! – выдохнул я вместе с бойцом. Жар битвы коснулся и меня. Фильмы, литература, рассказы ветеранов – всё это пронеслось перед глазами и воплотилось в танковом бою.

– Пехота, не стрелять. Они нас не видят! – звучит крик Зиновия по отношению к поддержке.

– Добро, командир, покуда перекурим! – отшучиваются снаружи.

Нет страха, нет сковывающего ужаса – мы знаем, куда идём и за что боремся. Как на ладони – два десятка несущих смерть машин, навозных жуков, блестящих панцирями на солнце.

Никто их не звал, пришли сами, оккупанты ху...

– Ловушка захлопнулась! Они твои, Андрюха!!! – прерывает мои размышления Зиновий.

Ещё один выстрел, грохот больно ударяет по ушам. Наушники шлема сгладили звук, но не до конца. Дула запертых танков разворачиваются в нашу сторону. Вылезшие из горящих танков немцы, как горох, катятся с дамбы, но бойцы из поддержки встречают их шквальным огнем.

– Огонь! Ребята, жгите чертей! – сквозь стрёкот выстрелов доносится снаружи.

Дальнейшее смешивается в один лязгающий, грохочущий, взрывающийся ад. Мы стреляем, выводим танки противника из строя, в нас палят, но не могут пробить. Окарины от попаданий летят в лицо, от грохота ударов по броне из ушей течет кровь. Пороховые газы не дают дышать. Сбивают перископ, Зиновий едва не в слепую отдает команды.

Так вот как выглядит пекло...

Опять и опять выстрелы, Николай без усталости перезаряжает. Живыми нас не отпустят, но мы и не собираемся сдаваться. До успеха ещё немного, ещё чуть-чуть.

– Пушку притащили? По пушке прямой наводкой – ннна! Ещё? На!!

Время теряет смысл, важно лишь расстояние и точность. Залп за залпом, залп за залпом, залп за залпом. За Родину, за родных, за мир!!!

– А-А-А! – кричу я вместе с бойцом.

В один момент всё стихает. Взрывов нет, остаётся дребез-

жащий треск автоматов. Немцы отступают, но колонна остаётся на дамбе. Черная, горящая, разбитая.

Двадцать два танка, двадцать две коробки на гусеницах. Недавно такие грозные и смертоносные, машины превращаются в кучу бесполезного металла. Словно колонну жуков травят дустом, и кто-то огромный поджигает замершую цепочку.

– Хорошо горят, товарищ комбат! – сквозь вату в ушах пробивается голос Зиновия, он телефонирует по станции.

Глянул на часы, ого! Полчаса как одна минута. Автоматная стрельба стихает.

– Молодцы! Забираем охранку и поехали в другой окоп, дальше тут смысла нет оставаться. Пять минут перекур и двигаем, – командует Колобанов.

– Зиновий, двадцать два танка! Тянет на орден! – доносится голос Павла.

– Ну да, живыми бы остаться и то ладно, а потом уже и о медалях подумаем. Тем более, что мне вряд ли финскую забудут, – горько усмехается Колобанов.

Я принял участие в таком событии... Кому рассказать – не поверят же...

Мы аккуратнo вылезаем, с трудом открываются люки. С докладом подлетает лейтенант из поддержки. Пехота тоже изрядно потрепана, лица измазаны, многие занимаются перевязкой. Ребятам здорово досталось, но к танку никого не подпустили.

Настоящие герои. Я закурываю и обращаю внимание на то, как трясутся руки. Нервишки, мать их.

– Сержант, – дергает меня за рукав пожилой боец, – пойдем чего покажу. Сколько лет живу, да не перестаю удивляться.

– Отец, мы поедem скоро.

– Да мы быстро, – и тянет меня за собой.

Я прохожу за бойцом сквозь кусты, через разлапистый ельник и оказываюсь на небольшой полянке. От увиденного зрелища у меня вырывается крепкое словцо.

Я тоже матюкнулся...

Посмотреть есть на что – на полянке в разных позах лежат полуобнаженные враги, те самые разведчики на мотоциклах. Разорванная черная форма сползает лохмотьями с окровавленных тел.

Не это привлекает мое внимание – неподалеку обнимают землю два необычных существа, похожие одновременно на волка и человека. Их изрешеченные пулями тела уродливо смотрятся среди ромашек и васильков.

– Глянь, у одного даже мотоциклетный шлем на башке остался, – и боец, не опуская ППШ, мотает головой в сторону лежащего тела.

Я подхожу посмотреть поближе. Оскаленная пасть, когтистые лапы, волосатое тело и свастика на повязке. Жуть.

И эта жуть сверкает на меня желтыми глазищами и ударяет огромной лапицей...

Едва успеваю отдернуть ногу, как по дергающемуся телу проходится автоматная очередь. Тварь хрипит и выгибается в смертельной судороге. На моих глазах: шерсть исчезает в коже, втягивается морда, укорачиваются зубы. Через несколько секунд вместо страшного монстра лежит обыкновенный человек, а по мускулистому телу пузырятся кровью пулевые отверстия.

– Не зевай, сержант! – гаркает пожилой воин, – А то не дождетсЯ мамка молодого бойца. Вот и остальные сперва такими же пугалами скалились, покуда мы их не расстреляли. Давай-ка под этих образин наложим растяжек, благо гранат вдосталь, да вон из-за той сосны и дернем. Не след подобной пакости валяться на земле русской.

– Ага, точно не след! – передо мной ещё маячат блики желтых глаз.

Значит, не только меня преследовали оборотни...

Боец вытаскивает из заплечной сумки связку «РГД-шек», пока взводятся пружины и закладываются капсулы, я рассматриваю последнее чудовище. Зубищами можно разгрызть траки у танка. Огромные лапы с мосластыми пальцами и блестящими черными когтями способны как раздирать живое тело, так и срывать пластины брони.

Что за страшные эксперименты творятся на задворках гестапо?

Боец подкладывает под каждое тело по гранате. Снаряды сверкают на солнце яркой «рубашкой». Двигается осторож-

но, дуло ППШ нацелено в голову очередной жертве. Я аккуратно привязываю к рукоятям бечевку и отдаю бойцу. Верчу в руках очередной снаряд, чтобы разглядеть необычную оболочку РГД. Ярким огнем горит малиновая проволока.

– Отец, так у тебя медяха намотана?

– Да, сынок, не впервой подобных гостей принимать. Случалось ранее встречаться! Медяхой не хряпнешь – глядь, а они уже как новенькие скачут. Аккуратно, не урони! Обидно будет на крайней подорваться, – боец подмигивает и граната ныряет под последнее существо. – Так, а теперича отходим до сосны.

– Меня-то, зачем позвал? Других мало?

– Чую в тебе кровь сильную, сейчас взорвем эту нечисть, да и расскажу кой-чаво.

Прилежно стравливая концы привязанной бечевы, мы отползаем до огромной, в три мужских обхвата, сосны.

– Закрой уши и открой рот, сынок! Иначе контузии не оберешься! Ну, с богом! Раз, два, три! – боец дергает к себе пучок веревок и падает рядом в сырой мох.

Автомат стучает о выступающий корень, я подтягиваю ноги к груди. И грохочет взрыв. Подхватывает воздушная волна и... я прикладываюсь спиной о твердую стену камеры.

Перед глазами вспыхивают слова:

Получено знание о заговоренной меди.

Получено третье задание:

Испытать навыки в реальном бою.

Глаза открываются, и передо мной возникает волосатая рука с выколотым восходом солнца. Заточка в руке прорывает матрац и лязгает о металлические трубы шконки. Она соскальзывает со спрятанного на груди медальона и пропарывает одежду...

Побег

Я изо всех сил бью ногой по роже владельца заточки, пока тот не успел ударить ещё раз. Жмырь отлетает назад. Широкая столешница принимает на себя зека. Шаткие ножки подламываются и на неудачливого убийцу падают тарелки, ложки, кружки. Обедавшие сокамерники с матом отскакивают от сломанного стола.

– Что за дела? – я спрыгиваю с койки.

Из-под обломков стола вылезает «почтальон». Мне на миг чудится, что у него удлинился левый клык, высунулся из разбитых губ.

Клык?

Зуб тут же исчезает. Да нет, не может быть. Я списываю это видение на остатки сна.

– Я же говорил, что он подсадной! Смотрите, честные сидельцы, как пот с него краску смыл! – Жмырь вытирает кровавые сопли и указывает на меня.

Я провожу рукой по лицу – боли от вчерашних побоев нет. Также, как и в больнице, за ночь зажили синяки и ссадины. На руке темнеют чешуйки почерневшей крови, какие остаются после расчёсывания затянувшейся раны.

– А ведь и точно! Где твои фонари, паря? – Черный внимательно разглядывает меня.

Я подскакиваю к висевшему осколку зеркала. На меня

смотрит обычный двадцатилетний парень, скуластое лицо обрамляет подросшая мягкая щетина. Никаких намеков на синяки и ссадины.

– Не знаю, что со мной происходит! Поверьте – сам в шоке, но я не подсадной и никогда не работал на милицию! – я поднимаю руки. – Я же умывался! И ничего не смывалось.

Может, поверят и успокоятся? Почему-то вспоминается эпизод на полянке – там тоже не поверили. И зря я про умывание сказал, прозвучало как оправдание.

– Вали утку! – бросает Черный.

Задержанные поднимаются с мест. Угрюмые лица не предвещают ничего хорошего. У двоих руки спрятаны за спиной. Подходят явно не с конфетами.

Опять? Да сколько же можно?

Я прижимаюсь спиной к холодной двери. Хмурые лица приближаются, доказывать что-то бесполезно. Руки сами поднимаются до уровня плеча, кого смогу – заберу с собой. Отчаяние придает сил. В теле играет веселая злость, от вчерашней боли не остается и следа. Страх нет, терять нечего.

Кто первый? Ну, кто рискнет?

«Когда спасаешь свою жизнь – бей первым! В этом половина успеха!» – так говорил наш тренер по рукопашному бою.

От удачного удара отлетает Киргиз, цепляет по дороге ещё троих. Камера не располагает к нападению скопом, а поочередно подходящим изрядно достанется. Я не собираюсь

так просто сдаваться.

Ну, следующий!

Жмырь прыгает ко мне. И снова краснеет воздух, словно я нацепил очки с цветными стеклами. Движения замедляются, как в милицейской машине. Ко мне летит кулак, но так медленно, что я успеваю рассмотреть синие перстни на волосатых пальцах. Отбив в сторону руку Жмыря, я со всего маху бью лбом по переносице, в точку, где срослись мохнатые брови.

И снова вижу выросший клык! На сон списать не получится – острым кончиком зуб упирается в щетину на подбородке.

Оборотень? Получай!

Как в замедленной съемке разлетаются красные брызги. Жмыря относит обратно к обломкам стола. Я попал точно в разбитый нос, под костяшками ощутимо что-то хрустнуло. Наваждение замедленного времени спадает резко, словно кто-то щелкнул выключателем.

Только что заключенные двигались как просыпающиеся весной мухи, медленно открывались рты и поднимались кулаки, и тут окружающая реальность меняется. Плывущий по воздуху Жмырь падает снова на разбитый стол.

Зеков швыряет ко мне. Ещё двое отлетают прочь, когда в мой живот вонзается чья-то нога...

Перехватывает дыхание. Не падать – держаться!

Пропускаю удар в челюсть, шипение матюков сливается в

накатывающий рокот прибора.

Левой, левой, правой!

Ободрал костяшки о зубы! Плевать! Кто следующий?

За спиной грохочет удар в дверь. Заключенные застывают, а злобное шипение обрывается. Я облегченно выдыхаю. Неужели фортуна повернулась ко мне грудью пятого размера? Скрипучая дверь резко открывается.

Перед окончательным открытием вспыхивает очередная надпись:

Выполнено третье задание.

Испытаны приобретенные навыки в реальном бою.

Получено замедление ритма боя.

В коридоре расстегивает кобуру незнакомый охранник. Крупная фигура в синеватом камуфляже почти полностью закрывает дверной проем. Надзиратель хмуро заглядывает в камеру, моментально оценивает обстановку. Колючий взгляд останавливается на мне.

– А, ты уже здесь! С вещами на выход! – командует охранник в мою сторону.

– Лихо ты утку вызволяешь, раньше хоть позабавиться давал, – шмыгает разбитым носом Жмырь.

– Какую утку? – удивляется охранник. – Обычного первохода от подсадного не можете отличить? Совсем нюх потерял, Черный?

– Не баклань, Сергеич, – Черный поднимается со шконки. – На рыло его посмотри, вчера синего приволокли, а се-

годня?

– Восстанавливается быстро, – ворчит охранник. – Не шуршите понапрасну, бродяги. Уходит он. Давай, шустрой собирайся! А будете возникать, то обещаю, что шмонами замучаю. Да и к стукачам начну прислушиваться.

Заклученные следят, как я скатываю порванный матрац. Заточку, невидимую со стороны охранника, я прячу в рукав. Черный прищурился, глядя на мои действия, но промолчал.

– Что с ним? – охранник кивает на запрокинувшего голову Жмыря.

– Со шконки навернулся, – за всех отвечает Черный. – Видать приснилось, как в прорубь на воле ныряет.

Заклученные напряженно улыбаются, Жмырь хочет что-то сказать, но под взглядом Черного сдерживается.

– Ага, ныряй почаще, глядишь и ума немного воткнется, – ворчит Сергеич.

– Всех благ по жизни и скорейшего освобождения, может, ещё свидимся! – я останавливаюсь на пороге, вспомнив, как это делали в фильмах.

Если с вещами, то вряд ли вернусь. Но не могу отказать себе в маленьком удовольствии поддразнить тех, кто недавно хотел меня побить.

– Шуруй быстрее, вежливый ты мой! – жесткая ладонь охранника шлепает между лопаток.

Я чуть не ныряю носом в плитку и пробегаю несколько метров, пока не восстанавливается равновесие. В спину до-

носятся оголтелый ржач и улюлюкание. Видимо, Сергеича в камере уважали. А вот меня не очень.

– Лицом к стене!

Я выпрямляюсь на окрик.

Звуки ключа в замке режут слух, пока я рассматриваю стену. По масляной краске молниями скользят трещинки, внизу отколоты небольшие кусочки и стыдливо открывают серую штукатурку. Очень не хочу сюда возвращаться, но что ждет дальше?

Уползай, малыш, уползай!

– Вперед! – кнутом хлещет резкая команда.

Подошвы шуршат по плиткам, из рукава чуть не выпадает заточка. Накатывает волна оторопи – а если вывалится, то прощай почки? Я делаю вид, что поправляю тяжелую скатку, и засовываю нагревшуюся сталь глубже внутрь рукава.

– Малой, иди быстрее. Нужно выйти до прихода начальства, – шепчет подошедший охранник.

Почему охранник шепчет?

Я оборачиваюсь, но он холодно подает команду двигаться дальше, на безучастном лице не дергается ни один мускул. Глубоко внутри шевельнулась почти умершая надежда... Неужели? Так утопающий хватается за соломинку, как я хватаюсь за этот шепот.

Мы проделываем обратный путь. Охранники на выходах здороваются с Сергеичем, окидывают меня подозрительным взглядом, но крепкие двери отпираются. Заминка происхо-

дит на выдаче одежды.

– Едем на очную ставку, забери одёжу и отдай прежнюю! – командует Сергеич охраннику-каптеру.

– Подожди, но как же Владимир Александрович? Он за такое по головке не погладит, – охранник мотает головой.

– Ты его головку будешь гладить, если сейчас не выдашь. Голубев велел привезти в Шую на место происшествия или тебе его личное присутствие нужно? Так я сейчас позвоню и вызову! Можешь сходу писать рапорт! – каждое слово Сергеича прессом раскатывает охранника по стеллажу.

– Ладно-ладно, хорош угрожать. Чего ты так, Сергеич? Надо, так надо, – охранник уходит и вскоре возвращается с моей одеждой.

Я быстро переодеваюсь, заточку удаётся незаметно спрятать в кроссовку. Холодное лезвие впивается жестким ребром в край ступни.

– Долго ты ещё возиться будешь? – бурчит Сергеич. – Как баба собираешься!

– Всё-всё, я готов, – я выпрямляюсь и одергиваю куртку.

– Покеда! Шмотки далеко не убирай, авось ещё вернется, – Сергеич смотрит на охранника и подталкивает меня к выходу.

Выходим в промозглый серый день, но даже свет от низкого неба кажется ярким после тусклой камерной лампочки. Четырехэтажное здание удаляется по мере приближения к КПП. В лужах отражаются стальные ворота, увитый колюч-

кой забор опоясывает территорию. За забором кипит жизнь, тут же она делает остановку.

Всего одна ночь, а как сдвинулось сознание. Всё готов отдать и рассказать милиции – лишь бы не возвращаться обратно. Вряд ли меня ждут в камере с распростертыми объятиями.

На КПП Сергеич достаёт из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок и передает за зарешеченное стекло.

– Чё без наручников? – интересуется опухшее лицо за стеклом.

– Да куда он денется? – в ответ спрашивает Сергеич. – Даже дерзкий джигит с простреленными ногами далеко не убежит.

Пухлый охранник улыбается дежурной шутке и отдает листок обратно.

На выходе рычит заведенный милицейский «уазик». За рулем сидит крепкий парень в камуфляже, короткий ежик русых волос приветственно кивает моему провожатому. Я ныряю на заднее сиденье, громко хлопает дверца, с другой стороны залезает Сергеич.

– Здорово, Сань! – я поворачиваюсь к охраннику, но оказалось, что Сергеич обращается к водителю. – Давай по дороге заскочим ещё за сигаретами.

– Здоров, Сергеич! Вроде есть пока, угощайся, – водитель протягивает назад полупустую пачку «Примы».

– Сам травись такой гадостью, я же от «Балканки» не от-

ступлюсь. А ты, дружок, сиди тихо и не дергайся, тогда и доедем мирно, без лишних болевых телодвижений, – Сергеич кладет мне на плечи не руку, а железнодорожный рельс.

Сквозь ткань камуфляжа ощущаются тугие мышцы, словно руку сплели из канатов. Водитель окидывает меня взглядом, хмыкает, и машина резво трогается с места.

Саня ведет умело, ловко маневрирует в потоке неспешно ползущих машин. Пару раз подрезал, но возмущенных сигналов не последовало – люди предпочитали не связываться с ментами. Однако в запыленном зеркале заднего вида виднелись сомкнутые губы и нахмуренные брови «подрезанных» автовладельцев.

Охранник и водитель переговариваются о быте. Санек жалуется на жену, пилящую из-за маленькой зарплаты, Сергеич сочувственно вздыхает. Видно, что не первый день знакомы и подобные перевозки для них не в новинку. До Кохмы мы долетаем за пятнадцать минут, и Санек притормаживает у «единственного магазина, где продавались нормальные сигареты».

– Сань, купи сразу блок, чтоб постоянно не мотаться! – Сергеич протягивает через сиденье пятисотенную купюру.

– Океюшки, Сергеич, тогда машину глушить не буду. Слушайте радио, – водитель залихватски натягивает форменную кепку и выскакивает на улицу.

Охранник ждет, пока захлопнется дверь магазинчика и наклоняется ко мне.

– За пятиэтажкой будет стоять машина. Забегаешь, ложишься на пол и не дышишь. Передавай Иванычу, что мы с ним в расчете. Дергай, пока Сашка не вернулся! – скороговоркой выпаливает Сергеич, а после меня от тычка выносит из машины.

Из лужи в разные стороны прыскают воробьи, когда я приземляюсь в рябившую под ветром гладь. Обернувшись на Сергеича (даже имени его не спросил), вижу, как тот широкой ладонью прихлопывает ноздреватый нос. По салону машины разлетаются алые брызги, охранник картинно откидывается на спину. Прямо подстреленный бандит из фильма про девяностые.

– Беги, – шипит Сергеич и обморочно закатывает глаза.

– Уби-и-или!

Я тут же срываюсь к указанному дому. Истошно верещит какая-то бабка, которая подошла к магазину и рассмотрела в открытую дверь окровавленного охранника.

Крик подстегивает сильнее допинга и вливает дополнительные силы. Я лечу по мокрой земле. Чавкает осенняя грязь, фонтанами взлетают мутно-серые капли. Кирпичный угол дома приближается звериными скачками.

Я почти завернул за него, когда раздается выстрел, и что-то мелкое врезается в стену, выбив кирпичную крошку. Смертоносный кусочек металла с визгом уносится дальше, по плечу колотят рыже-коричневые дробинки кирпича. Ожидание повторного выстрела заставляет пригнуться.

Мокрые кусты шиповника скрывают ветвями от стрелка.

Открывает обычный двор. Пара скамеек, натянутые веревки со стираной одеждой, песочница и пара шин вместо клумб. Чем-то знакомая темно-зеленая «буханка» притаилась под липой. Мужская фигура находится за рулем. Облупленная ручка царапает ладонь, салон встречает запахом рыбы и лежалой резины. Волосы слипаются и закрывают глаза, я откидываю их и спотыкаюсь об углубление в полу.

Дверь тут же захлопывается, знакомый голос командует:
– На пол и не дышать!

Я ужом соскальзываю в металлическую выемку, сверху шуршит брезентовый полог. Углубление не приспособлено под человеческое тело – в бока упирается холодный металл. Я притихаю и действительно задерживаю дыхание. Крики и шум бегущих ног приближаются к машине.

Распахивает железная дверь и гремит запыхавшийся голос:

– Слышь, куда этот ублюдок сквозанул?

– Вон туда, через забор ушел.

– Чего везешь?

– Ничего, все пусто. Сам видишь. Мы за грибами собираемся. Сейчас знакомый выйдет и поедет.

Скрип сиденья – преследователь оглядывает нутро «буханки». Наконец, дверь захлопывается, и рассыпается частая дробь удаляющегося бега. Фух! Я не могу поверить своему счастью!

Неужели свободен?

Ровно урчит мотор, вибрируют стенки убежища. Грубый полог полностью скрывает выемку в полу, но мешает доступу воздуха. Слышатся тяжелые шаги, шелкает открывшаяся дверь, и крикает сиденье, принимая вес нового пассажира.

– Поехали! – командует грубый, как наждачная бумага, голос.

Переваливаясь на ухабах, машина медленно выезжает со двора. В шум мотора вклиниваются мужские голоса и женское аханье – мы проезжаем мимо «УАЗика». Слышится зычный баритон «очухавшегося» Сергича, он по радиации вызывает подкрепление.

Машину трясет, на ямах особенно сильно впиваются в спину камешки на дне.

– Дышать-то можно? – спрашиваю я из-под полога.

– Через раз и только ртом! – хохотнул водитель.

Через плотный брезент, за урчанием мотора, за шорохом покрывшей, мне все-таки удается разобрать, кто говорил.

Евгений! Женька!

Неужели кинулся выручать друга? Да и второй голос показался знакомым. Никак сам Иваныч помогает? Вот это да!

Полчаса мы едем без разговоров. Мелодии попсы льются из радио, шумит пролетающая дорога, резко отзываются всплески луж и редкие наплывы моторов встречных автомобилей.

Машина понемногу сбавляет скорость. Начинает актив-

нее покачивать из стороны в сторону – съезжаем на проселочную дорогу? Чихнув выхлопом, "буханка" останавливается, пару раз дергается при торможении.

Хлопает пассажирская дверь и наконец-то распаивается душный полог.

– Вылазь, шпиён! – произносит Иваныч.

Кучерявые волосы шевелятся под напором ветра, в угрюмых глазах проскальзывают искорки веселья.

– Ну, наконец-то, думал не доеду, – я улыбаюсь в ответ.

За рулем скалитесь Евгений – пригодилась «буханка» отца. Как заядлый рыбак, тот не прочь поставить сеточку-другую в запрещенных местах, а от рыбнадзора прятал добычу в специальном контейнере-выемке. Эх, сейчас я готов за такую браконьерскую смекалку обнять и Евгения и его отца.

Тело затекло, и ещё минуты три я растираю онемевшие конечности. Уже потом пожимаю руку Михаилу Ивановичу, и не получается удержаться от гримасы, когда ладонь сдавливают стальные тиски.

С Евгением поздоровались «по-братски», от души. Вроде бы всё в порядке, но... Да уж, бланш у него на лице был здоровенный.

– На чей кулак упал? – спрашиваю я, глядя на фиолетовый синяк.

Эпицентр фингала отмечается на правом глазу, дальше расплываются цвета радуги. Похоже, Евгений попал под копыто взбесившегося быка, или же боднул с разгона грузовик.

– В ментовке поскользнулся на четвертом этаже, а остановился на первом, и так три раза. Хорошо ещё, что глаз не вытек, – усмехается Евгений.

Громко каркают вороны, кружатся над машиной, что потревожила покой. В отдалении от основной дороги, на нырнувшей в лес проселочной накатке, "буханка" практически сливается с придорожным ивняком.

– Как топталось, зэчара? – Евгений улыбается во все тридцать три зуба.

– Нормально, снова хотели убить. К этому состоянию как-то начал привыкать. Ты-то как выбрался?

– А за что меня задерживать? Посадили под домашний арест без права выезда, каждый день отмечаюсь у участкового. Спасибо дядьке-майору, а то до сих пор сидел бы в одиночке. Одолели, аж сил нет. Но вот за тебя взялись серьезно! Дядька руками разводит, говорит, что сделать ничего не может. Мол, и рад бы, да никак, – говорит Евгений.

– Я уже понял, что не скоро в техникум вернусь. Сергеич передал, что вы квиты? – я смотрю на Иваныча.

– Дочурку его травами да настоями выходил, когда эскулапы руками разводили, вот и отдал должок! – гудит Иваныч. – Ты как, размялся слегка?

– Вроде как да, – я пару раз взмахиваю руками.

Иголочки перестают втыкаться разъяренными пчелами. Тело ещё ноет, но терпеть можно.

– Ну, тогда залазь обратно, ещё до места добраться нуж-

но! Разговоры потом, сейчас не до них. На дороге возможны патрули, так что, Евгений, заделай дерюжку хорошенько! А ты лежи и задерживай дыхание на остановках! – после этих слов Иваныч залезает обратно на пассажирское сиденье.

– Залазь, рыбка моя! – Евгений подталкивает меня обратно к машине. – Смотри не протухни, а то выкину по дороге.

– Я те выкину! Не гони шибко, фиолетоволицый, не дрова везешь.

С этим фингалом Евгений похож на демона японских мультиков про короля обезьян. Я последний раз потягиваюсь до хруста, и укрытие распахивает металлические объятия.

– Чтобы собаки не учуяли! – перегнувшись через сиденье, Михаил Иванович брызгает дурно пахнущей жидкостью из небольшого баллончика.

– Может тебя вместо елочки на зеркальце повесить, ароматный ты наш? – шутит Евгений.

– Машину мой чаще, тогда и елочка не понадобится, – отвечаю я.

Евгений снова накрывает пологом и тщательно убирает твердые края под пороги. Для дыхания остается небольшое отверстие у сидений.

Начинается движение. Я замираю, когда машина притормаживает. Несколько раз машину останавливают, осматривают. Чувствую себя важной персоной, если подняли такие силы на поиски сбежавшего парня.

Качнувшись на рессорах, «буханка» в очередной раз оста-

навливается. Мое убежище раскрывается и, растирая онемевшее тело, я выбираюсь наружу. На крыльце небольшого деревенского дома, освещенного красными лучами уходящего солнца, на приехавшую троицу хмуро взирает родная тетка.

Вот это сюрприз! Тётя Маша должна быть в Юже, а мы куда приехали? Невысокие домики, дощатые заборы с кустами малины и полное отсутствие асфальта. Чем-то знакомая деревня...

Мугреево-Никольское!

И что же мы здесь делаем?

– Ребята, быстро в дом. Иваныч, покуда посиди в машине! – командует тётка. – Или сходи вон в новый храм Уара, там можно помолиться за умерших некрещеными.

Тетка мотает головой в сторону деревянного здания. Если смотреть на него с высоты птичьего полета, то покажется, что на земле лежит большой ровный крест. На маковке шпиля в свете солнца блестит небольшой купол.

– Некогда, Мария, в следующий раз. Да ты и сама можешь сходить туда, – басит Иваныч. – У охотников тоже есть за кого помолиться.

– Кто? – вытягивает шею тетя.

– Наталья. Трех с собой забрала, когда их в больнице останавливала. Я находился рядом, двоих осилил, но к ней не успел.

Тетя ахает, прикрыв рот ладошкой. Иваныч сочувственно

поджимает губы и кивает.

– Зато Сашка успел уйти, – Иваныч показывает глазами на меня.

– Неужто, Пастырь вернулся?

– Вряд ли, последняя кровь ещё жива.

Тетя тяжело вздыхает и покачивает головой.

– Хорошо, я сохраню Сашку.

Мы с Евгением озадаченно переглядываемся, не понимая – о чем идет речь. Похоже, что наше недоумение заметили.

– Да, ребят не задерживай особо. Кому-то ещё домой добраться! – Михаил Иванович кивает на Евгения.

– Тогда чего же мы стоим? Быстрее проходите, каждая минута на счету. Бывай, Иваныч. Береги себя! – тетя захлопывает калитку и связывает концы веревок с мешочками.

Иваныч угрюмо кидает взгляд на тетку и ухмыляется. Невысокий дощатый забор по внутреннему радиусу окружает толстая веревка со знакомыми красными мешочками. Такую же веревочку я видел у ребят в «Медвежьем».

– Теть Маш, так ты в курсе всего? – спрашиваю я, пока заходим в узкий коридор сеней.

Евгений заинтересованно оборачивается:

– В курсе чего? Меня просветите?

– Рано тебе ещё знать! Всею своё время... А ты, Сашок, пока прикрой рот и побереги нервы друга! – тетя открывает обитую полосатым матрасом дверь. – Проходите. Ты, сразу же мыться, а ты, парень, бери две корзинки и бегом в маши-

ну. Когда наступит время, тогда и наговоритесь.

Мы входим в небольшую прихожую, соприкасаемся плечами. По правую руку, за стеклом межкомнатной двери, светлеет просторная комната, слева же несутся ароматы из небольшой кухни. Горделиво возвышается русская печь. Рядом с побеленным боком желтеют лакированными стенками широкие корзины, наполненные до краев крупными грибами. Белые и подберезовики разбавляются шляпками подосиновиков.

– Ого, какие тяжелые! – Евгений присаживается у корзин и натывается на хмурый взгляд тети Маши. – Давай тогда, Сань. Попозже увидимся.

– Давай, Жень. Спасибо за помощь! – я обнимаю друга на прощание.

– Живо! Я провожу, а ты ступай в баню! Через сенцы направо, белье на скамейке. Ну, а ты чего встал? – тетка сухоньким кулачком толкает Евгения в бок.

Того выносит наружу. Тетка идет следом, я за ними. Наблюдаю, как сгорбившись под тяжестью корзин, выходит Евгений, а тётя Маша захлопывает дверь.

Сени проводят в большой дровяной чулан, где сквозь щели крыши пробиваются лучики заходящего солнца. В них пляшут пылинки, двигаются то вверх, то вниз, в зависимости от колебаний воздуха. Я толкаю обитую вагонкой дверь в стене чулана.

Сквозь маленькое окошко падает тусклый свет. На вере-

вочках горделиво висят дубовые, березовые, даже можжевеловые веники. В воздухе парит необыкновенный аромат. Ожидание чего-то хорошего, очищающего наполняет тело, даже мурашки проскакивают от ощущения скорой помывки.

Сбрасываю прочь пропахшую рыбой одежду – на невысокой скамейке ждет чистый джентльменский набор: трусы, майка, трико.

Открываю дверь в пышущее жаром банное помещение, навстречу летят клубы горячего влажного пара. Первый вдох слегка обжигает легкие. Влажный пар царит по всей маленькой парной, капельки пота выступают на краснеющей коже.

Присев на обжигающую скамью, я вдыхаю раскаленный воздух, чувствую, как тело покидает усталость, и на её место приходит умиротворение. Спрессованные мышцы понемногу расслабляются.

Слегка привыкнув к температуре, плечу на несколько булыжников, обложивших металлический дымоход. Шипит. К потемневшему потолку взлетают клубы пара, тут же жар хлещет по горячему телу. Волна блаженства накрывает с головой, и я вытягиваюсь на лавке, нагретое дерево обжигает живот. Почти физически ощущаю, как из меня выходит накопившаяся грязь. Довольно жмурюсь. Прокатываются расслабляющие волны жара. Дышать можно через раз, зато прочистился нос.

А-а-а-а!!!!

На пике блаженства, когда мышцы полностью расслаби-

лись, на меня выливается водопад ледяной воды. Я истошно ору, тут же слетаю с лавки и бросаюсь в угол. Успеваю стыдливо закрыть промежность руками.

Гайд по игре

– Да ладно, чего там не видела? Я же тебя маленького подмывала, – подкравшаяся тетка ставит кадуюшку на лавку. – Запомни, что нельзя расслабляться. Никогда нельзя. Даже когда будешь на жене и то одно ухо должно быть поднято. Это тебе первый урок, многому придется ещё научиться. А покуда ложись, попарю от души.

На тетке ночная рубашка до пола. Она, ничуть не смущаясь, выливает на освободившуюся скамью ковшик кипятка и кивает головой. Я покорно ложусь – стыдно-то как...

– Да я сам смогу попариться! Чего водой-то плескаться? Можно же и словами объяснить.

– Словами бы понял, но вскоре запомнил, а такое вряд ли когда забудешь. Да и сам не сможешь нормально попариться – жалко себя будет. Ложись, говорю, не брыкайся! Венник жесткий, как и твоё будущее обучение, так что готовься, – тетя Маша вытаскивает из запарочной кадуюшки связку еловых лап.

– Лучше березовым или дубовым! Может не надо еловым-то?

– Надо, Федя, надо! Держись теперь.

Хлясть, хлясть, хлясть...

С оттягом, с прихлестыванием, с нагнетанием пара.

Хлясть, хлясть, хлясть...

По всему телу бегут мириады иголочек, кожа скрипит под ударами веток.

Хлясть, хлясть, хлясть...

Водопады воды, волны жара, запах ели... Расслабление раскатывается по телу, глаза сами собой закрываются, скамейка улетает в бездонное небо, а вместе с ней улетаю и я...

– Да ты никак поплыл, милай? Совсем в душах да ваннных ослаб? Иди тогда в предбанник – хлебни кваску, да в избу ступай. Чайник поставь, я покуда тоже сполоснусь, – тетя выливает ковшик на камни, густой пар гейзером бьет в потолок.

Действительно, в голове царит такая же пустота, как в бескрайнем синем небе. Слегка пошатываясь, я выбираюсь из парной. Осенний промозглый воздух приятно окутывает распаренное тело – клубами валит пар от покрасневшей кожи.

Банка с холодным квасом блестит возле чистой одежды. Я аккуратно поднимаю, чтоб не выскользнула из мокрых рук, и отхлебываю ядреный настой. В голове появляются далекие отзвуки мыслей, легкая музыка и пересвист канареек. За дверью раздаются хлесткие удары веника, и шипит подливаемая вода. Пусть её, завязтую банщицу, а я, пошатываясь, отправлюсь в дом. О многом надо бы подумать, но голова как пустой бочонок – ни одной мысли.

Чайник урчит на плите сытым, обласканным котом. Я оглядываюсь по сторонам, вытираю капли набежавшего пота. В небольшой кухоньке спартанская обстановка: несколь-

ко тяжелых табуреток, тонконогий стол под синей клеенкой, плита на две конфорки и старенький кухонный комод. На широком печном шестке подбоченились горшки, сковороды. Словно худой охранник возле них красуется рогатый ухват.

На столе под полотенцем хвастаются румяными боками ещё теплые пироги. Горшочек с медом, банка малинового варенья и кринка молока добавляют красочности натюрморту. Я остываю, по телу катятся крупные капли.

Классно!

Словно всю грязь скребком счистили, как снаружи, так и изнутри.

– Фуух, ну и хорошо же! Чайник готов? Отлично! – тетя врывается красным ураганом.

Банный халат, тюрбан из полотенца, лицо – всё агрессивного алого цвета. Тетя уже входит в ту возрастную пору, когда садятся на скамеечки у подъездов и обсуждают проходящих мимо людей. Только сейчас она будет обсуждать оборотней... Я разливаю по кружкам ароматы полей, пока тетя усаживается напротив.

– Сперва поедим, а после расскажу – что и как. В сказках же всегда молодца сначала парят, затем кормят и поят. Хотя, там спать укладывают, но это подождет, – тетя Маша вытягивает румяный пирог.

Я следую примеру. Сдоба с луком и яйцом восхитительно хрустит корочкой, чай отдает луговыми травами, на душу ложится тихое блаженство. Словно и не было погони,

убийств и бегства. Отходили на второй план оборотни, заключенные, милиция. Спокойная, твердая уверенность тет-ки распространяется на меня.

– Поел? Или ещё достать? – на широком блюде не оста-лось даже крошки.

– Нее, нормально. Спасибо за пироги, вкуснее никогда не ел, – резинка от трико слегка впивается в отяжелевшее пузо.

– Ага, каждый раз так говоришь, – улыбается тетка и уби-рает со стола.

– И каждый раз – чистая правда!

– Это хорошо, что так думаешь. А теперь, добрый мо-лодец, когда попарился-покушал, сиди и внимательно слу-шай! – тетка усаживается на покряхтывающий табурет.

Я весь обращаюсь в слух. Столько вопросов накопилось, столько событий произошло за последнюю неделю, что мозг может взорваться, если не услышит объяснения случивше-муся.

– Познакомимся, Александр. Меня зовут Мария. Я знаю, что ты вошел в игру «Война кланов» и рада, что мне выпала честь обучить тебя и рассказать об основных аспектах. Я являюсь одним из старейших охотников, – увидев мое непо-нимающее лицо, тётя тут же объясняет. – Это группа людей, которые занимаются охотой на перевертышей. Так повелось издревле, что мы сдерживаем наступление оборотней на че-ловечество.

– Тетя, что это за игра? Почему после неё я такое вижу?

– Когда-то давным-давно богам стало скучно, и они решили сыграть в игру. Их было трое: Перун, Велес и третий, которого все знают по имени Егорий, а позже переименовали в Георгия Победоносца. Тогда они были ещё молоды, азартны... глупы. Тогда они и создали три расы, чтобы увидеть – кто сильнее, и кто сможет править миром. Перун управлял людьми, Велес – берендеями, а Егорий – перевертнями. Много тогда людей и оборотней полегло, но всё-таки верх взяли люди. Они начали главенствовать на Земле. Вскоре богам эта игра наскучила, и они отвернулись от неё, чтобы заняться другими делами. Однако, сама игра, как творение божественных сил, никуда не пропала и вплетает в свои сети игроков и по сей день.

– То есть, до сих пор игра продолжается? Но я вставил катридж в приставку, а как же ты...

– А мне попалась доска для игры в тавлеи с вырезанными мордами животных и лицом человеческим, – увидев мой непонимающий взгляд, тетка пояснила. – Это что-то вроде шахмат, но интереснее и необычнее. Как-нибудь научу играть. Так вот, однажды я села играть в тавлеи со своим милым дружкой, а потом словно наяву увидела, как в снежном поле сошлись два оборотня и мужчина великого роста...

– Да-да, я это тоже видел, но думал, что заставка такая.

– Заставка, – горько вздохнула тетка. – Нет, это не заставка. Ведь не только я это увидела, но и мой дружок, который обернулся волком, да и выскочил в окно, чтобы ненароком

меня не поранить. А меня потом отыскал старик-охотник и объяснил правила игры. И рассказал, что кончится она только тогда, когда дитя триединства закончит свой путь там, где всё началось.

– Дитя триединства?

– Не спрашивай, я до сих пор не знаю, о ком тогда говорил старик. Да и он сам не знал. Сейчас же мы, охотники, просто наблюдаем за оборотнями и не даем им превысить установленный веками лимит. Ждем окончания игры, в которую входят другие люди, со стороны.

– Мне что-то похожее говорили Вячеслав с Федором. Мол, они являются наблюдателями за перемещениями и пополнением рядов оборотней, – я согласно киваю.

– Эти берульки? Они и не такое в уши зальют, только слушай. Тоже оборотни, но перекидываются не в волков, а в медведей. Иваныч у них за старшего, – усмехается тетя. – Они, небось, наговорили, что вершат по всему миру добро и справедливость?

– Ага! Но какой им смысл меня обманывать? Они мне так расписывали про свое обучение и предназначение... Я же им поверил!

Тетка хихикает, прикрыв ладошкой губы. Глаза сверкают молодостью и задором. Я знал, что ей шестьдесят два года, но правдив ли этот возраст, если она сейчас раскрывает мне новую жизнь? А старая жизнь вся насквозь пропитана ложью?

– Оба молоды и неопытны. Не знали, что ты за человек –

вот и наплели с три короба. Иваныч же – старый и тертый берендей, тот сразу тебя узнал, да виду не подал.

– А чой-то ты с ним так неласково?

– Он знает, что я охочусь на оборотней, и я знаю, что он может накинуться на меня, когда придет пора безумия. Поэтому между нами особой любви никогда и не было. Запомни – не приглашай оборотня в дом, он непременно оставит метку и может вернуться в зверином обличье! Пойми, Александр, оборотни не могут быть хорошими или плохими. Они иные, а значит зло для людей. Что оборотню позавтракать, то человеку лютая смерть. Хотя Иваныч со своими берульками и держат живность для пищи, но неизвестно – когда звериная природа возьмет верх, и они перекинутся на людей, – тетя бросает взгляд в окно, над линией леса сгущаются сумерки. – Твой отец тоже немало крови попортил берендеевскому племени.

– Мой отец? Они с мамой совсем недавно виделись. В кошмаре с оборотнями.

– Значит, родовая память восстанавливается. Голоса в голове слышал?

– Слышал, это кто такой болтал?

– Это боги между собой иногда переговариваются. Ты слышал голос Перуна-батюшки.

– Родовая память? Что это?

– Каждый твой сон – это отдельный кусок из жизни другого охотника. Сны несут какую-либо информацию, поэтому

постарайся запомнить и прочувствовать.

– Я видел, как мать несла меня по лесу и прятала под корнями сосны, а я пытался поговорить с тем самым малышом...

– Твоих родителей выследили оборотни. Не знаю как, но тебе удалось спастись. Ты лежал без сознания недалеко от дороги. Цел и невредим, всего лишь с небольшими царапинами на боку. Люди тогда списали всё на забредших волков. Я после пыталась всё разведать по-своему, но там всё затоптали. Следы не чувствовались.

– Но ты же говорила, что они погибли в автокатастрофе? – подо мной пошатывается табуретка.

– Я думала, что тебя минует участь охотников – проживешь человеческую жизнь, но судьба решила иначе. Твой отец был лучшим охотником. Давным-давно я забрала из детского дома двух мальчишек с зачатками бойцов, Александра и Владимира. Выучила их таинствам охоты, также буду обучать и тебя. На одной из охот Владимир познакомился с твоей матерью. Целью тогда являлся депутат Харьковской области. Кровавый счет у того изверга измерялся не десятками, но сотнями. На охоте убили Александра – охрана у депутата была подобна войску, но охотники всё же смогли уничтожить кровавого монстра.

– Отец познакомился с матерью на охоте?

– Да, её наметили в жертву оборотню. Охотники смогли пробраться вовнутрь и нашли Ольгу. Владимир ушел с де-

вушкой, а Александр остался их прикрывать, да так и не выбрался из особняка. Позже Ольга и Владимир поженились. Много прошло охот, когда появился ты, – тетя часто моргает, словно в глаза попала соринка.

– Чудные вещи ты рассказываешь! Вроде жил и ничего не знал, а тут такие чудеса творятся, как же я раньше не замечал ничего сверхъестественного? – голова кружится от выплеснутой информации, табуретка начинает медленное вращение вокруг своей оси.

Пришлось встряхнуться, чтобы прийти в себя.

– Ты и дальше жил бы своей жизнью, но судьба выбрала тебя в очередные игроки. После последней, самой большой охоты, Владимир отошел от игры, да игра не отошла от него. На вашу семью началась охота. Ты и не вспомнишь долгие переезды с места на место, – тетя Маша промокает глаза расшитым полотенцем.

– Теть, мне постоянно попадался на пути следователь Голубев. Он что, тоже из этих, из перевертней? – нужно как-то отвлечь тетю от плохих воспоминаний.

– Не знаю, сейчас многие оборотни находятся у власти. Ведь когда у тебя власть – можешь творить что хочешь. Оборотни в этом году впервые так активизировались, причем перевертни нападают как на людей, так и на берендеев, – тетя ещё раз проходит по глазам краем полотенца.

– Жесть! А как же так происходит, что люди живут рядом и не видят очевидных вещей?

– А ты знаешь, как зовут соседа по общаге парой этажей ниже? Вот то-то и оно, люди предпочитают не замечать того, что не нужно. Или уговаривают себя, что показалось. Сейчас в мире большое количество войн, разрухи – самое поле для разгула оборотней. Человечество понемногу сдает позиции, и перевертни занимают всё больше места на Земле. В игре потихоньку наступает перелом, и мы ничего с этим не можем поделать. Наша община уменьшилась наполовину, кто-то уничтожает охотников одного за другим.

На полах красного халата яростно сжимаются сухонькие кулачки. Кожа на руках разгладилась, костяшки побелели, суставы выперли острыми краями. Тетя Маша, всегда такая добрая и понятливая, сейчас же раздражается с каждым словом. Нужно слегка успокоить.

– Теть Маш, а как же ты живешь, зная, что Иваныч с ребятами в любую секунду сорвутся и дел натворят? Может их как-нибудь обезоружить?

– Александр, а как ты живешь, зная, что кто-то держит руку на ядерной кнопке, и в любой момент способен уничтожить Землю? Пока не сорвались и никого не укусили – имеют право на существование. Стоит сойти с верного пути и вот тогда за ними начнется охота. Лишь несколько капель человеческой крови попадет им на язык и всё – они будут мечтать о человечине... Существует несколько дней, когда они перекидываются и не могут контролировать себя. В таких случаях спасает только охранка, по типу той, какую ты

видел на моём заборе. Да и у Иваныча мог заметить. Не могут они через неё перейти...

– Поэтому они вокруг дома натягивают охранную веревку? Кстати, а что в мешочках? – через окно я посмотрел на красные кулечки, что постукивали о забор под ударами ветра.

С каждым морганием всё труднее поднимаются веки.

– Это я им натянула, – говорит тётя. – Малый Защитный круг. И они не в силах снять или порвать веревку. Даже на палке ножик привязывали, стреляли в нее. Не могут и все тут, валятся с ног в судорогах. Зверобой в тех мешочках – для оборотней хуже горькой редьки, да ещё медная заговорёнка в бечеву введена. Иваныч сам попросил замкнуть веревку, и ребят не выпускает раньше времени – пока не научатся контролировать себя. Соседка Григорьевна им помогает. Любопытная женщина, но о веревке мало спрашивает. Думает, что я колдунья и своих мужиков от сглазов охраняю.

– Как можно уничтожить оборотня? – я почти поднимаю руками веки, настолько тяжелы они и неповоротливы.

– Ладно, добрый молодец! Начнем обучение этому завтра. Сейчас же спать ложись. Утро вечера мудренее, – тетя поднимается из-за стола и показывает на небольшую комнатку за печкой.

– А что это за дом? И почему мы не в твоей квартире?

– Спать! Я не буду в третий раз повторять, за меня это сделает сковородка! – прикрикивает тетка в ответ.

Голова тяжелеет от дум, услышанное никак не хочет улечься и подвергнуться объяснению. С трудом мозаика собирается в общую картину. Но каких-то кусков упорно не хватает.

Кровать с шишечками в изголовье манит белизной белья, широкие подушки приглашают утонуть в пуховом облаке. С головой накрывает лоскутное одеяло, толстое и такое тёплое.

Я засыпаю, в голове тяжело проползают не успевшие умониться мысли, но все завтра. Сквозь усиливающуюся дремоту слышится звяканье посуды, легкие теткинны шаги. Тягучее блаженство разливается по телу, каждая клеточка млеет от удовольствия, мелькают цветные образы перед глазами.

И снова я в чьем-то теле...

– Митька, подлец! Где второй сапог? Запорю, мерзавец!

Приходит новый день. Залихватски-задорно звучит утреннее приветствие.

Снова приходит заставка с оборотнями? Слишком уж часто я их начал видеть...

Раскатистый бас не успевает утихнуть, как в дверь ухаёт тяжелый предмет. Хорошая табуретка, добротная – не сломалась. Добрый знак! Значит, не придется убирать щепки с пола.

Однако надо вставать, в покое всё равно не оставит. Не заперет, конечно, но в рыло сунуть может.

– Иду, иду, барин! Сейчас обустрою в лучшем виде!

Эх, как же не хочется покидать теплые полаты, сквозь

свежие опилки холодная земля лижет пятки. Окна, затянутые бычьим пузырем, рассеивают свет встающего солнца. Из-за сквозняка из щелей слегка покачиваются расшитые рушники по краям рамы. Я крещусь на иконы в углу – не зря же мы искали хозяев с православной верой.

Ух ты, да что же это за век такой? Глубокая старина?

Кряхтя, лезу под широкий дубовый стол, заодно заглядываю и под приколоченные к стене лавки. С плоской подушки на меня смотрят глаза встревоженного седоусого хозяина. Я прикладываю палец к губам и киваю успокаивающе, мол, спи, все в порядке. Шарю под ним, но сапога не нахожу, лишь лапти, кадушки да горшки.

– Митька! Долго тебя ждать?! Точно запорю!!

От неожиданности я вздрагиваю и здорово прикладываюсь о столешницу. Со скатерки соскальзывает глиняная кружка и, совершив недолгий полет, с глухим стуком разбивается.

– На штейште, – одними губами выдыхает хозяин дома.

– Ага, на счастье. Вон оно, ужоть проснулось и бушует, – я ползу осматривать оставшуюся часть горницы. На голове точно шишка вырастет.

– *Эй, уважаемый! Может, хоть вы меня услышите? Нет? И почему я не удивлен? Игровой персонаж вряд ли слышит игрока по ту сторону экрана...*

Сапога нет ни под разукрашенной прялкой, ни под кухонным шестком печи, ни под полками с утварью. Даже в хайло

печи заглядываю – чем черт не шутит?

Хозяин с хозяйкой не слезают со скамеек, тихо наблюдая за моими метаниями. Притаились ляхи, тоже страшатся моего начальника.

– Не ищи, Митька! Я уже нашел! И на какой ляд ты мне сдался, если я все сам делаю? А ну-ка подь сюды! – доносится из спальни.

Фу-у-ух! Как камень с плеч – ещё раз крещусь на иконы. Спасибо, Николай-угодник. Хозяева улыбаются, глядя на мое посветлевшее лицо. Нда, сегодня обходится без ломания мебели. Но ещё не вечер.

– Иду, барин!

Под моим напором скрипит дверь в светелку и замирает, натываясь на преграду. Приходится навалиться плечом и отодвинуть в сторону упавший табурет. С шуршанием открывается картина легкого разврата.

В крохотной спальне темно. На невысоком столике, вперемишку с нижним бельем и исписанными бумагами, валяется пустая бутылка и две небольшие чарки. С широкой постели, в свободной рубашке, зауженных штанах и одном сапоге, угрюмо смотрит гроза и гордость Прейсиш-Эйлау. По полку ходят легенды, как Давыдов один бросился на сотню французских улан, и, пока те гонялись за наглецом, на выручку подоспели русские гусары.

Да это же сам Давыдов! Вот это повезло! Неужели и он тоже оборотень? Или охотник?

Сейчас на постели посапывает очередная победа, из-под одеяла торчит заголенная ножка.

– Денис Васильевич, закрой срамоту-то! У меня жена осталась во Владимире, а подобное зрелище срамное ум на грех толкает, – прошу я и скромно отворачиваюсь к зашторенному окну.

– Эх, Митька! Экой же ты нежный стал. Всё, поворачивайся, укрыл, – нога и в самом деле исчезает под лоскутным одеялом. – Послушай-ка лучше, друг, какую элегию я накропал за ночь!

– Денис Васильич, жениться бы тебе. Глядишь, и отпадёт охота на стихоплетство. И по ночам не с очередной музой элегии бы выписывал, а богатырей плодил на радость отчизне. Забудь уж свою Аглаю, не терзай душу, – я помогал обертывать портянку.

– Молчи, дурак, и слушай! А про Аглаю ещё раз в таком тоне заикнешься – рыло начищу! – брови грозно сходятся в растрепанную сойку.

– Всё-всё-всё, дурак и слушаю! – спорить бесполезно, а в скулу ранее прилетало.

– Итак, назвал сие «Моя песня», – Давыдов встает в позу, и возвышенным басом зачитывает:

Я на чердак переселился:

Жить выше, кажется, нельзя!

С швейцаром, с кучером простился

И повара лишился я.....

Тут я задремываю и начинаю видеть свою владимирскую деревеньку в десяток дворов. Милую Анастасью Никифоровну, Петьку-несмышлениша. Думаю, что скоро французов победим, и я вернусь обратно. Что-то Давыдов тон повышает, никак заканчивает? Не пропустить бы феерию, а то и плюхой не отделаюсь.

Я кой-как день переживаю -

Богач роскошно год живет...

Чем кончится? И я встречаю,

Как миллионщик, новый год.

Стихи... и от самого автора, я заслушался.

Последнюю фразу почти выкрикивает, видать, накипело на душе. Спящее чудо ворочается под одеялом, но не рискует вылезать наружу.

– Ух, как здорово, Денис Васильич! Прямо с нас писано, ажинно дух захватывает! – я тихонько рукоплещу разгоряченному поэту.

Я рукоплещу вместе с тем, чьими глазами сейчас смот-

рю на Давыдова. Не фанат стихоплетства, но тут прямо душу вывернул...

– То-то, Митька! – румяные щеки алеют от похвалы, губы обнажают ряд белых зубов, – Вот говоришь, что «здорово», а сам щи готовить не хочешь!

– Денис Васильич, дык панночка у тебя на что? Пушай и сготовит. А ты сапог покуда надевай.

– Дурак ты, Митька! Она же муза, она же вдохновение! А что же такого я напишу, если от музыки несет кислыми щами? – сапог блестит звездочками шпор и с трудом налезает на крепкую ногу. Давыдов молодецкато подкручивает усы. – Черт с ними, со щами! Тут, брат Митька, дошел слух, что появилось в Петербурге юное дарование. На раз выдает памфлеты и стихи, но, по его же признанию, равняется исключительно на мои творения. Как же фамилия? Военная такая. А! Вспомнил – Пушкин! Сашкой зовут, вроде как на арапчонка похож...

Стучат во входную дверь. Давыдов кладёт руку на эфес сабли. Я тоже изготавливаюсь к броску – военная жизнь заставляет всегда быть начеку.

Хозяин встречает посетителей и пропускает внутрь двух мужиков. В шапках, больше похожих на цветочные горшки, у входа останавливаются бородатые глыбины. Здоровенные ручищи – быка задушить могут, ножищами сгодятся дорогу для пушек трамбовать.

По комплекции похожи на милиционеров, что недавно за-

бирали меня из общежития... а вот один из них... Тот, что слева... Он очень похож на бойца из видения про войну...

Мужики крестятся на красный угол и степенно обращаются к Давыдову:

– Здрав будь, пан.

– И вам здоровья, мужики! С чем пожаловали? Никак гусары обижают? – лохматые брови снова сходятся на переносице.

– Нет, чего-чего, а обиды не видим. За что спасибо и отдельный поклон, – мужики ещё раз кланяются.

– Чего же тогда? – Давыдов сохраняет нахмуренный вид, но губы озорно подергиваются.

– Дело у нас до твоего денщика. Отпусти на часок покалякать? Расскажет, что на фронте творится, – мужики пристально смотрят на меня, комкают в руках серые шапки.

– Если украл чего, так я и накажу! Если другая забота, то наперед спрашивайте с меня! – выпаливает Давыдов.

Я делаю самое невинное лицо. Перебираю в голове проступки: курица бесхозная носилась, а что бабенку у колодца пониже талии ущипнул, дык ей и самой понравилось. Вроде нет ничего такого, мордобойного.

Я только усмехнулся на его мысли. А мужик слева и вправду похож на бойца...

– Барин, упаси Господь. Мы узнали, что земляк он наш, из-под Владимира, вот и хотим новости услышать, что там да как! – мужички испуганно отшатываются от «разъяренного»

Давыдова.

– А-а-а, вот откуда по-русски так шпарите. Опять я без щей останусь? – качает головой Денис Васильевич, потом усмехается. – Ступай, Митька, наговоришься – придешь обратно. Все одно сегодня никаких дел не ожидается.

Мужики кланяются барину и выходят в сенцы. Я накидываю обмундирование – авось удастся и настойки выцыганить у слушателей. Я уж расстараюсь ради такого дела. Наказываю хозяевам присматривать за Давыдовым. Не знаю, понимают али нет, но согласно кивают.

– Показывайте, мужички, куда идтить-то надо? – я выхожу в летнее утро.

Хмурые мужики машут рукой и топают вдоль деревни, побрякивают подкованными каблуками на булыжниках. Я слеую за ними. Думаю по пути – каких бы небылиц наплести, чтобы чарку поднесли поглубже?

Просыпается утопающая в зелени деревня. Синеют боками камешки слив и блестят малиновой дробью кусты черешни. Петухи горланят как в последний раз, радуются солнцу. В заклетях у домов петушиное горлопанство обсуждают гогочущие гуси.

Белеют боками мазанки, почти возле каждой красуется сухой и поджарый конь. Наш полк временно расквартирован в Заблудове. Гусары постоянно в боевой готовности, могут по одному кличу вскочить в седло. Правда, ежели с «музами» ночуют, то клич придётся повторять дважды.

Подходим к крайней мазанке. С первого взгляда она ничем не отличается от других, на второй взгляд видно, что с хозяином что-то не так. Там прореха в крыше, там рваный угол пузыря на окне – глаз подмечает мелкие детали неурядицы. Не может быть такого у деловитых поляков, значит, хозяин либо болеет, либо редко здесь показывается.

Один из мужиков ударяет в потемневшую от времени дверь. Та беззвучно отворяется, на пороге никого.

– Заходите! Чаво мнетесь? – командует дребезжащий голос.

Ой, и не нравится мне в этой мазанке, вроде и нет ничего тревожного в сидящем на полатях старике, но какое-то непонятное чувство ноет под ложечкой. Так и хочется плюнуть на настойку, на мужиков с дедом, да бежать со всех ног без оглядки.

У меня тоже прокатилась внутренняя дрожь, похоже, я перенимаю эмоции от людей, чью реальность вижу.

– Пришел, значитца. Садись за стол да внимай словам моим, – старик в длинной ночной рубашке смотрит сквозь нас.

– Долгих лет, дедушка! Сказали, что мне речи разводить, а тута слушать придется? Может, тогда пойду я? Не досуг лясы точить, время-то военное, – я разворачиваюсь к выходу, когда на плечо ложится дубовая ладонь.

– Подожди, служивый! Дело сурьезное, твоего барина касемо. Послушай старика, и подумай, как дальше быть, – мужики кивают в сторону стола.

– Так и быть, уважу старость. Говори, деда, чего накопилось? – я сажусь за грубо сколоченный стол и наливаю из кринки молока. Хоть что-то, коли не предлагают настойку.

– На барина твоего хороброго, да на фельдмаршалов расейских объявлена охота, – вещает старик с печи. – Корсиканец назначил за каждого награду в виде большого села.

– Ну, рассмешил, деда! Да Денис Васильевич гордится, что является личным врагом Бонапарта. На раутах-балах так скромно и провозглашает на весь зал. Может, чего нового скажешь? – я не могу удержаться от смешка.

– Нового хочешь? Не людям корсиканец объявил сию награду, – отвечает старик.

От таких слов холодеет на душе, я осматриваюсь в поисках икон. Так вот что смущает – в мазанке нет красного угла.

– Да ты крестись на небо, чай, рука не отсохнет, – угадывает мои намерения старик. – Сынки, покажите ему нечисть, о которой я толкую.

Кряжистые мужики поднимают с пола тяжеленую крышку, и открывается темнота подвала. Туда уходят деревянные ступени.

– Пойдем, Митрий, не пужайся! Зверь не опасен, – говорит один, пока второй запаливает факел. – Игра у нас идет старинная, вот и споймали одного из игрочишек...

– Игра? Дурни что ли, во время войны играть?

– Да ты посмотри, а потом и слово молви.

Под мазанкой расположился большой зал с громоздкой

клеткой в углу. В неровном свете пляшущего огня из-за бурых прутьев на нас зыркают глазищи огромного волка. Сверху хлопает крышка, я вздрагиваю от неожиданности.

Хриплое рычание существа леденит и сковывает тело. Волосы шевелятся на макушке от вида зверюги. Волк покачивается на задних лапах, передние опущены к шерстистым бокам. И не волк это вовсе, а человек в шкуре волчьей... И не человек, а волк вставший на задние лапы... Ужась какая-то, будто волк бабу какую оприходовал, а она и выносила это такое чудище.

– Свят-свят-свят! – рука сама творит крестное знамение.

Волк щерится зубастой пастью, глядит на меня и вроде как всё понимает.

Похож на того самого перевертня, которого я переехал машиной...

– Вот каким нелюдям обещана награда, – гудит мужик с факелом. – Оборотни, изгои рода человеческого. Могут быть как людьми, так и зверьми.

Волчара смотрит сквозь медные прутья с такой ненавистью, что будь я менее тверд – прожег бы две дымящиеся дыры, как от пушечных ядер. Я ловлю себя на том, что беспрестанно крещусь.

– Откройте дверцу, сразимся честно! – рычит оборотень, растягивая слова.

– Ага, поищи дураков, не для того за тобой охотились, чтобы потом отпускать, – усмехается мужик с факелом.

Взревевший оборотень кидается на решетку и тут же отлетает к стене. Жалобно скулит, вылизывая дымящиеся лапы. Я пытаюсь пригладить вставшие дыбом волосы – плохо получается...

– Меди боятся? – спрашиваю я у мужиков, когда мы осторожно поднимаемся наверх.

– Только заговоренную, остальную просто не любят, – отвечает мужик, вынимая из кармана красное яблоко с выбитыми рунами.

– А это чавой-то такое? – спрашиваю, когда вижу, что мужик подносит белеющий черенок к факелу.

– Оружие супротив них, медная бомба. Фитиль тлеет три секунды, как подождешь – сразу же бросаешь! – мужик поджигает «черенок» и швыряет в подвал.

Захлопывается тяжелая крышка.

Внизу гулко ухаёт, земля ощутимо качается под ногами, с полки соскакивает пузатый горшок и разбивается на осколки.

– На штейште, – вспоминаю я слова полусонного хозяина.

– А теперича спустись и посмотри: на какое счастье, – хмыкает старик с полатей.

В лицо ударяет удушливый дым, когда открывается подпол. Откашливаемся и спускаемся вниз.

В земляных стенах застряли осколки бомбы, некоторые вырыли приличные ямы. Толстые прутья посечены, в клетке лежит голый окровавленный человек. Разбитые губы сияют-

ся что-то, но грудь, пронзенная во многих местах, последний раз опадает, и оборотень затихает.

– Все запомнил? Понял, почему награда такая и кому? – спрашивает старик, когда я выбираюсь наружу, и поясняет. – Если убьют оборотни одного из фельдмаршалов, то на растерзание им дается целая деревня. И супротив никто не пискнет.

Даже тогда шла охота на людей. И в ту пору были свои охотники...И этот мужик, побрить его, помыть – вылитый боец из другого сна!

Братья остаются внизу, я пытаюсь привести в порядок мысли. Даже икота окаянная привязалась.

– Да, деда, запомнил. Где ж мне теперь заговоренных бомб набраться-то? – никак не удаётся пригладить торчавшие волосы.

В желудке круговерть – срочно нужен свежий воздух.

– В ларь залезь, да возьми две, больше не нужно. Нам ещё самим отбиваться, – старик поднимает сухощавую руку, указывает на кованый сундук под окном.

Под кафтанами, полосатыми штанами и рубахами, вольготно расположились десять «яблочек». Тяжеленькие, оттягивают руку, а их ещё и кидать нужно.

– Деда, а как я узнаю, кто оборотень? Их же от людей не отличить, пока не перевернулись, – карманы отвисают из-за бомб.

– Почуешь, в тебе есть часть ведающей крови. Сейчас же

ступай, молодец и не отходи от барина ни на шаг, – старик укладывается на печи.

Я не дожидаясь выхода из подвала братьев, а быстрым шагом спешу обратно к Давыдову.

– Что, Митька, так быстро возвратился? Али не по нутру хозяевам пришлись твои басни? – Денис Васильевич затягивает подпруги.

В полном облачении, попыхивая трубкой, Давыдов радуется погожему летнему утру. Даже не догадывается, что за его голову обещаны людские жизни.

– Не всем же вирши слагать, да элигиями по бумаге рассыпаться. Рассказал всё как есть скороговоркой, в ответ попросили земле русской кланяться, да и был таков. А ты, Денис Васильич, куда собрался? – возвращается тоже тревожное чувство, как в хате старика.

– Хочу вчерашнее вино из головы повыветрить, да к дозорным проехаться! Проверить, как там французы! – легко влетает в седло Давыдов.

– Денис Васильич, я с тобой! Мало ли собеседник по пути понадобится! – я кидаюсь опроретью за своей лошадкой.

– Мой ли это Митька? Прежний, пока все горшки не облазит, и почесаться поленится! – Давыдов задорно щерится.

– Да как тебя одного-то оставишь? Накинутся музы оравой большой, да и утомят излишне. Вдруг завтра в бой, а ты уставший? Вот и поеду рядом, – я улыбаюсь в ответ.

Мы выезжаем из села и, легко пикируясь, скачем по тени-

стой лесной дорожке. Тревога нарастает, стараясь её не выказывать, шучу и дурачусь. Глазами же обшариваю каждое дерево, кусты, где может притаиться злобный враг.

Чу!

Что же так настораживает в раскидистом дубе, что встал впереди? Непонятное и необъяснимое. Чего-то лишнее в зеленой листве, пронизанной солнечными лучами.

Я тоже подобрался, хотя и не мог выявить причину беспокойства денщика.

– Денис Васильич, а дай-ка трубочку на секунду! – я поноукаю шпорами лошадь, загораживаю от дуба Давыдова.

– Митька, ты ж не куришь! Никак начать вздумал, подлец? Ещё табак у меня таскать будешь! Запорю тогда! – гусар вытаскивает-таки изо рта трубку и передаёт с дурашливым поклоном.

Я незаметно достаю медный плод, руны скребут по пальцам.

– Не, Денис Васильич, понюхать хотел. Правду ли говорят, что табачок у тебя душистый! – я понимаю, что смущает в дубе.

Среди листвы, скрывающей под зеленым пологом шершавый ствол, выделяется ветка, необычная своей угольной чернотой. Более похожая на дуло винтовки, ветка остается неподвижной под налетающим ветром.

– Взаправду ароматный, не врут люди. Сейчас, Денис Васильич, не удивляйся, так надо! – фитиль тлеет алой точкой,

и я со всей силы бросаю бомбу в сторону дуба.

Странная ветка выплёвывает пламя, и среди ясного неба грохочет громовой раскат. Сильный удар в бок выкидывает из седла, но я успеваю увидеть, как в куче листьев разрывается брошенный снаряд.

Земля кидается навстречу, жестко бьет по телу, вышибает дыхание...

Я вскрикнул от неожиданности, но меня, как всегда, никто не услышал.

Пытаюсь вдохнуть, но не могу, тяжелый камень давит на грудь, мешает, не дает воздуху проникнуть внутрь...

С дуба падает человек, секундой позже соскальзывает винтовка...

Падение врага вижу, когда Давыдов спрыгивает с коня и приподнимает мою голову.

Удалось-таки!

В глазах темнеет... Склонившийся Денис Васильевич, высокие деревья, ржущие лошади – всё теряет очертания.

– Митька, родной, ты как? Ты ж меня от смерти спас! Потерпи, сейчас закрою рану! – стоящий на коленях Давыдов прижимает платок к моему боку.

– Денисс Вассильич, а я так и не ссделал щщщей! – слова выходят с трудом, будто ташу гранитные валуны.

– Митька, родной! Да я тебе сам каждый день варить буду, только живи! – Давыдов слегка приподнимает меня, придер-

живая за плечи.

Смутно проступают усы, щеки... Остальное проваливается в темноту... По телу волнами расходится лютый холод... Серые сумерки клубами застилают глаза...

– Не отдавай на поррругание з-з-землю русскую! – я из последних сил хватаюсь за доломан. – Ты уж не гневайссся, пок-поклониссь за меня Анассстасссьюшшке...

– Не отдам, Дмитрий! Уж если они до такой подлости опустились, что из-за кустов стреляют, то и я в партизаны уйду. Отомщу за тебя, за Россию! Клянусь! – слова Давыдова проступают через вату, заложившую уши.

– Денис Васильевич! Французы перешли в наступление! Получен приказ отступить! – доносится ещё один голос.

– Митька! Вставай! Родной! Не смей умирать! Вставай! – трясет за плечи Давыдов.

Полная темнота... Холод...

Получено знание:

Обращение с медной гранатой охотника

Продолжение следует...